

СБОРНИК ТЕЗИСОВ

XIII МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ
СМОЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ
18–20 апреля 2025

Оглавление

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСКУССТВА	7
ИСТОРИЯ	43
КИНО И ВИДЕО	75
КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	96
МУЗЫКА И ТЕАТР	120
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	133
СОЦИОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ	164
ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА	225
ФИЛОСОФИЯ	267
GAME STUDIES	290

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСКУССТВА

Роль растительных мотивов в формировании сакральных пространств архитектуры Фатимидов

Азнабаева Яна Тимуровна

Санкт-Петербургский государственный университет

alisaijana@gmail.com

Растительный орнамент — распространенный элемент в исламской архитектуре. По мнению некоторых ученых, он может быть связан с кораническими картинами райских садов [1, с. 49]. С особой интенсивностью растительными мотивами оформлена сакральная архитектура Каира времен шиитской династии Фатимидов (909–1171). Растительный орнамент присутствует в интерьере и, преодолевая его границы, продолжает свое развитие в экsterьере. Архитектурная деятельность Фатимидов характеризуется стремлением продемонстрировать легитимность своей власти и истинность исмаилитского учения, их искусство должно пониматься как средство пропаганды, служащее не только для завоевания территорий, но и для воздействия на умы [4, с. 34]. В настоящей работе предполагается, что настойчивое использование растительных орнаментов и их техническое исполнение могут быть связаны с мировоззрением исмаилитов. Согласно их представлениям, Рай — это аллегория совершенного знания [2, с. 183]. Так, растительные мотивы фатимидской архитектуры могут воплощать идею этого знания.

В работе будут проанализированы растительные мотивы фасадов мечетей Ал-Хаким (990–1013) и Ал-Акмар (1125), а также иных сохранившихся памятников фатимидской архитектуры. Для исследования представляется важным не только метафорическое значение растительных орнаментов, но и пластические решения в их воплощении, стилистические особенности, которые создают впечатление живой, органической структуры и подчеркивают идеи исмаилитов о свете знания и истины как о Рае, Саде. Фасады мечетей Ал-Хаким и Ал-Акмар оформлены утонченной каменной резьбой. Они выполнены так, что при приближении становятся заметными все больше деталей; резьба воспроизводит эффект, характерный для восприятия человеком природы — перед зрителем раскрывается бесконечное богатство форм [3, с. 503]. На фасаде Ал-Хакима растительный орнамент не одинаков. Более того, для эпиграфики Фатимидов в основном используется такой почерк, как цветущий куфи: растительный орнамент развивается из арабской вязи (пример тому — михраб мечети Ибн-Тулуна 1094 года). Вместе с мечетями необходимо принять во внимание панели из Дворцового комплекса Фатимидов, поскольку дворцы считались сакральным пространством и порой выполняли функцию главного святилища столицы [5, с. 30]. Там проводились самые торжественные религиозные ритуалы и праздники шиитской общины. Панели деревянные и украшены резьбой. На панелях антропоморфные и зооморфные образы становятся единым целым с растительным орнаментом.

Таким образом, в работе рассматривается связь растительных мотивов с исмаилитской доктриной и пропагандистской деятельностью Фатимидов. Задача фатимидской архитектуры — настроить человека на знание, доступное только приверженцам исмаилизма, используя растительные мотивы и буквально заполняя ими все пространство: фасады мечетей, стены, двери, михрабы. Активное создание этих мотивов сообщает о стремлении исмаилитов распространить свое учение.

Список источников:

1. Пиотровский М. Б. О мусульманском искусстве. — Санкт-Петербург: Славия, 2001. — 148 с.
2. Фильшинский И. М. История арабов и Халифата (750–1517 гг.). — Москва: ACT, Восток-Запад, 2006. — 349 с.
3. Габричевский А. Г. Морфология искусства. — Москва: Аграф, 2002. — 864 с.
4. Bloom J. The origins of Fatimid art // Muqarnas. — 1985. — Vol. 3. — P. 20–38.
5. Behrens-Abouseif D. The facade of the Aqmar Mosque in the context of Fatimid ceremonial // Muqarnas. — 1992. — Vol. 9. — P. 29–38.

Переосмысление текстильных техник как инструмента женской художественной практики

Аксенова Анжела Николаевна

anzhelaaksenovajournalist@mail.ru

Текстиль как традиционно женский медиум долгое время находился в категории рукоделия, но феминистский дискурс 1960-х годов позволил перейти ему в разряд полноценного искусства. Цель исследования — определить особенности художественных практик, которые сделали текстиль объектом художественного поля.

Значительную роль в переосмыслинении возможностей визуальных средств текстиля сыграла текстильная мастерская Баухауса — «женская кафедра». Ее ученицы 1920-х годов — Гунта Штальцль, Отти Бергер, Анни Альберс — ставили перед собой задачи поиска новых методов в работе с текстилем. Путь к признанию текстиля как полноценного искусства они видели в ориентации на его контактность и трехмерность [1, с. 27]. Революционным событием в мире текстиля стала также выставка «Тканые формы» 1963 года, в которой участвовали Ленор Тоуни, Шейла Хикс, Алиса Адамс, Клер Цайслер, Дориан Захай. Именно их работы стали объектом данного исследования [2, с. 85].

Художницы не отменяют традиционные ремесла, а переосмыливают их, используя в чем-то маниакальные подходы, исходящие из общественного гнета и самоподавления. Например, в плетении тысяч одинаковых кружевных салфеток видится противоречивое сочетание экспрессии и ограничений, что и представляет собой специфичность женских практик [3, с. 59]. Отсюда следует гипотеза исследования: установление текстиля как искусства произошло благодаря определенной практике отрицания, в ходе которой традиционные жесты освобождаются от патриархального понимания и присваиваются себе в чистом виде. Поэтому опыт сопротивления заметен и в «тихой» форме визуальных средств.

Например, открытый намек на отображение женского опыта в работе Ленор Тоуни «Невеста» 1962 года заметен только в самом названии. В остальном перед нами абстрактная вытянутая форма длиной 3,5 метра с прорезями посередине, нити которой сплетены тремя разными техниками. Такая работа требовала высокой степени концентрации, что доказывает «маниакальность» подходов к работе с текстилем среди художниц. Опыт женского сопротивления скрыт в самой технике плетения. Абстрактность и отказ от прямолинейности высказывания являются основными средствами текстильных художниц 1960-х годов [4].

Новизна исследования заключается в том, что инсталляции изученных авторов, как правило, не причисляются к феминистскому искусству, так как основным критерием выбора зачастую является лишь тема. Однако нарратив женского/феминистского искусства может скрываться и в самой философии художественного метода. Результатом исследования стало

описание визуального языка текстильного искусства в контексте феминистского критического взгляда.

Однако в практиках современных художниц больше провокационных жестов. Вероятно, сам материал определяет возможную тематику работ, преимущественно связанную с репрезентацией травмы, поскольку текстиль обладает значительным потенциалом для хранения социальной памяти [5, с. 105]. Это предположение является объектом дальнейшего исследования.

Список источников:

1. Цветкова Н. Н. Искусство волокна «Fiber Art» второй половины XX–XXI вв.: особенности развития // Terra artis. Искусство и дизайн. — 2021. — № 2. — С. 24–35.
2. Митрофанова Н. Ю. Текстильная скульптура. Новые возможности «старого» материала // Новое искусствознание. — 2019. — № 3. — С. 80–87.
3. Созо-Боэтти А. Способность отрицания как практика женского искусства // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000 / Пер. с англ.; Под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. — Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. — С. 57–67.
4. Rosenberger C. B. Midcentury artist Lenore Tawney offered a radical vision of what weaving could be [Электронный ресурс]. — 2020. — URL: <https://www.artnews.com/art-in-america/features/lenore-tawney-mirror-of-the-universe-john-michael-kohler-arts-center-1202686823/> (дата обращения: 15.01.2025).
5. Игнатенко Г. С. Текстиль и тактильная эмпатия: практики репрезентации травматического опыта // Коммуникации. Медиа. Дизайн. — 2023. — Т. 8, № 4. — С. 104–120.

Наследие традиций минхва в творчестве современных корейских художников

Вилкова Анастасия Алексеевна

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина

anastasiya-vilkova04@mail.ru

Минхва — корейская народная картина, широко распространенная в конце XVIII—XIX веков. Минхва характеризуется особенной простотой в исполнении: грубые линии контура, в самой живописи главное — это использование насыщенного локального цветового пятна. Художник, работавший в этом направлении, должен создавать понятное изображение для зрителя, не тратя на это много времени, поскольку мастера работали над многочисленными заказами [1].

Термин «минхва» был введен в употребление благодаря деятельности Янаги Соэцу (1889–1961). Японский исследователь занимался изучением предметов корейского прикладного искусства и организацией выставок народного творчества [2]. Янаги Соэцу также поднимал вопрос изучения наследия корейской живописи. По его мнению, это необходимо для сохранения художественных памятников и осознания их культурной ценности, но, что не менее важно, в народном искусстве он видел источник вдохновения для современных художников, которые не останутся равнодушными к сочетанию в картинах минхва «современности» и «свободы» [3].

И действительно, в XXI веке в искусстве Южной Кореи наблюдается рост интереса к народной живописи, наследие минхва активно изучается. Проводятся многочисленные выставки, такие как «МИНХВА и минхва: Корейская народная живопись в диалоге с современностью» (март-апрель 2020) в Корейском культурном центре в Нью-Йорке, «Минхва сегодня» (февраль-апрель 2021) в Сиднее. Также организуются большие фестивали с участием мастеров, обращающихся в своем творчестве к народной живописи, например, «Чхэккори. Книжный шкаф чудес» в мае 2021 года во французском городе Нанте.

Главной целью данной работы является выявление причин актуальности народного искусства для современных корейских художников. Некоторые живописцы копируют минхва, проявляя тем самым интерес к самобытному явлению в корейском искусстве. Другие мастера создают собственные произведения, заимствуя сюжеты, композиционные приемы и колористические решения народных картин. Такое обращение к наследию минхва во многом обусловлено тем, что в нем для художников открывается одно из самых ярких проявлений национальной культуры [4].

В настоящем докладе будут проанализированы произведения мастеров XXI века (Ли Чисук, Ан Сонмин, Хон Чиён, Чхве Чэхёк и другие), которые так или иначе обращаются к живописи минхва в своем творчестве. В результате сравнительного анализа их работ непосредственно с памятниками народного искусства мы отметим, что для современного

корейского художника остро стоит вопрос традиций. Возвращение к народному искусству часто связано с поиском истоков национальной культуры с ее особым путем развития. Именно поэтому художественная практика мастеров XXI века преследует цель восстановления утраченных культурных ценностей.

Список источников:

1. Хохлова Е. А. Искусство Кореи. — Москва: АСТ, 2024. — 192 с.
2. Киреева Л. И. Декоративные иероглифы мунччадо в корейской культуре // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2007. — С. 429–446.
3. Marquet C. Folk painting as defined by Yanagi Sōetsu: from revolutionary painters to pictorial revolution [Electronic resource] // Cipango. French Journal of Japanese Studies. — 2012. — No. 1. — URL: <http://journals.openedition.org/cjs/132> (дата обращения: 04.01.2025).
4. Traditional Korean Painting. — Seoul, Korea: Si-sa-yong-o-sa Publishers, 1983. — 177 p.

М. Бекман и Г. Бенн. Рождение мифа из разочарования в реальности

Головина Полина Леонидовна

Санкт-Петербургский государственный университет

appolinariaggg@gmail.com

Цель работы — рассмотреть взаимопроникновение тем в работах Макса Бекмана и Готфрида Бенна, как оба по-своему пытаются справиться с разочарованием в окружающем мире и в итоге находят выход в мифотворчестве. Оба равнодушны к трагедии человеческого тела. Оба испытывают неясную тоску по несбыточному, их творчество представляет собой «зрелые откровения человека, очищенного страданием» [1, р. 11].

В сборнике «Морг» (например, «Астрочка») герой-врач мучится томлением: по этой причине автор усиливает акцент на телесности, описывая настроение, когда хочется скальпелем снимать плоть мышцу за мышцей, слой за слоем, чтобы найти под ней правду о человеке. Она должна предварять собой великую любовь, но все, что есть у врача — надрез, разочарование, препарированное сердце юной пациентки. Макс Бекман («Ночь», 1918–1919) схожим образом решает проблему тоски и страдания. Он исследует, задает немые вопросы. Художники Новой вещественности «буквализируют семиологию фрагментов и вырезов, пользуются ими как хирургическими инструментами» [2, р. 228] — Бекман режет холст грубыми черными полосами, снимает внешнюю шелуху, расчленяет форму, пытаясь дойти до сути вещи, заглянуть за ненавистный контур.

Отсутствие ответов приводит к разочарованию, которое очищает обоих. Выход они находят в создании собственного стиля, замкнутой системы, в которой обитают образы. Готфрид Бенн в цикле «статических» стихотворений создает ограниченное пространство путем преодоления привычной действительности через перевод ее в план выразительных средств [3, р. 19]. В собственноручно нарисованных декорациях сосредотачивается чистая эмоция, из нее конструируется новый мир, где нет привычной среды. Поэт использует фрагментарность ощущений, короткие строки, ломаный ритм. Содержание предложений подчиняется сугубо внутренней логике, потоку воспоминаний и ассоциаций, возникающим в сознании лирического героя.

Макс Бекман, в свою очередь, уходит в мифотворчество (поздние триптихи). Картины не впускают в себя, держат зрителя на расстоянии. В то же время густая краска и неправильные формы не позволяют оторвать взгляд. Образы осознаны и предельно конкретны, они плотны, самодостаточны и активно присутствуют в своей среде. Форма слегка расплывается, словно художник наносит краску на черный холст — изображение выходит из темноты, как образ из сна, о котором чем больше думаешь, тем сложнее удерживать в памяти его черты. Но персонажи слишком реалистичны, клубок ассоциаций, связанных с ними, оказывает суггестивное воздействие, заставляя проникнуться, не отрываясь от земли.

Художник находит точку опоры в своем искусстве, точку отсчета в новой системе координат. Поэт воспринимает творчество как переход к миру без печали. В конечном счете, оба освобождаются.

Список источников:

1. Чечот И. Д. От Бекмана до Брекера: статьи и фрагменты: сб. ст. / сост. И. Д. Чечот, А. И. Чечот. — Санкт-Петербург: Мастерская Сеанс, 2016. — С. 6–64.
2. Фостер Х., Краусс Р., Буа И.-А., Бухло Б. Х. Д., Джослит Д. Искусство с 1900 года: модернизм, антимодернизм, постмодернизм. — 3-е изд., испр. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2021. — 896 с.
3. Бенн Г. Собрание стихотворений / сост., предисл., примеч. и пер. с нем. В. Топорова. — Санкт-Петербург: Евразия, 1997. — 497 с.

Тенденции модерна в творчестве Аоки Сигэру

Губанова Елизавета Юрьевна

liza.veta.g93@gmail.com

Творчество Аоки Сигэру (1882–1911) обычно рассматривается в исторической парадигме ёга («западного стиля») японского искусства эпохи Мэйдзи, которая сконцентрирована вокруг творческой и просветительской деятельности Куроды Сэйки и его учеников. Однако творчество Аоки Сигэру самобытно по отношению к данной эпохе. Включение его в контекст мирового искусства ставит задачу обозначить место творческого наследия художника в культурных системах Запада и Востока, и совокупность основных характеристик указывает на преобладание тенденций модерна.

Аоки был учеником Куроды, благодаря которому французская живопись считалась эталоном ёга. Однако Аоки увлекался непопулярными у большинства японских художников прерафаэлитами, репродукции которых печатались в журнале «Мёдзё» [1, р. 394], он даже заимствовал композицию работы Берн-Джонса для собственной картины «Оонамути-но-микото» (1905) [2, р. 42]. Также много времени проводил в Императорской библиотеке, где наряду с древними японскими текстами читал сочинения Ницше, Толстого, Шекспира, Данте, Гёте и др. [там же, р. 80]. Причудливое переплетение визуальных и духовно-идейных источников сформировало художественный язык автора.

В работах Аоки множество уникальных для ёга приемов цвета, сюжетных идей из древней японской литературы «Кодзики». Не существовало японских живописных традиций или изобразительных канонов, от которых Аоки мог бы оттолкнуться в изображении выбранных им сюжетов. Поэтому замыслы и художественные концепции Аоки оставались личными, полными индивидуальных поисков в романтическом духе. Например, «Круговоротение» (1903) является собой персонифицированную в танце буддийскую концепцию сансары [там же, р. 14]. «Ямато Такэру» (1906), «Ёмоцу Хирасака» (1903) и «Оонамути-но-микото» (1905) отличаются цветовым символизмом. Работы Аоки тяготеют к монументальности и декоративности настенных панно. Почти в каждом произведении присутствует ощущение туманной дымки, в которой фигуры вот-вот растворятся, которую усиливает явная незавершенность.

Незавершенность как средство художественной выразительности в полной мере воплотилась в главной работе Аоки «Дары моря» (1904). В ней господствует чувство ускользающего пространства сновидения, проникновения в метафизическое пространство, соответствующее поэтике моря в культуре Мэйдзи. Образы рыбаков на ней символичны, лишены времени и места, но в их простоте заключается торжественность момента, и природа как вместилище духовного начала выходит на первый план. Точно неизвестно, считал ли автор работу завершенной или планировал вернуться к ней [3, р. 23].

Аоки видел в живописи свое предназначение, с чем связана его трагическая судьба, полная странствий и одиночества. Осталось мало свидетельств об источниках его вдохновения, но его живописное наследие показывает особую картину мира, в которой происходят постоянные метаморфозы, движение внутренних сил, где не существует границ между реальным и фантастическим.

Список источников:

1. Takahashi S. Aoki Shigeru no hyoka o megutte // Kansai Daigaku To-zai Gakujutsu Kenkyujo Kiyo. — 2015. — № 48. — P. 389–405. (на японском языке)
2. Abe N. Aoki Shigeru. — Tokyo: Shinchosha, 1997. — 93 р. (на японском языке)
3. Yoshida N. Aoki geijutsu no kansei to mikansei // Bigaku. — 1973. — № 24. — P. 16–29.

Связующее звено: куратор между идеей и восприятием

Закураева Елизавета Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет

elizabeth.zakuraeva@gmail.com

Современный куратор — это ключевая фигура художественного процесса, соединяющая авторское высказывание с контекстами восприятия, обеспечивая диалог между художником, обществом и институциями. Если раньше куратор выступал преимущественно как организатор выставок, то сегодня он стал концептуальным соавтором, влияющим на интерпретацию произведений, создающим новые формы взаимодействия с аудиторией, что подтверждается Полом О'Нилом [1].

Во второй половине XX века кураторская практика прошла путь от институционального посредничества к самостоятельному творческому высказыванию, что во многом связано с критическим осмыслиением фигуры автора [2] и трансформацией выставочного формата под влиянием новых медиа и глобальных культурных процессов [3; 4]. С развитием цифровых технологий куратор становится связующим звеном, аккумулирующим художественный мир в мир смыслов, объединяя разрозненные элементы визуальной культуры в целостные нарративы.

Особенно актуальны эти изменения в эпоху антропоцен и метамодерна, как отмечает Робин ван ден Аkker, когда искусство реагирует на глобальные вызовы, а границы между дисциплинами, медиумами и аудиториями становятся все более подвижными [5]. Кураторская деятельность приобретает гибкость и многослойность, позволяя создавать выставочные проекты, ориентированные на критическое осмысливание настоящего и моделирование возможного будущего.

Современные кураторские практики в новых концептуальных рамках эпохи характеризуются отказом от линейных иерархий и усилением горизонтальных связей. Глобальная децентрализация художественных процессов и переход к цифровым способам презентации изменили саму природу кураторства, сделав его более подвижным и мультидисциплинарным. Куратор сегодня не просто «собирает концы», но и сам создает новые точки входа в художественный дискурс, определяя траектории движения зрителя и произведения.

Исследование актуально для понимания эволюции визуальной культуры в XXI веке в условиях быстро меняющегося мира, развития современных технологий, ослабления старых нарративов и формирования нового типа взаимодействия между людьми, а также для выявления новых стратегий кураторской работы. Оно основано на анализе ключевых кураторских проектов последних десятилетий, включая международные выставки (Венецианская биеннале, Documenta) и интервью с практикующими кураторами,

раскрывающих их роль в переосмыслении художественного процесса и формировании новых подходов к кураторской практике.

Список источников:

1. О'Нил П. Культура кураторства и кураторство культур(ы). — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 272 с.
2. Барт Р. Смерть автора // Эстетика и теория искусства XX века: хрестоматия / сост. Н. А. Хренов, А. С. Мигунов. — Москва: Прогресс-Традиция, 2008. — С. 123–134.
3. Манович Л. Язык новых медиа. — Москва: Ad Marginem, 2018. — 400 с.
4. Бинчик Э. Эпоха человека: риторика и апатия антропоцен. — Москва: Новое литературное обозрение, 2022. — 392 с.
5. Аккер ван ден Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. — Москва: РИПОЛ классик, 2022. — 426 с.

Медиаэнвайроментализм как способ выражения философского концепта на примере выставки «Les immatériaux» Ж.-Ф. Лиотара

Иванова Елизавета Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

elizabethjohns290796@mail.ru

В работе рассматриваются иммерсивные и мультисенсорные способы воздействия, выражающие философский концепт в кураторском проекте Жана-Франсуа Лиотара (J.-F. Lyotard) «Нематериальное» (Les Immatériaux). Выставка, реализованная в 1985 году, представляет собой среду, способствующую погружению в концепт «Состояние постmodерна» [1] и не-материи. Медиаэнвайроментализм осуществляется за счет повествования через пространство, медиа и создания атмосферы, благодаря чему происходит рефлексия и чувственное восприятие концептуального конструкта. Выражение концепта через окружение подразумевает не прямое повествование смысла, а создание «мыслящей» медиа среды, что особенно актуально в эпоху, где потоки информации, как никогда ранее, повсеместно заполняют пространства, а технологии замещают классические методы коммуникации. Спроектированное выставочное пространство погружает в концепт через звуковой ландшафт (поэтические, философские фрагменты, звуки физических объектов и т. д.) и дезориентацию в пространстве благодаря архитектуре, световому и цветовому дизайну, техническим объектам и т. д.

Целью исследования является анализ медиаэнвайроментализма как кураторской стратегии и способа репрезентации философского концепта. Задачи включают в себя анализ применения задействованных медиа, исследование технологии создания цельной медиа среды и ее воздействие на восприятие концепта.

Ж.-Ф. Лиотар отказывается от «оформления» объектов в пользу создания процессуального эстетического опыта. Организация многоканальной медиасреды создает трансцендентальный и мультисенсорный опыт, не сводимый к отдельным переживаниям от восприятия автономного произведения искусства. Куратор также проявляет «парадокс предшествующего будущего», описывая его: «Творение не может стать творением модерна, если не принадлежит наперед к постмодерну» [2:28], категорию времени и понятие «Возвышенного» Иммануила Канта [3], с помощью которого объединяет концепции дематериализации и постмодерна. Все репрезентируемые философские конструкты являются составляющими постмодернизма Ж.-Ф. Лиотара. Как пишет Н. В. Смолянская: «Ж.-Ф. Лиотар объединяет эти термины, соотнося их с понятием возвышенного, которое у Канта было связано с “бесформенным” (*informe*): искусство не может “оформить” эти новые отношения с миром в традициях пластических поисков, оно транслирует некие послания, преобразуя “материальные” качества объектов в “нематериальные” при помощи ассоциаций,

перекличек различных технических медиумов, объединения звука, движения, экранных образов, микро- и макросъемки и т. д.» [4:2].

В работе использованы философские труды Ж.-Ф. Лиотара и Иммануила Канта, каталог выставки и статьи, анализирующие выставку. В работе был применен аналитический метод, включающий разбор концепций, медиа и экспозиции, и ее воздействие на зрителей. Проанализирован философский конструкт и организация выставки, выявлены особенности воздействия медиа, исследован медиаэнвайроментализм как кураторская стратегия для передачи философского концепта.

Список источников:

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. — 159 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей. Глава 1: Ответ на вопрос: что такое «постмодерн?» // Постмодерн в изложении для детей. — С. 28.
3. Кант И. Критика способности суждения. — Москва: Издательство Аст, 2022. — 448 с.
4. Смолянская Н. В. Возвышенное в интерпретациях искусства постмодерна: концепция Ж.-Ф. Лиотара для выставки «Нематериальное» [Электронный ресурс] // Философский журнал Института философии РАН. — 2009. — № 1 (2). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvyshennoe-v-interpretatsiyah-iskusstva-postmodern-a-kontseptsiya-zh-f-liotara-dlya-vystavki-nematerialnoe> (дата обращения: 10.01.2025).

Женские образы в живописи эпохи Каджаров (1785-1925)

Кемская Александра Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

alexandra72345@gmail.com

В искусстве Ирана эпохи Каджаров (1785–1925), ставшей одной из последних фаз в истории иранского художественного опыта, большое распространение получили женские образы — до нас дошло множество полотен этой тематики. Их изучению и посвящена моя работа «Женские образы в живописи эпохи Каджаров (1785–1925)».

Хотя сейчас уже существуют подробные и обстоятельные исследования об изобразительных традициях каджарского Ирана [1, р. 30], а также о теме гендерных отношений [2, р. 15], отражаемых в живописи, женские образы все еще остаются недостаточно изученными и не выделяются в качестве самостоятельного направления для исследования.

Стилистика полотен с женскими образами и их тематика, унаследованные Каджарами от предшествующей династии Сефевидов (1501–1722), трансформировались и приобрели новые черты, заимствованные из культурного диалога с Европой, что проявилось особенно сильно в позднекаджарский период, сопровождавшийся активной вестернизацией Ирана [3, р. 52].

Изображения женщин в каджарском искусстве отражали не только эстетические предпочтения, но и социальные нормы, актуальные в то время. Важно понимать, что эти изображения не были портретными, а лишь репрезентировали образ красавицы [там же, с. 25]. Они всегда были символически наполнены и воссоздавали культурный контекст как каджарской, так и предыдущих эпох. Это выражалось не только в композиционном построении картины и одежде женщин, но и в сопутствующих элементах, таких как роза, вино и яблоко, являющихся символами рая в суфийском представлении, что подкреплялось идеализированными изображениями вечно молодых красавиц [4, р. 54].

И если одиночные изображения женщин выстраивали диалог между собой и зрителем, то изображения обнимающихся пар мужчина-женщина имели под собой гораздо более глубокую концептуальную основу. Не разделенные по полу изображения мужчин и женщин вплоть до XIX века, к концу правления Каджаров оказались строго гендерно регламентированы. На таких полотнах немаловажным аспектом стал особый взгляд женщины, делающей ее объектом желания, а также наличие рядом фигуры молодого безбородого мужчины, который, в свою очередь, тоже рассматривался в иранском обществе того времени как объект желания. Таким образом, взгляды изображенных персонажей выстраивали со зрителем трехстороннее взаимодействие, являющееся аллегорией рая с вечно молодыми женщиной и мужчиной, дополненной вином, розой и фруктами [2, р. 32].

Так или иначе, содержательная составляющая женских образов оставалась неизменной на протяжении всего периода правления Каджаров — женщина изображалась как существо, принадлежащее метафизическому миру, выходящему за рамки эмпирического.

Список источников:

1. Diba L. S. *Images of Power and the Power of Images: Intention and Response in Early Qajar Painting (1785–1834)* // *Royal Persian Paintings: The Qajar Epoch 1785–1925* / ed. by L. S. Diba, M. D. Ekhtiar, B. W. Robinson. — New York: I. B. Tauris Publishers in Association with Brooklyn Museum of Art, 1998. — P. 30–49.
2. Najmabadi A. *Women with Mustaches and Men Without Beards: Gender and Sexual Anxieties of Iranian Modernity*. — London: University of California Press, 2005. — 377 p.
3. Адамова А. Т. Персидские рукописи, живопись и рисунок XV — начала XX века: Каталог коллекции. — Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2010. — 512 с.
4. Lewinsohn L. C. *An Introduction to the History of Modern Persian Sufism, Part II: A Socio-Cultural Profile of Sufism, from the Dhahabi Revival to the Present Day* // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. — 1999. — Vol. 62, No. 1. — P. 36–59.
5. Milani M. *Sufism in the Secret History of Persia*. — London: Routledge, 2014. — 256 p.

Нить как символ женской идентичности в современном искусстве: разрыв, травма и восстановление

Кожурова Арина Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет

arinakozhurova@yandex.ru

Линейное понимание женской идентичности, сводившееся к репродуктивной функции, доминировало в биологическом детерминизме, классическом психоанализе и структурализме. Женщину рассматривали как часть бинарной оппозиции, в которой она отражала пассивное начало [1]. Только во второй половине XX века появилась критика западной философии за стремление редуцировать женскую идентичность к единственной модели. Люс Иригарей в работе «This Sex Which Is Not One» о женщине как о чем-то всегда множественном, текучем, ускользающем от единственной формы [2]. Американские исследовательницы Сандра Гилберт и Сьюзан Губар подчеркивали, что женская идентичность всегда существовала в двойном отражении: в образах, созданных мужчинами, и в собственных попытках переопределить себя [3]. В современном мире ролевой набор женщины заметно расширился, однако это же и стало причиной множества противоречий и социальных ожиданий, которые, обрушившись на нее, привели к внутреннему конфликту. Наиболее ярко на этот процесс реагирует современное искусство, способное невербально обнажить болезненную трансформацию женского образа. В настоящей статье, как альтернатива линейному подходу, предлагается анализ нити как символа женской идентичности в современном искусстве. Эта нить имеет множество концов; она переплетается, обрывается, формирует узлы. В процессе их распутывания можно обнаружить новые смысловые слои, заставляющие по-иному взглянуть на социальные установки. Исследование позволяет раскрыть, как художницы отражают многогранные процессы, через которые проходит женщина в современном обществе, и переосмыслить женский опыт.

Женская идентичность формируется в условиях налагающихся культурных, социальных и исторических факторов, которые могут оставить глубокие раны. Травма — личная (психологическое или физическое насилие, угнетение, подавление голоса) или коллективная (гендерная дискриминация, историческая несправедливость) — запутывает нить женского существования, превращая ее в узел. Этот узел — не только символ застоя и боли, но и точка напряжения, требующая осмыслиения. Символика нити в искусстве нередко оказывается связана с темой разрыва, утраты и невозможности целостного существования. Разорванные, спутанные или оборванные нити символизируют прерванную память, разрушенную идентичность и женский опыт насилия или дискриминации. Нить сохраняет женский голос, который ранее не имел возможности быть услышанным. Она олицетворяет хрупкость, уязвимость и возможность разрыва, раскрывая женское тело как объект давления, связывает травмирующее прошлое с настоящим. Нить реконструируется, как

реконструируются традиционные роли женщины. Разрыв нити становится метафорой раны, а ее сшивание — процессом исцеления. Художницы используют нити, чтобы заявить о своей устойчивости. Переплетенные нити раскрывают взаимосвязь женщин и их коллективный опыт.

Таким образом, благодаря своей богатой метафорической природе нить становится мощным инструментом в современном искусстве. Через разрыв, спутанность, зашивание и плетение художницы создают сильные визуальные высказывания о травме, исцелении и многослойности женского опыта. Эти работы не только фиксируют переживания, но и предлагают новые способы осмыслиения многогранности женской идентичности в современном искусстве, которая формируется не в линейном движении, а в сложном переплетеии опыта.

Список источников:

1. Вейнингер, Отто. Пол и характер : Теорет. исслед. / Отто Вейнингер ; Пер. с нем. В. Лихтенштадта; Под ред. и с предисл. А. Л. Волынского. — Санкт-Петербург : Посев, 1908. — XXVI, 484 с.
2. Irigaray L. This Sex Which Is Not One. — New York, 1985. — P. 223.
3. Gilbert S. M., Gubar S. The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth-Century Literary Imagination. — United Kingdom: Yale University Press, 2020.

Пересечение традиций и новаторства в творчестве Гюстава Кайботта

Котлярова Софья Сергеевна

Санкт-Петербургская академия художеств им. Ильи Репина

lолilaleu@gmail.com

Живопись Гюстава Кайботта неотделима от его роли покровителя и коллекционера искусства импрессионистов. Между тем вопрос о том, насколько он, связанный дружескими узами с группой художников, действительно разделял их творческие принципы, остается актуальным. Цель моего доклада — установить контекст, в который следует поместить живопись Кайботта, не ограничиваясь XIX веком. Для этого необходимо не только выявить явления, повлиявшие на формирование творческого метода мастера, но и определить спектр воздействия его искусства.

Варнедоу, первым сформировавший мнение о Кайботте как о мастере городского пейзажа, отмечал в качестве прецедентов для композиционных решений художника работы Пьеро делла Франческа, Тинторетто и Пармиджанино [4, р. 24]. Выходя за рамки западной традиции, необходимо отметить влияние японской гравюры, в то время получившей особое признание французскими мастерами.

Расширить представление о живописи Кайботта может сравнение с творчеством таких его современников, как Томас Икинс и Макс Клингер. При этом те же «эмоциональные элементы», которые связывают этих художников между собой, не только отсылают к эстетике романтизма, но и «служат прямой основой для экспрессивных тенденций» в будущем [4, р. 15]. Отдельно необходимо отметить, что искусство Кайботта вызывало особый отклик у скандинавских живописцев.

Актуальность доклада обусловлена не только попыткой расширить количество художественных тенденций, в рамках которых рассматривается наследие Кайботта, но и стремлением обозначить истоки его творческих принципов. Исследования в этой области проводятся преимущественно зарубежными учеными [2; 3; 4], самые крупные из них сосредотачивают свое внимание на принадлежности живописца к кругу импрессионистов. Таким образом, углубленное исследование наследия художника должно не только помочь преодолеть противоречивость оценок, вызванную во многом недостаточной изученностью его живописи, но и позволить выйти на независимое от какого-либо контекста осмысление его роли в развитии искусства.

Список источников:

1. Dans l'intimité des frères Caillebotte, peintre et photographe. Catalogue. — Paris: Skira Paris; Flammarion, 2011. — 240 p.
2. Morton M., Shackelford G. T. M. (eds.) Gustave Caillebotte: The Painter's Eye. — Chicago: University of Chicago Press, 2015. — 283 p.

3. Distel A. (ed.) Gustave Caillebotte: Urban Impressionist. Catalogue. — Paris: Réunion des Musées Nationaux: Musée d'Orsay; Chicago: Art Institute of Chicago; New York: In association with Abbeville Press, 1995. — P. 142.
4. Varnedoe K. Gustave Caillebotte. — New Haven; London: Yale University Press, 1987. — 220 p.
5. Raybone S. Gustave Caillebotte as Worker, Collector, Painter. — USA: Bloomsbury Visual Arts, 2020. — 265 p.

Экспонирование анимационного движущегося образа в выставочных проектах

Корнева Анна Антоновна

Санкт-Петербургский государственный университет

neva.anna21@gmail.com

Анимация как художественная практика возникает на выставках в виде нейрографической живописи, мэппинга как части дизайнерского решения, в виде видеоарта в блэкбоксах и на разного рода экранах.

В работе исследуются методы кураторской работы с анимационным движущимся образом Определяющими здесь становятся термины: интерактивность, интермедиальность и иммерсивность, которые присущи искусству новых медиа [5]. Анимация встраивается в контекст искусства новых медиа, например, в исследованиях Кристианы Пол (Christiane Paul) [4] и Майкла Раша (Michael Rush) [2], поэтому именно эти категории актуальны.

Чаще всего движущийся образ предстает перед нами на выставке в качестве проекции на стене. Это может быть 3D-визуализация, как на последней выставке в Екатерининском собрании, или проекция архитектурных модуляций на выставке фестиваля «Цифровая механика». Движущиеся работы проникают на выставки художников как дополненная реальность или углубление опыта зрительства. «Мультипликация всегда находилась на стыке разных техник и дисциплин, она и по сей день существует на границе индустрии развлечений и мира искусства. Вопрос о том, до какой степени мультипликацию можно причислить к художественным формам, остается спорным, однако в последнее время ее все чаще показывают на выставках» [4].

Изначально анимационное искусство демонстрировалось не на экранах, а было частью художественного образа. «Создатель мультипликации как особого вида развлечения Эмиль Рейно (Charles-Émile Reynaud) устраивал представления своего «оптического театра» на Монмартре в музее Гревен, который, несмотря на свое название, являлся обычным паноптикумом» [1].

Анимация выставляется как один из объектов искусства (stop-motion анимация в Ельцин-центре), входящих в коллекцию. Или как один из экранных медиумов: на выставке в ИТМО анимация, выполненная в классическом для Татьяны Ахметгалиевой стиле анимационного колеса с глазами в кислотных цветах, выглядела дисгармонично с другими медиумами на выставке, посвященной экранам.

Экран обладает способностью увести зрителя из реальности в духе метамодернистских практик, обладающих иллюзией глубины по Робину ван ден Аккеру [3], а значит, символической плоскостью. На выставке в галерее «Метамодернисты» была сформирована концептуальная эскапистская идея сказки и детства. Работа, расположенная за тяжелыми

гардинами, выполненная в технике компьютерной перекладной анимации, создавала дополнительное пространство, в которое погружается зритель.

Отдельно хотелось бы упомянуть работу художников с VR: реальность достраивается художниками, как на РАФ. Пока это примитивные и статичные формы, например, дерево, которое прорастает внутри пространства выставки в секции цифрового искусства. В практику выставочного дела проникает уже не белый куб с работами художников как традиционных медиумов и видео-артистов, а зал с очками виртуальной реальности (фестиваль «Цифровая осень»).

Список источников:

1. Гинзбург С. С. Рисованный и кукольный фильм: очерки развития советской мультипликационной кинематографии. — Москва: Искусство, 1957. — 286 с.
2. Раш М. Новые медиа в искусстве. — Москва: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2022. — 255 с.
3. Метамодернизм: историчность, эффект и глубина после постмодернизма. — Москва: РИПОЛ Классик, 2021. — 442 с.
4. Целлер П. Цифровое искусство. — Москва: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2020. — 271 с.
5. Grau O. Virtual Art: From Illusion to Immersion. — Cambridge: The MIT Press, 2004. — 430 р.

Монументальная живопись и швейцарская идентичность: Альберт Вельти и Фердинанд Ходлер в контексте национального искусства

Лекарева Мария Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

marialekareva@mail.ru

Монументальная живопись на рубеже XIX–XX веков стала важным инструментом осмыслиения национальной идентичности Швейцарии, отражая ее демократические традиции и культурные ценности. Этот период был временем значительных культурных изменений, когда «кажда перемен 1880-х, реагирующая на академизм, натурализм и материализм середины века, довольно быстро охватила европейских романтиков и декадентов, маргиналов и индивидуалистов» [1]. Швейцария, находящаяся на перекрестке европейских культурных влияний, активно искала пути художественного самоопределения, что особенно ярко проявилось в монументальной живописи. Это стремление было значимым для государства с уникальной политической структурой, опирающейся на демократические принципы и коллективное участие граждан.

Цель исследования — рассмотреть творчество Альберта Вельти и Фердинанда Ходлера как отражение швейцарской национальной идеи, выявить их влияние на искусство страны и подчеркнуть роль монументальной живописи в формировании культурной идентичности.

Панно Вельти «Кантональное собрание», украшающее зал Совета кантонов в Федеральном дворце Берна, воспроизводит старейшую форму народного самоуправления. Через изображение участников собрания в костюмах XVIII в., насыщенность композиции индивидуальными сюжетами и стилизованный пейзаж, Вельти подчеркивает связь поколений и эгалитарные принципы швейцарского общества. «Я считал, что обязан не говорить загадками, а показать швейцарскому народу в зеркале свободу, за которую они боролись с отцами», — писал Вельти о своей работе, подчеркивая важность понятного и яркого художественного языка для выражения национальных ценностей [2].

Фердинанд Ходлер, напротив, обращается к символистским и модернистским решениям. Его работы, «Единодушие» и «Отступление при Мариньяно», раскрывают силу коллективного духа и значимость общих идеалов для национального самоопределения. Ходлер использует исторические сюжеты и перерабатывает их, вплетая в них свою философию с пониманием того, что «малейшая фальшивь, театрализованность, стилизация вульгаризируют сюжет» [3]. Используя ритмические композиции и интенсивные цветовые акценты, Ходлер соединяет традиции с новаторскими идеями, укрепляя роль Швейцарии на международной художественной арене.

Сопоставление этих двух подходов не только помогает глубже понять сущность швейцарской культурной идентичности рубежа веков, но и открывает более широкий взгляд на искусство Швейцарии. Это особенно актуально для отечественного искусствоведения, где

творчество швейцарских мастеров остается малоизученным. Их работы проливают свет на богатую художественную традицию страны, демонстрируя, как искусство может служить инструментом консолидации общества в условиях национальных и исторических трансформаций. Исследуемые произведения не только запечатлели ключевые аспекты швейцарской идентичности, но и задали ориентиры, актуальные для обсуждения культурных и национальных вопросов в более широком контексте.

Список источников:

1. Штольдер Н. В. Фердинанд Ходлер. Взгляд из России. — Москва: БуксМарт, 2018. — С. 257.
2. Stückelberger J. Die künstlerische Ausstattung des Bundeshauses in Bern // Zeitschrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. — 1985. — № 42. — S. 209.
3. Варшавский Л. Р. Фердинанд Ходлер. — Москва: Изобразительное искусство, 1980. — С. 47.

Признаки женского в изображениях культовых персонажей на настенной живописи Пенджикента

Нигметьянова Алина Айдаровна

Санкт-Петербургский государственный университет

nigmalina03@gmail.com

В 1979 году на раскопках городища древнего Пенджикента была обнаружена роспись с изображением процесии антропоморфных фигур. Специалисты полагают, что это Фраваши — сверхъестественные существа, связанные с культом предков в зороастрийской традиции [1, р. 202]. В текстах Авесты отсутствует описание конкретного физического облика этих существ [2], однако неизвестный мастер создал визуальный образ персонажей, который вызывает ассоциации скорее с женским началом. Тем не менее, четких признаков, указывающих на половую принадлежность фигур, не имеется.

Среди росписей Пенджикента встречаются множественные изображения, связанные с религиозными представлениями его жителей, и проблема идентификации пола культовых персонажей является достаточно распространенной [3, р. 17, 19, 22].

В данной работе проводится сравнение фрагментов настенной живописи с изображениями фравашей и человеческих фигур, по результатам которого автор выявляет, какие элементы в изображении культовых существ в росписях Пенджикента могут указывать на женское воплощение. Результаты исследования могут быть применены к другим росписям Пенджикента с изображениями божеств и антропоморфных сверхъестественных созданий. В процессе работы автор также выдвигает предположение, что способ изображения культовых существ, который лишь наводит на мысль об их половой принадлежности, не демонстрируя ее явно и откровенно, использовался намеренно, чтобы отличить на росписях персонажей, связанных с культом, от обычных людей, и подчеркнуть их отстраненность от сферы повседневного и мирского.

Список источников:

1. Shkoda V. G. The Sogdian Temple: Structure and Rituals // Bulletin of the Asia Institute. — 1996. — Vol. 10. — P. 195–206.
2. Boyce M. Fravasi [Electronic resource] // Encyclopaedia Iranica. — 2000. — Vol. 10. — URL: <https://iranicaonline.org/articles/fravasi-#article-tags-overlay> (дата обращения: 29.01.2025).
3. Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. — Москва: Искусство, 1973. — 68 с.

«Идеология детства» и ее влияние на арт-рынок Японии 2000-х годов и 2010-х годов

Панова Мария Ивановна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

butdalova@gmail.com

На рубеже XX–XXI веков теоретиков особенно заинтересовал феномен постпамяти: как функционирует прошлое в сознании людей, которое они не переживали лично, а «унаследовали» от предков. Отмечено, что часто постпамять обращается к хорошо знакомым образам; Аби Варбург (Aby Warburg) называл это «резервуаром предустановленных выразительных форм». В качестве примера он приводил архетипические образы утраченной матери и утраченного ребенка в разговорах о постпамяти [1]. В обсуждениях травматичных событий прошлого могут появляться медиа травмирующего характера; в этом отношении феминизация и инфантилизация выполняют роль дезинфекторов, образы матерей и детей «нейтрализуют эти изображения и позволяют переосмыслить их в искусстве представителей последующих поколений», «изображения детей часто становятся каноническими» [1]. Искусствовед Меган Брендоу-Фаллер (Megan Brandow-Faller) пишет, что в послевоенный период взрослые покупали новые игрушки не только ради радости ребенка, но и чтобы «вновь прожить свое собственное детство» [2].

В дискуссии о культуре и социально-политическом курсе Японии 1950-х годов и позже важно отметить курс на «инфантанизацию», который, по мнению исследователей, связан с попытками «переписать» историю. Японскими идеологами была предпринята попытка создать так называемую «гегемоническую национальную память» [3], включающую процессы самовиктимизации и преуменьшение собственного участия во Второй мировой войне.

Исследователи исторической памяти утверждают, что реисторизация — достаточно распространенная модель реабилитации, часто превращающаяся в идеологический конструкт «властной элиты» [4] и нередко имеющая ценность «с позиций и в интересах настоящего» [4]. Профессор Марианна Хирш (Marianne Hirsch) утверждает, что «официально санкционированные доминирующие нарративы о прошлом служат интересам государств и меняются вместе со сменой государственных идеологий» [1].

В данном исследовании будет рассмотрено влияние так называемой «идеологии детства» как целенаправленного политического продукта на арт-рынок, который, по словам критика Изабеллы Гроув (Isabelle Graw), существует «в соответствии с теорией социолога Ларса Гертербаха, как сеть, охватывающая социальные условия» [5], то есть, он не изолирован от текущих политических и социальных изменений. В работе будет проведен анализ рыночной востребованности современных японских художников, использующих образы детей, детские метафоры или предпочитающих «детскую» технику, а также будет рассмотрено, как оценивают этих художников критики, и что сами японские художники

говорят о состоянии послевоенной Японии и формировании аллюзий «детства» в визуальной культуре. В качестве гипотезы предлагается идея об «идеологии детства» как самостоятельной парадигме, формирующей арт-рынок; методом исследования станет анализ соответствующей литературе и показатели продаж современных японских художников на арт-рынке с 2000 года по настоящее время.

Список источников:

1. Хирш М. Поколение постпамяти: письмо и визуальная культура после Холокоста. — Москва: Новое издаательство, 2021. — 428 с.
2. Дизайн детства: игрушки и материальная культура детства с 1700 года до наших дней / под ред. М. Брендоу-Фаллер ; пер. с англ. А. Ландиховой. — Москва: Новое литературное обозрение, 2021. — 488 с.
3. He Y. Remembering and Forgetting the War: Elite Mythmaking, Mass Reaction, and Sino-Japanese Relations, 1950–2006 // History & Memory. — 2007. — Vol. 19, No. 2. — P. 43–74.
4. Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под общ. ред. Л. П. Репиной. — Москва: Аквилон, 2020. — 464 с.
5. Грав И. Высокая цена. Искусство между рынком и культурой знаменитости. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2008. — 288 с.

**Пластика, поэзия и мышление: связь скульптуры «Ночь» и сонета
«Отрадно спать, отрадней камнем быть...» в творчестве Микеланджело**
Попова Полина Денисовна

Санкт-Петербургский государственный университет
st108828@student.spbu.ru

Микеланджело Буонарроти наиболее известен как живописец, скульптор и архитектор. Однако поэзия мастера, будучи не менее важной составляющей в понимании его художественного метода и мировоззрения, часто оказывается в тени [1, с. 201].

Настоящая работа направлена на углубление представлений о творческих методах Микеланджело Буонарроти и его пластическом мышлении посредством выявления особенностей взаимодействия его поэзии и скульптуры. В качестве основ рассматриваются скульптура «Ночь» из композиции надгробия в Капелле Медичи и сонет «Отрадно спать — отрадней камнем быть...» [1, с. 130].

Ключевой задачей исследования является проведение сравнительного анализа двух произведений. Вопреки ряду мнений, оба вида искусства в творческой системе Микеланджело существуют на равных основаниях, одновременно раскрываясь и в нематериальном (словесном), и в материальном (скульптурном) мирах.

Поскольку скульптура признается одним из наиболее выразительных и близких мастеру медиумов, задачей работы также является попытка оценить состоятельность и глубину поэтического выражения Микеланджело в сопоставлении с ней.

Через сопоставление звуковой организации сонета и его структуры с пластическими особенностями скульптурного образа [1, стр. 210] можно установить, каким образом сжатые формулировки и кольцевая рифма передают внутреннее напряжение четверостиший, соотносясь со скульптурной формой, но не повторяя ее дословно. В данном контексте стихотворение можно трактовать как метафизическое пространство, перифразу, где в четырех строках заложено емкое, развернутое определение ночи — не только как абстрактного понятия, но и как материального объекта, не ограниченного рамками скульптурного облика, но вбирающего его в себя.

Такая интерпретация способствует лучшему осмыслению и скульптурного образа «Ночи», который передает не только крайнюю хрупкость состояния томного сна, но и выражает пластичностью тела «разрушительное действие времени, ведущее к смерти, одновременно удерживающее и сублимированное состояние смертельного блаженства» [2, с. 389]: кожа теряет упругость, устремляясь вниз, шея и голова выдвинуты вперед, а локоть соскальзывает, не находя опоры в ноге.

Кроме предпринятой в рамках исследования попытки разорвать связь стихотворения и скульптуры «Ночь» как упрощенной оболочки и более сложной внутренности, в качестве альтернативы предлагается рассмотреть их сквозь призму имманентной «идеи» как

концепции, заключающейся в служении Микеланджело Богу через реализацию принципов его созидания как единственно верных в границах человеческого постижения времени и материи.

Было бы непродуктивно искать механические совпадения между изобразительной и стихотворной линиями. Более плодотворным кажется анализ обоих видов искусства как автономных, равноценных форм художественного выражения. Это позволит не только углубить понимание произведений, но и сформировать более полное представление о мировоззрении и личностно-материальной эстетике самого мастера [3, с. 437].

Список источников:

1. Эфрос А. М. Поэзия Микеланджело // Микеланджело Буонарроти. Творец. Рисунки и стихотворения: сб. ст. / сост. В. Д. Дажина ; пер. А. М. Эфроса. — Москва: Издательство ЭКСМО-Пресс, 2001. — 416 с., илл.
2. Степанов А. В. Искусство эпохи Возрождения. Италия. XVI век. — Санкт-Петербург: Азбука-Классика, 2007. — 640 с.
3. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. — Москва: Мысль, 1978. — 623 с.

Эстетическая концепция раса как основа индийской живописи жанра рагамала

Серба Мария Алексеевна

Санкт-Петербургская академия художеств им. Ильи Репина

serba_2003@mail.ru

Учение о расе является одним из центральных в концепции индийского искусства. Будучи неотъемлемой частью и музыкального, и поэтического произведения, она смогла перенести характерные для них эстетические качества в живописные изображения, что и породило жанр рагамала (с санскрита букв. «гирлянда раг»).

Впервые четко сформировавшись в «Нат्यашастре», трактате, посвященном театральному искусству, раса объясняется как эмоциональный настрой и конечная цель воздействия драматического произведения на зрителя. Обращаясь к сравнению с пищей, Н.Р. Лидова, один из значимых исследователей и переводчиков «Нат्यашастры», пишет: «Подобно тому, как вкус пищи нельзя установить никак иначе, как только попробовав ее, так и расу невозможно воспринять на слух или визуально, а лишь специфическим образом — в процессе вкушения» [1, с. 20].

Поскольку индийское театральное искусство представляет собой сложный синтез драмы, музыки и танца, то, следовательно, раса может быть достигнута зрителем не только в контакте со спектаклем, но и с каждой его составной частью отдельно. Чтобы исследовать живопись рагамала, необходимо сначала определить отношение музыки к эстетическому учению о расе. Здесь уместно обратиться к понятию раги (с санскрита букв. «окраска»), которое является не только «сердцем» музыкальной композиции, но и прямым инструментом для достижения расы. Индийский искусствовед Кумар Гонголи (Coomar Gangoly) также утверждал, что раса является «душой» раги, это страстное чувство или эстетическая эмоция, и чтобы ее вызвать, нужно объединить чувства, выражаемые музыкой, и чувства, воспринимаемые слушателем [2, с. 94].

Визуальный образ раги начал формироваться благодаря ассоциациям с божествами и цветами. Со временем в музыковедческих трактатах, помимо стихотворных описаний раг, начали появляться и их антропоморфные изображения [3, с. 115]. Эти образы представляли собой мужчин и женщин, а особая популярность любовной поэзии при индийских дворах нашла отражение в сюжетном содержании миниатюр.

Таким образом, в настоящем исследовании предпринята попытка раскрыть передачу эстетической концепции расы в индийской живописи жанра рагамала на разных этапах ее существования. Изучение феномена расы постоянно привлекает внимание специалистов [4, 5], однако многие аспекты ее теории все еще остаются либо спорными, либо неизвестными, особенно касающиеся ее связи с живописью. Исследование этого вопроса усложняется не

только длительной историей, но и множеством вариантов толкований самого термина и его принадлежности к различным видам индийского искусства.

Список источников:

1. Лидова Н. Р. Раса в системе эстетических категорий Нат्यашастры // Поэтические памятники Востока / отв. ред. Н. Р. Лидова. — Москва: Восточная литература, 2010. — С. 48–152.
2. Gangoly O. C. Ragas and Raginis. — Bombay: Nalanda Books on Asian Art, 1947. — 224 p.
3. Ebeling K. Ragamala Painting. — Basel: Ravi Kumar, 1973. — 305 p.
4. Морозова Т. Е. Рага в музыке Хиндустаны. Современный период. — Москва: ИКАР, 2003. — 441 с.
5. Бабин А. Н. Концепция расы в индийской художественной культуре (на примере традиции рагамала) // Художественная культура. — 2019. — № 4 (31). — С. 138–157.

Кавказская пейзажная фотографии XIX-XX веков: Лермонтовские места в снимках Г. И. Раева

Фомина Виктория Денисовна

Европейский Университет в Санкт-Петербурге

fominaviktoria2105@gmail.com

В 1841 году, у подножия горы Машук, в дуэли погиб Михаил Юрьевич Лермонтов. Несмотря на то, что событие немедленно вызвало отклик в культурной среде и подтолкнуло первых биографов к выяснению обстоятельств жизни и смерти поэта, активный процесс осмыслиения жизни русского литератора и ее мемориализации начался лишь около 1890-х годов [1, с. 131] и в первую очередь был связан с Пятигорском. Этот импульс совпал, возможно, не случайно с активным распространением на Кавказе фотографического дела, ведь один из самых известных и успешных местных фотографов того времени Г.И. Раев также был увлеченным краеведом и лермонтоведом, участвовал в научных экспедициях по выяснению обстоятельств смерти Лермонтова, а также стал первым директором мемориального музея «Домик Лермонтова».

В докладе, на основе фотографий, сделанных Г.И. Раевым (1863–1957) в Пятигорске на рубеже XIX–XX веков, будет показано, каким образом пейзажная фотография служит медиатором по репрезентации памяти о Лермонтове и в чем состоит специфика этой репрезентации. Методологически доклад основывается на трудах исследователей, разрабатывающих критическую теорию пейзажа с точек зрения различных гуманитарных дисциплин, но придерживающихся взгляда на пейзаж как на «способ видения» [2, р. 1–2], «процесс, с помощью которого формируются социальная и субъективная идентичность» [3, р. 2], медиум, в котором отражаются социальные, политические и культурные взгляды эпохи. Получая репрезентацию в различных формах, пейзаж, таким образом, становится одновременно объектом репрезентации взаимоотношений человека с окружающей средой и инструментом по конституированию этих отношений.

Гипотеза заключается в том, что в визуальной риторике снимков лермонтовских мест прослеживаются принципы романтического мировосприятия, в контексте которого природа, — а конкретно Кавказ, как устойчивый в отечественной романтической традиции топос выражения этих идей, — это возвышенное, одухотворенное и идеально гармоничное пространство, противопоставляемое урбанистическому, стремительно развивающемуся пространству города. Использование медиума фотографии, однако, подчеркивает существующую в мировоззрении XIX в. дилемму — как отрицание, так и активное обращение к достижениям прогресса, результатом которого можно считать и возникновение фотографии. Закрепленные на фотографиях кавказские пейзажи, таким образом, становятся предметами не только художественного дискурса, следующего традициям романтического

пейзажа, но и объектами документального, естественно-научного и познавательного освоения мира.

Список источников:

1. Глухова Е. В. Лермонтов и мифологемы религиозно-философской и символистской критики конца XIX — начала XX века // Соловьевские исследования. — 2015. — № 1. — С. 131–147.
2. Cosgrove D. Social Formation and Symbolic Landscape. — Madison: University of Wisconsin Press, 1998. — 293 p.
3. Mitchell W. J. T. Landscape and Power. — Chicago: University of Chicago Press, 2002. — 383 p.

Анализ связи между визуальными решениями брендов российских НКО и уровня вовлеченности населения в их деятельность

Цюпра Екатерина Павловна

Дальневосточный федеральный университет

katina.pochta2@gmail.com

Несмотря на растущее количество некоммерческих организаций в России, одна из проблем, с которыми они сталкиваются, — это низкая вовлеченность граждан в их деятельность [1]. Стимулировать вовлеченность людей позволяет использование привлекательного визуального решения бренда организации, сайта и рекламной продукции. Несмотря на влияние дизайна на формирование отношения населения к некоммерческим организациям, этот вопрос мало изучен. Исследование позволит изучить применяемые визуальные решения и выявить наиболее эффективные методы использования графического дизайна в интересах НКО.

Исследование проводится с помощью формального, контекстуального и психологического анализа визуального материала различных российских НКО.

Внимания этой проблеме уделила О. В. Калгина в работе «Имидж бренда некоммерческой организации как фактор благотворительного поведения доноров» [2], хотя автор недостаточно исследовала визуальную составляющую имиджа изучаемых НКО. В работе А. А. Зинуровой «Графический дизайн в современном мире сквозь призму теории постструктурализма» [3] затронута тема влияния графического дизайна на моделирование социального поведения людей. Автор упоминает НКО, но лишь в качестве примера привлечения внимания к проблеме.

Анализ различных графических решений оформления бренда НКО позволит выявить, какие визуальные факторы влияют на положительное или отрицательное восприятие населением этих организаций и их деятельности. Результаты работы позволяют сформулировать рекомендации по оформлению визуальной идентичности некоммерческих организаций, что поможет эффективно привлекать население.

Список источников:

1. Исследовательская группа ЦИРКОН. Влияние и вклад НКО в решение социальных проблем и повышение качества жизни в России [Электронный ресурс] // Агентство социальной информации. — 2024. — URL: <https://asi.org.ru/work/vliyanie-i-vklad-nko-v-reshenie-soczialnyh-problem-i-povyshenie-kachestva-zhizni-v-rossii-analiticheskij-doklad-na-osnove-issledovaniya/> (дата обращения: 12.01.2025).
2. Калгина О. В. Имидж бренда некоммерческой организации как фактор благотворительного поведения доноров [Электронный ресурс] //

- Организационная психология: электронный научный журнал. — 2018. — № 4. — URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2018-8-4/230089893.html> (дата обращения: 12.01.2025).
3. Зинурова А. А. Графический дизайн в современном мире сквозь призму теорий постструктурализма // Управление устойчивым развитием. — 2021. — № 1 (32). — С. 79–87.

ИСТОРИЯ

Повседневность тружениц Ленинграда 1930-х: историографический аспект

Ахтулова Алина Александровна

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

akhtulovaalina@gmail.com

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения и понимания исторического опыта женщин в условиях масштабных социальных и культурных изменений. Это позволит лучше понять процессы формирования гендерных ролей и стереотипов, а также придаст историческую перспективу женскому трудовому опыту. В докладе важно уделить внимание труженицам Северного района, в частности Ленинграду, поскольку этот район отличался густонаселенностью и высокой производительностью. Это позволяло женщинам вносить значительный вклад в развитие промышленности и экономики страны, а также демонстрировать свою силу и стойкость в сложных условиях того времени.

Целью данного историографического эссе является анализ и обобщение существующих исследований по теме повседневной жизни активисток-тружениц Северного района России в 1930-х годах, выявление основных тенденций и особенностей их жизни, а также определение гендерных аспектов и социокультурных особенностей этой группы населения.

Методология исследования строится на ретроспективном анализе, а также сравнительно-историческом и хронологическом методах.

Доклад обозревает повседневность работниц заводов и фабрик Ленинграда в 1930-х годах. Были рассмотрены и проанализированы труды советских, постсоветских и европейских историков, благодаря чему удалось выявить наиболее значимые результаты и тенденции в изучении данной темы. Исследователи работали в двух парадигмах рассмотрения эмансипации: советско-марксистской и постсоветской структурно-конструктивистской. Основные историографические тенденции, отличающие труды советских историков от современных, характеризуются идеологическим давлением на научные труды и узким представлением о повседневности женщин. Постсоветские и европейские исследователи использовали междисциплинарный подход к изучению женщин 1930-х, который способствовал более широкому изучению поставленной проблематики. С помощью этих методов можно утверждать, что повседневная жизнь женщин в 1930-е стала объектом государственного контроля, что подрывало приватность семейной жизни. Нормирование повседневности происходило через вернувшиеся гендерные роли, правила коммунальных квартир, досуг и многое другое. В 1930-е годы гендерная политика приобрела реакционный характер по сравнению с 1920-ми. Государство стремилось контролировать все сферы жизни граждан, включая их личную жизнь.

Право на ношение оружия в афроамериканском движении за гражданские права (1950-е – начало 1970-х гг.)

Алхимов Александр Павлович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

aalhymov@gmail.com

Вопрос права на оружие является сегодня одним из ключевых в американской политике. На партийном уровне право на оружие, закрепленное Второй поправкой в Конституции США, отстаивают республиканцы, за которых голосует в основном белое население, в то время как демпартия, за которую голосуют представители меньшинств, выступает за ограничение данного права. При этом до 1970-х годов афроамериканские организации активно выступали за право на самооборону и право на ношение оружия в среде афроамериканцев. Для того, чтобы понять, как и почему данный вопрос отошел на второй план в риторике различных политических групп, следует обратиться к истории афроамериканского движения за гражданские права в 1950–1970-х годов.

В качестве одной из работ по этой теме можно привести монографию профессора Николаса Джонсона (Nicholas Johnson) «*Negroes and the Gun: the black tradition of arms*» [1]. Кроме данной работы, есть различные статьи, посвященные самообороне афроамериканцев в различные периоды истории США как в контексте бунтов 1919–1921 годов, так и в контексте движения за гражданские права [2]. Однако все приведенные примеры затрагивали разрозненные эпизоды тех или иных событий, в котором афроамериканцы использовали оружие для защиты себя от белого насилия.

Данное исследование концентрируется на двух аспектах, которые связаны с правом на оружие: с действиями афроамериканских групп по самообороне своего сообщества и с отношением к этому событию со стороны общеноциональных организаций, которые боролись за права афроамериканцев. Действия различных организаций, как спонтанных, так и более постоянных, рассматриваются на основе методологии коллективного действия, разработанной Чарльзом Тилли (Charles Tilly) в его работе «*От мобилизации к революции*» [3], так как исследование имеет дело прежде всего с возможностью к самоорганизации, с появлением такой возможности на определенном отрезке времени и с коллективным действием как таковым. Отношение организаций рассматривается на основе как их реакции, выраженной через те или иные печатные органы, так и на основе их непосредственного взаимодействия с теми, кто практиковал использование права на оружие.

В результате было показано, что во время серии погромов против афроамериканцев в 1919–1921 годах и во время движения за гражданские права в 1950–1970-х годах афроамериканские правозащитные организации, например NAACP (National Association for the Advancement of Colored People, Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного

населения), поддерживали право на ношение оружия и на вооруженную оборону от атак расистских организаций, а сами самооборонительные организации стали неотъемлемой частью движения. Однако повестка самообороны отошла на второй план вместе с ликвидацией сегрегации и появлением иных проблем, таких как полицейское насилие и бедность сообщества, которые нужно было решать иными мерами.

Список источников:

1. Тилли Ч. От мобилизации к революции / Пер. с англ. Д. Карабасев; Под науч. ред. С. Моисеева. — Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. — 432 с.
2. Johnson N. Negroes and the Gun: The Black Tradition of Arms. — New York: Prometheus Books, 2014. — 379 p.
3. Williams Ch. L. Vanguards of the New Negro: African American Veterans and Post-World War I Racial Militancy // The Journal of African American History. — 2007. — Vol. 92. — №3 (Summer). — P. 347–370.

Гастрономический мир Древнего Рима: анализ вкусовых категорий на основе трудов Плиния Старшего

Валуева Кристина Дмитриевна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

valueva.kristinochka@yandex.ru

Гастрономия Древнего Рима — это не просто набор рецептов и ингредиентов, но целый культурный феномен, отражающий мировоззрение и социальные нормы этой цивилизации. Как отмечает современный исследователь античности Эндрю Далби (Andrew Dalby), «латинский язык богат терминами, обозначающими различные аспекты кулинарного искусства, от выбора продуктов до методов их приготовления» [1, р. 78].

Вкус является одним из важнейших аспектов восприятия человеком окружающего мира. Он играет ключевую роль в формировании культурных предпочтений, традиций и даже идентичности народов. Латинский язык, будучи языком одной из величайших цивилизаций древности, предоставляет нам уникальные возможности для изучения гастрономической культуры Древнего Рима. Настоящее исследование посвящено анализу концептуализации древними римлянами вкуса еды.

Целью нашего исследования является выявление и анализ основных терминов, используемых для обозначения вкусной и невкусной еды на латинском языке. Для этого мы применяем лексикографический анализ, который позволяет нам систематизировать и интерпретировать языковые единицы, встречающиеся в классических литературных произведениях. Это поможет раскрыть богатую палитру гастрономических понятий, которыми оперировали жители Древнего Рима.

Плиний Старший (Pliny the Elder) упоминал в своей работе вкусы, которые были ему знакомы: «dulcis, suavis, pinguis, amarus, austerus, acer, acutus, acerbus, acidus, salsus» [2, XV, 106].

В рамках этого исследования будут рассмотрены и проанализированы такие ключевые термины, как *sapor*, *dulcis* — для вкусной еды, и *salsus*, *amarus* — для невкусной еды. Особое внимание будет уделено примерам из классической литературы, которые помогут наглядно продемонстрировать употребление этих концептов в различных контекстах.

Слово *sapor* происходит от латинского корня, означающего «вкус» или «аромат» [3, 1690]. Слово *dulcis* буквально означает «сладкий». Переходя к концептам невкусной еды, отметим, что в латинском языке существовало множество терминов, которые могли использоваться для описания различных аспектов неприятного вкуса. Так, например, слово *amarus* использовалось для обозначения горечи [там же, 112]. *Salsus* — термин в гастрономическом лексиконе Древнего Рима, который обозначает все, что связано с солью [там же, 1682]. Примеры употребления данных концептов можно встретить у таких авторов,

как Плиний Старший, Апулей «Метаморфозы», Катон, Вергилий «Энеида», Овидий, Лукреций и других.

Таким образом, данная работа представляет собой попытку систематизировать знания о гастрономической культуре Древнего Рима и внести вклад в понимание того, как восприятие вкуса еды влияло на жизнь и мировоззрение древних римлян.

Список источников:

1. Dalby A. Empire of Pleasures: Luxury and Indulgence in the Roman World. — London: Psychology Press, 2000. — 352 p.
2. Pliny the Elder. Naturalis Historia / K.F. Theodor, ed. — Lipsiae: Teubner, 1906. — 572 p.
3. Oxford Latin Dictionary. — Oxford: University Press, 1968. — 2400 p.

Историко-градостроительный анализ пространственного развития г. Москвы

Карапетян Никита Рубенович, Куракин Максим Анатольевич

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

nkarapety@gmail.com, trio2033@gmail.com

Город Москва обладает уникальной историей развития, на которую повлияло множество факторов: географических, экономических, политических и т. д., отражение которых и по сей день заметно в ее планировочной структуре. Методом изучения данных факторов, в полной мере учитывающим структурную сложность пространственно-временного расположения города, может стать историко-градостроительный анализ, являющийся частью межпарадигмального подхода. Историко-градостроительный анализ — это комплексное исследование территории, объединяющее методы и принципы исторической науки с проблемами градостроительства. Его цель — определение этапов исторического развития территории, анализ градостроительных решений, оценка сохранности культурного наследия и разработка рекомендаций для гармоничного развития городской среды. Отсюда вытекают основные направления анализа: созвучно методу выделяются исторический и градостроительный, а также архитектурный и культурный анализы. Исторический анализ является превалирующим в данном подходе, так как именно он задает необходимый для исследователя контекст. Градостроительный анализ направлен на подробное изучение архитектурно-планировочных решений, схем и планов территориального развития пространства, а также учет контекстуальных особенностей рассматриваемого временного периода. Архитектурный и культурный анализ также являются важными направлениями в рамках данного метода, именно они позволяют детальнее разобрать и выявить специфику архитектурно-культурного наследия. Более того, полученные на основе историко-градостроительного анализа результаты могут лечь в основу концепций развития современной территории города.

Историю развития городского пространства Москвы можно условно поделить на следующие этапы:

1. Доимперский период (1147–1712). На данном этапе развития город формировался путем радиально-кольцевых наслоений, располагавшихся вокруг центра — Кремля. Москва становится столицей и центром экономической деятельности Руси и России.

2. Имперский период (1712–1917). Этот период характеризуется появлением принципов развития регулярной планировки исторически сложившихся городских центров, вместе с утратой Москвой статуса столицы.

3. Советский период (1917–1991). Москва вновь получила статус столицы. Городское пространство Москвы этого периода изменялось путем реализации ряда Генеральных планов, согласно которым проектировались новые районы.

4. Современный период (с 1991 года по настоящее время). Этот этап также характеризуется территориальным приростом города и возникновением быстро растущей агломерации.

Современная Москва имеет статус передового мегаполиса, что, в том числе, выражается в темпах развития городского пространства. Именно поэтому столь актуален учет историко-культурного наследия при разработке плана развития территории. Этому и способствует историко-градостроительный анализ, который становится эффективным инструментом для разработки подобного плана и внедрения в него комплекса накопленных знаний по соответствующей теме.

Список источников:

1. Кудрявцева Т. Н., Кудрявцев М. П. Опыт проведения предпроектных исследований исторически ценных городов. (Обзор ЦНТИ). — Москва: ЦНТИ, 1974. — 54 с.
2. Глазычев В. Л. Город без границ. — Москва: Территория будущего, 2011. — 398 с.
3. Баевский О. Радиально-кольцевая структура Москвы является той константой, вокруг которой строятся все решения [Электронный ресурс] // Институт Генплана Москвы: [сайт]. — 2020. — URL: https://genplanmos.ru/publication/2020_07_28_oleg-baevskiy-radialno-kolcevaya-struktura-moskvy-yavlyatsya-toy-konstantoy-vokrug-kotoroy-stroyatsya-vse-resheniya/ (дата обращения: 17.03.2025).
4. Баганова М. Л. Москва. Полная история города. — Москва: АСТ, 2024. — 416 с.

Театрализация публичности неофициальной культуры Ленинграда на примере собрания «Шимпозиум» 1970-х гг.

Кежова Анастасия Александровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

aakezhova@edu.hse.ru

Доклад посвящен изучению режимов альтернативной публичности в контексте неофициальной культуры Ленинграда 1970-х годов на примере собрания «Шимпозиум». Собрание проходило в квартире поэтессы Елены Шварц, где в узком кругу участники старательно изображали обезьян, приносили оригинальные спиртные напитки, следовали пародийным ритуалам, одновременно соблюдая строгий регламент и готовя доклады о поэзии и истории. «Шимпозиум» был одним из множества неофициальных квартирных собраний, появившихся на карте Ленинграда в 1970-е годы, от домашних концертов до философских семинаров. Как показала Юлиане Фюрст (Juliane Fürst), неформальные квартирные собрания занимали маргинальное положение между частной и общественной сферами[1]. По Ю. Фюрст, в частном пространстве квартир дружеские компании в силу недостатка и неэффективности официальных публичных структур стали имитировать идеализированную форму общественной жизни. Такая концептуализация справедлива и для «Шимпозиума». Несмотря на то что «Шимпозиум» был весьма камерным квартирным собранием узкого круга деятелей неподцензурного творчества, регулярность встреч, регламент, атрибутика, пародийные ритуалы, аллюзии на литературные игры начала XX столетия указывают на поиск чего-то выходящего за рамки приватности.

«Шимпозиум» был выражением динамического поиска новых форм и моделей самоорганизации неофициальной культуры Ленинграда. Неформальные объединения, как пишет Илья Кукулин, были оформлены не через уставы и членства, а образованы социальными сетями [2]. Неофициальные собрания пересекались, соединялись или противопоставлялись, наслаждались друг на друга. Неподцензурную культурную жизнь Ленинграда можно представить через ризому, гибкую разветвленную многоуровневую систему без центра, где все связано на постоянно перестраивающихся связях [3]. Так, «Шимпозиум» становится линией, тесно и сложно переплетенной с другими элементами. Запрос, воплощенный в форме «Шимпозиума», не рождается в вакууме. Несколько аморфные, перетекающие из одного в другое собрания неподцензурной культуры Ленинграда связаны между собой.

На примере этого собрания можно проследить особенности альтернативной публичной сферы в позднесоветский период в горизонтальной плоскости, поскольку «Шимпозиум» предложил альтернативу не только официальной публичности, но и сложившейся модели в рамках «второй культуры». «Шимпозиум» имитировал практики официальной культуры не для утверждения статуса и значимости собрания, а для их

деконструкции и превращения в предмет пародии. «Шимпозиум» иронизировал как над устройством официальной культуры, так и над нарочитой серьезностью и стремлению к публичности неподцензурной культуры. Участники «Шимпозиума» высмеивали те принципы устройства, которые во время других неофициальных собраний они применяли всерьез. Это позволяет выдвинуть тезис не только о существовании различных режимов альтернативной публичности, но и о возможности их переключения в контексте неофициальной культуры Ленинграда 1970-х годов.

Список источников:

1. Fürst J. Friends in Private, Friends in Public: The Phenomenon of the Kompaniia Among Soviet Youth in the 1950s and 1960s // Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia / L. Siegelbaum, ed. — Hounds Mills: Palgrave Macmillan, 2006. — P. 229–250.
2. Кукулин И. Продисциплинарные и антидисциплинарные сети в позднесоветском обществе // Социологическое обозрение. — 2017. — № 3. — С. 136–173.
3. Гваттари Ф., Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. — Москва: Астрель, 2010. — 895 с.

По ту сторону объектива: рабочие и руководство Самарского трубочного завода в начале XX века через призму визуальных источников

Комин Леонид Маркович

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева

Строительство Самарского трубочного завода осуществлялось на протяжении двух лет. С 1909 по 1911 годы на территорию будущего предприятия приезжали высокопоставленные чиновники. В момент введения завода в эксплуатацию выпустили фотоальбом, в котором были запечатлены эпизоды осмотра работ начальником Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерал-лейтенантом Кузьмин–Караваевым, а также генерал-инспектором артиллерии Великим князем Сергеем Михайловичем.

Для изучения фотографий воспользуемся иконографическим методом. Его суть заключается в интерпретации изображений с помощью анализа деталей [1, с. 55]. То есть наша задача состоит в том, чтобы фотографию перевести в текст посредством добавления контекста. При этом важно различать понятия «очевидца» и «зрителя». Первый — тот, кто наблюдает за процессом фотосъемки или же является его участником, а второй — тот, для кого предназначена фотография [там же, с. 223]. То есть зритель видит лишь то, что хотел донести фотограф.

Нет сомнений, что кадры, представленные в альбоме, постановочные. Рассмотрим некоторые из них. Фотография «Отъезд после осмотра Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича» представляет собой сцену, в которой служащие завода провожали члена императорской фамилии. В центре — автомобиль марки «Fiat». Водитель машины левой рукой слегка придерживал руль, а правой облокотился на сиденье. Автомобилем начала XX века невозможно управлять подобным образом. Ввиду отсутствия гидравлического усилителя удержать руль одной рукой при езде по грунтовой дороге представлялось невообразимым. Для очевидцев автомобиль стоял на месте, тогда как для зрителя создавалась иллюзия движения [2].

Фотография осмотра работ генерал-лейтенантом Кузьминым-Караваевым на первый взгляд кажется правдоподобной. Однако стоит обратить внимание на то, каким образом расположены рабочие: они выстроились полукругом по обе стороны от генерал-лейтенанта и сопровождающих его офицеров. Также трудящиеся опустили инструменты, приостановили работы, их взгляды устремились в объектив фотоаппарата [3]. Фотографу необходимо было показать значимость события, ввиду чего рабочих расположили так, чтобы создавалась видимость их заинтересованности в ходе проверки.

Фабрики и заводы являлись специфической социальной средой, в рамках которой царили принципы рационализированного производства [4, с. 206]. Для этого на предприятиях устанавливались правила, позволяющие максимизировать эффективность

рабочих. Поступая на заводскую службу, трудящиеся вписывались в определенную социальную среду, в рамках которой их воля была подчинена руководству предприятия.

Таким образом, постановочные фотографии олицетворяют заводскую дисциплину. Во время фотосъемки рабочим не только предписывалось, как следовало вести себя, но и определялось их местоположение в кадре, одежда, поза и даже, куда направлен взгляд. Рассмотренные выше изображения показывают, каким образом фабриканты управляли телами трудящихся.

Список источников:

1. Берк П. Взгляд историка: как фотографии и изображения создают историю / Пер. с англ. А. Воскобойникова. — Москва, 2023.
2. Отъезд после осмотра работ Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича 22-го июня 1911 года // Сообщество ВКонтакте «Архивы Самарской области». — URL: https://vk.com/wall-77353234_3214 (дата обращения: 22.05.2024).
3. Осмотр работ 21 июня 1910 года Начальником Главного Артиллерийского управления ген.-лейт. Кузьминым-Караваевым (Работы на крыше главного здания) [Электронный ресурс] // Сообщество ВКонтакте «Архивы Самарской области»: сайт. — URL: https://vk.com/wall-77353234_3214 (дата обращения: 22.05.2024).
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с франц. В. Наумов. — Москва, 1999.

«Бедный, бедный Павел»: социальная микросреда как фактор формирования личности цесаревича Павла Петровича

Корецкая Варвара Алексеевна

Омский государственный педагогический университет

koretsk.varvar@gmail.com

Социальная микросреда, в которой развивается ребенок, оказывает влияние на его социализацию, формирование самооценки, убеждений, интересов и целей. Это окружение человека, с которым он взаимодействует в повседневной жизни, условия и обстоятельства этих взаимодействий. Изучением микросреды формирования будущих императоров занимались Е. В. Анисимов, Н. Е. Волков, Н. Я. Эйдельман. Однако открытым остается вопрос о ее влиянии на формирование психологических особенностей будущих императоров, в частности Павла I. Микросреда многокомпонентна. Мы рассмотрим три ее составляющие: семью, сверстников, наставников.

Семья. Мать Павла, Екатерина II, в раннем детстве видит сына на редких аудиенциях [1, с. 323]. Княгиня Д. Х. Ливен пишет: «Павел появлялся редко, а когда это ему разрешалось, императрица принимала его с холодностью и строгостью и проявляла... отчуждение, граничившее с неприятием» [3, с. 252]. Бабушка Елизавета Петровна также быстро охладевает к внуку, и Павел воспитывается среди нянек, в атмосфере суеверий, нашептываний, пугающих маленького Павла. Отношения с отцом — Петром III — также сложны. Одни историки пишут о редком проявлении отцовской нежности, другие — об открытом пренебрежении. И в Манифесте о восшествии на престол Павел не упомянут в качестве наследника.

Сверстники. Общение со сверстниками для цесаревича было ограниченным. Его друзьями могли стать только дети именитых фамилий. Павел учился вместе с племянником Панина — Сашей Куракиным. Но так как доподлинно неизвестно, сколько времени они могли проводить вместе, остается неясным, насколько полным был этот социальный опыт. Вероятно, игры были обусловлены условиями придворной жизни и не отражали разнообразие социальных взаимодействий.

Учителя и наставники. С. А. Порошин долгое время являлся значимым для Павла взрослым, формировал позитивную картину мира, беседуя с ним на интересующие темы, ограждая от неудобных вопросов, был посвящен во многие секреты, влюбленности, мысли Павла. Влияние на формирование ценностей Павла оказывал Н. И. Панин. Будучи сторонником идей Просвещения и ограниченной монархии, он стремился сформировать у Павла модель управления, основанную на принципах справедливости и закона. Когда Павлу исполнилось восемь, умер отец. При дворе царит атмосфера слухов, догадок и сплетен. Порошин отмечает, что на каждом обеде при Павле представители именитых фамилий обсуждают «взрослые» темы: о многоженстве турок, любовницах, ребенке, который кричал

в утробе беременной женщины [там же, с. 20]. Он же рассказывает о случае, когда танцмейстер забыл вынуть из книги, предназначеннной Павлу, любовные письма, и «его высочество... очень много изволил смеяться» [там же, с. 203].

Таким образом, дисфункциональная семейная обстановка, специфические условия придворной жизни, недостаточное общение со сверстниками с детства формировали у Павла склонность к тревожности и недоверию, способствовали формированию чувства небезопасности, что в дальнейшем проявилось в его характере во взрослом возрасте и оставило отпечаток на его правлении.

Список источников:

1. Екатерина Великая. Мемуары. — Москва: АСТ, 2023. — 352 с.
2. Ливен Д. Х. Из записок княгини Ливен / Пер. В. Фон Штейн // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. — 2-е изд. — Санкт-Петербург: А. С. Суворин, 1908. — С. 215–243.
3. Порошин С. А. Записки, служащие к истории цесаревича Павла Петровича. — 2-е изд. — Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1881. — [2], IV, 636 стб.

Бронзовые воины, терракотовые матки и спеленатые младенцы: типовология и интерпретация этрусских вотивов

Лоскутникова Василина Викторовна

Европейский университет в Санкт-Петербурге

loskutnikova.vasilina@mail.ru

Вотивная практика, которую можно лаконично описать латинской фразой *do ut des* — «я даю тебе что-то, чтобы получить какую-то пользу, исцеление и т.д. в ответ» [4, p. 97], не является чем-то уникальным и присущим только этрускам. Однако в случае с этrusками, язык которых до сих пор полностью не расшифрован, вотивы могут дать нам дополнительную информацию о социальной, экономической и других областях жизни этрусков, поэтому их изучение с разных сторон продолжает оставаться актуальным. За основу выделения типов вотивов исследователи обычно берут материал, из которого изготовлен предмет (для этрусков характерны терракота и бронза), либо художественные и стилистические особенности — существуют отдельные статьи и монографии, посвященные анатомическим вотивам, статуэткам бронзовых воинов и т.д. В своей же работе в качестве главного критерия для создания классификации я решила выбрать мотив посвятителя и обратилась к интерпретативному методу. Несмотря на всю ненадежность и предположительность этого метода, мне удалось взглянуть на вотивную практику этрусков под новым углом, что привело к некоторым интересным результатам, представляющим из себя научную новизну. В своем исследовании я опиралась на труды главного современного этрусколога — Жан Макинтош Туфы (Jean MacIntosh Turfa) [2; 3], а также отдельные работы, посвященные этруским вотивам [1; 4; 5].

По итогу анализа многочисленных вотивов с учетом некоторых факторов (из чего изготовлен предмет, где был найден, какие у него стилистические особенности) у меня получилось выделить пять типов вотивов: связанные со здоровьем, рождением, инициацией, войной и смертью. Как видно, эти группы отвечают за основные аспекты человеческой жизни, и именно из-за их общечеловеческого характера они представляют собой четко оформленвшиеся типы. Остальные же вотивные предметы (в виде статуэток без посвятительных надписей и стилистических особенностей, миниатюр храмов и т.д.) можно отнести к категории «общих», что в моей системе означает следующее: их посвящали либо с очень специфическими и личными просьбами, либо оставляли в храме в знак почитания божества. Однако научная новизна данного исследования заключается в следующем: этруssкие типы вотивов из разных материалов в том виде, в котором я их выделила, не пересекаются между собой. Это значит, что за здоровье, рождение, инициацию и смерть отвечают вотивы из терракоты, а за военные успехи — вотивы из бронзы, и эти типы нельзя смешивать. За крайне редким исключением мы не наблюдаем бронзовых маток, так же как не наблюдаем бронзовых спеленатых младенцев. И богатые, и бедные этруски подчинялись одной религиозной

традиции, которая диктовала, что, как и из какого материала необходимо посвящать в пяти указанных выше случаях.

Созданная классификация, основанная на интерпретации мотивов посвятителя, показывает, что у этрусков существовала религиозная традиция, отвечающая за то, что и в каких случаях необходимо посвящать божеству. Эта практика регулировала основные человеческие потребности и желания, оставляя при этом место и возможность просить о чем-то более специфичном. В конце концов, не всем нужна помощь в дальнем путешествии, но все рождаются и умирают.

Список источников:

1. Becker H. The Economic Agency of the Etruscan Temple: Elites, Dedications and Display // Votives, Places and Rituals in Etruscan Religion. Studies in Honor of Jean MacIntosh Turfa / M. Gleba, H. Becker, eds. — Leiden; Boston: Brill, 2008. — P. 87–101.
2. Turfa J. M. Etruscan Anatomical Votives and Italian Medical Tradition // Murlo and the Etruscans / R. D. De Puma, J. P. Small, eds. — Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1994. — P. 224–240.
3. Turfa J. M. Votive Offerings in Etruscan Religion // The Religion of the Etruscans / N. T. de Grummond, E. Simon, eds. — Austin: University of Texas Press, 2006. — P. 90–115.
4. Richardson E. H. The Etruscan Origins of Early Roman Sculpture // Memoirs of the American Academy in Rome. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1953. — Vol. 21. — P. 77–124.
5. Nagy H. Etruscan Votive Terracottas from Cerveteri in the Museum of Fine Arts, Boston: A Glimpse into the History of the Collection // Etruscan Studies. — 2008. — Vol. 11. — P. 101–119.

«Русский характер» в британской публицистике конца XIX века

Молчанова Алиса Викторовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

alicemolchan@gmail.com

Представления о России в европейских обществах в разные периоды ее истории — важная часть проблематики отечественной и всеобщей истории, позволяющая достичь более полного и глубокого понимания фундаментальных закономерностей взаимоотношений России и Запада. Изучением образа «другого» занимается научная дисциплина имагология, чьи методы применяются и в исторической науке.

Конец XIX века ознаменовал собой кульминацию соперничества России и Великобритании в Азии. Интересно, как на фоне этого британская интеллектуальная элита представляла себе Россию и русских, ведь во второй половине XIX века в любой страноведческой работе обязательно предпринималась попытка описать основные черты, составлявшие национальный характер того или иного народа. Существование у каждой нации своего характера в этот период не ставилось под сомнение [1, с. 17].

В данном исследовании источником служит викторианская публицистика и периодика — британские «толстые» журналы.

В 1890-х годах в британской непрофессиональной русистике выделялась фигура Эмиля Диллона (Emile Dillon), ирландского по происхождению журналиста, прожившего более тридцати лет в России, что не помешало ему нелестно отзываться о стране. В своей масштабной статье «Русские характеристики», позже переработанной в отдельную книгу [2], он описывал русских как «одаренный от природы народ», которого «испортили» столетия самодержавия и крепостного права, превратив в «аморфное и безвольное существо».

Такие неприятные эпитеты были скорее крайностью, но тема крепостного права и русского крестьянина нередко поднималась британскими журналистами. Крепостное право обвинялось в том, что оно привило крестьянину безынициативность, безразличие к правде и тот «бессмысленный» образ жизни, присущий людям, не видящим в своей жизни никакого будущего [3], при этом вина с самого крестьянина большинством публицистов снималась. Интересно, что в качестве «положительных черт» в этом контексте часто отмечалось терпение и смирение крестьянина на фоне всех трудностей.

Но было и хорошее. Один британский публицист, неожиданно, писал о сильном характере русских женщин, причем в контексте статьи, посвященной творчеству Некрасова [4, р. 507]. Русское дворянство, в отличие от других сословий, получало в основном положительные характеристики: дружелюбие, вежливость и образованность. Особенно отмечалась симпатия, которую испытывает высшее общество Российской империи по отношению к англичанам [5, р. 582].

Существовали разные взгляды и разные мнения. Кто-то был идейным противником России и русских, а кто-то был ее апологетом в британской публицистике. С точки зрения современного исследователя, ясно, что Россия и русские были для большинства англичан чем-то абсолютно «другим», в восприятии которого мы можем найти чуть ли не следы ориентализма. Понятно, что поиск «национального характера» — дело, скорее, антисоциальное, и мы не можем воспринимать эти характеристики всерьез. Но «заглянуть» в чужое восприятие помогает лучше понять и себя, и свою историю.

Список источников:

1. Зашихин А. Н. Глядя из Лондона: Россия в общественной мысли Британии: Вторая половина XIX — начало XX века: Очерки. — Архангельск: Изд-во Поморского международного педагогического университета, 1994. — 207 с.
2. Lanin E. B. (Dillon E. J.). Russian Characteristics. — London, 1892. — 630 p.
3. Stead W. T. Truth about Russia. — London: Cassell & Co., 1888. — 464 p.
4. Turner C. E. Nicholas Alexeivitch Nekrasoff // The Fortnightly Review. — 1881. — Vol. 30. — October. — P. 499–512.
5. Galloway M. A. A. A glimpse of Russia // The Nineteenth Century. — 1887. — Vol. 21. — April. — P. 576–584.

“We Get the Job Done”: Alexander Hamilton and His Attitude to Immigrants

Останибекова Айшат Раджабовна

Санкт-Петербургский государственный университет

amirovaajsat478@gmail.com

The question whether Alexander Hamilton’s attitude to immigrants was positive or negative doesn’t fail to spur heated debates even centuries after his death. This issue has always been important to the USA, a country founded by immigrants, and now is as relevant as ever in the light of the recent election and President Donald Trump’s stance on illegal immigration. My thesis is that Hamilton’s opinion on immigration was changing throughout his life but was mostly negative.

For one, there’s evidence that Hamilton was afraid that unlimited immigration would lead to the absorption of the ideas of the American Revolution by those of the French one [1] which greatly troubled him as the leader of the notoriously anglophilic Federalist party. Moreover, the incongruity of the constant immigrant flow and the republican system was one of the major points in Hamilton’s argument against unrestricted immigration. In Hamilton’s opinion, a republic was strong as long as the sameness of its citizens remained [там же], and the uncontrolled flow of immigrants would make the society more heterogeneous and therefore weaker as a foundation for a republic. Hamilton also founded the Federalist party which, after taking the lead in the country, issued a couple of blatantly antidemocratic laws, such as the Alien and Sedition Acts, making naturalization for immigrants more difficult. John Adams, during whose presidency these laws were issued, spoke about Hamilton as the one who had been the creator of these acts, who had overseen their passage on the Congress floor and even had forced them upon the president [2]. Nevertheless, some researchers claim that the view of Hamilton as a strict nativist and nationalist is far from reality and is beneficial for supporters of strengthening of immigration control. They point out that in the 1780s Hamilton argued that immigrants could make an important contribution to the welfare of the nation and should be treated as citizens of the same level as the first citizens [3]. Although Hamilton did make such statements, it was a brief period of benevolence in his younger years and already in the 1790s antiforeigner outbursts became an inalienable part of his quarrels with the Democratic-Republicans [2]. Ron Chernow in his famous biography states that Hamilton’s involvement in the Alien and Sedition Acts was a step he made unwillingly only in order to support the unity of the Federalist Party [4]. However, even if Hamilton didn’t contribute much to the creation of these laws, he still approved of them. It follows from his correspondence in which Hamilton spoke positively about the coming immigration limitation measures.

In conclusion, even if Hamilton was inclined towards immigration-friendly policy at the dawn of his career, he irrevocably changed his mind later and despite his own immigrant origins had been opposed to open immigration for the most part of his life.

Список источников:

1. Mackubin T. Hamilton's Actual View on Immigration [Электронный ресурс] // The Providence Journal: [сайт]. — 2016. — URL: <https://eu.providencejournal.com/story/opinion/2016/12/20/mackubin-thomas-owens-hamiltons-actual-view-on-immigration/23480896007> (дата обращения: 24.12.2024).
2. Magness P. Alexander Hamilton as Immigrant: Musical Mythology Meets Federalist Reality // The Independent Review. — 2017. — № 4. — P. 497–508.
3. Ten V. Immigration Policy of the USA in the XVII–XX Centuries. — Moscow: Dialog-MSU, 1998. — 137 p.
4. Chernow R. Alexander Hamilton. — New York: Penguin Books, 2004. — 818 p.

The satirical perception of political correctness in the USA in the 1990s

Петрова Софья Викторовна

Кубанский государственный университет

sophiepetrova1@gmail.com

“... I have brought with me a special fabric that is so rare and fine that it can be seen only by certain people... people who are politically correct,” [1, p. 6] — this is what the tailor says to the king in the satirized version of the tale “The Emperor’s New Clothes” written in 1994. The 1990s is the time when such mocking of the political correctness (further — PC) in the USA has begun. Now, this topic is used by comedians with the same success as back then. However, we need to trace back to the beginning to see if there was any ground for such mockery and accusations, as it runs like a thread to the contemporary opinions and fears of the PC. In this paper, I analyze satirical literary works and stand-up performances of comedians of the USA of both sides of the political spectrum in the 1990s, whose topic was the PC, using historical methods, such as historical and genetic approaches, the corroboration method, and discourse analysis. My purpose is to consider the perception of the PC in satirical discourse.

The American society faced the consequences of the civil rights movements starting in the '60s and the rise of multiculturalism, which caused many fears about how it might change the society and limit the present majority for the sake of minorities.

One of the most common points of view on the PC is presented by the series of satirical books written by James Finn Garner. For example, in the “Politically Correct Bedtime Stories,” he demonstrates the widespread fear of the time that the university and school curricula may be changed radically by the PC activists, who want to see no signs of any discrimination, such as racism or sexism [3, p. 65]. The changed fairy tales demonstrate the vision of how the classic literary works must be read, not to cause any harm to minorities. It is presented as a new form of censorship. However, the fear is based solely on single cases rather than the widespread tendency [2, p. 19]. But at the same time, it shows serious preoccupation with the cultural heritage, which, as it was perceived, was in danger.

Another example of mockery of the PC is the stand-up performances of George Carlin, an American comedian. In his performance “On Soft Language” (1990), he made fun of the speech codes and the inclusive language that were also associated with the PC. He thought that the use of the “soft language” of speech codes aims to stop seeing things as they are. It is not that there were many cases where people were seriously prosecuted for using hate speech, but it shows the attitude towards the linguistic changes brought by the PC activists. When it comes to language, any change can be quite sensitive, as people may consider it a threat to their culture.

As we can see, the perception of the use of the PC in the 1990s was more based on impressions from single cases. However, the appearance of such satire shows the reaction to the slow changes of American society connected with the acceptance of minorities into society.

Список источников:

1. Garner J. F. Politically Correct Bedtime Stories. — New York: Macmillan Publishing Company, 1994. — 95 p.
2. Wilson J. K. The Myth of Political Correctness: The Conservative Attack on Higher Education. — London: Duke University Press, 1995. — 225 p.
3. Bloom A. The Closing of the American Mind. — New York: Simon and Schuster Inc., 1987. — 392 p.
4. Gaiman N. Trigger Warning: Short Fictions and Disturbances. — New York: HarperCollins Publishers Inc., 2015. — 290 p.
5. Hughes G. Political Correctness: A History of Semantics and Culture. — Wiley-Blackwell, 2010. — 334 p.

Projects and practices of peasant transatlantic mobility in the Western provinces of the late Russian empire

Руслова Галина Евгеньевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

galinaruliova@yandex.ru

Transatlantic migration of peasant laborers at the turn of the 20th century was a part of global economic and cultural landscape. While rapidly industrializing United States and Canada needed cheap workforce, Russian empire, Austria-Hungary and Italy as the main labor suppliers faced major challenges. Countries of out-migration responded to the increasing outflow of workers using legal changes, administrative restrictions, and economic measures in order to prevent people from leaving or to alleviate consequences of outward mobility. Russian imperial officials seemingly tolerated temporary labor migration from Western provinces abroad as long as it did not threaten “to completely sever the peasant’s connection with the land and transform him into an uprooted wageworker” [1, p. 80]. However, the absence of emigration law provoked discussions on central and local levels about legal boundaries of transatlantic labor movement.

Whereas the role of the state (“point of exit”) as an important actor in out-migration processes is underlined in European historiography [2; 3], it is worth noting that “the State” was never a monolithic entity, and a handful of ideas, projects, and opinions on peasant labor migration proliferated behind the façade. Ministry of Interior developed their own passport reform, Ministry of Trade and Industry organized interdepartmental committees on the emigration law project, and Main Administration of Land Management and Agriculture aimed at handling peasant resettlement within the empire and labor migration abroad in a similar way [4]. Moreover, high state officials were not the only decision-makers. Representatives of St Petersburg ministries on the ground (governors, land captains, police officers, etc.) collected all necessary information on the subject and presented their own projects of dealing with peasant transatlantic mobility. How did those projects “from below” correspond with and affect the measures discussed in St Petersburg? To what extent is it possible to trace interconnections between peasant out-migration practices and official proposals?

Close reading and comparative analysis of bureaucratic correspondence, committees’ minutes, and police reports helps to understand the process of decision-making in regulating peasant out-migration from the Russian empire and brings to the fore a complex problem of government assistance and help. St Petersburg officials tried to follow the German model of emigration law, which could protect labor migrants from inconvenience and fraud. Provincial officials proposed to spread information about labor conditions abroad among peasants and to provide cheaper steamship tickets for out-migrants [5]. Notwithstanding similarities between central and local projects, there were different intentions behind them. While high officials opted

for support of Russian steamship business, their provincial counterparts were concerned with Jewish emigration agents who widely operated in the Western provinces of the empire.

Список источников:

1. Kukushkin V. From Peasants to Labourers: Ukrainian and Belarusian Immigration from the Russian Empire to Canada. — Montreal: McGill-Queen's University Press, 2007. — 304 p.
2. Green N. The Politics of Exit: Reversing the Immigration Paradigm // The Journal of Modern History. — 2005. — Vol. 77. — P. 263–289.
3. Citizenship and Those Who Leave / N. Green, F. Weil, eds. — Chicago: University of Illinois Press, 2007. — 319 p.
4. Tudorianu N. L. Ocherki rossiiskoi trudovoi emigratsii perioda imperializma (V Germaniyu, Skandinavskie strany i SShA). — Kishinev: Shtiintsa, 1986. — 311 p.
5. NIAB in Grodno, f. 103, op. 1, d. 4, l. 240 ob.

Пространство для идеала: Келмскотт-Мэнор в воспоминаниях британского публициста Джона Брюса Глазье (1859–1920)

Сарбаева Светлана Сергеевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

svetlana.sarbaeva0326@gmail.com

Джон Брюс Глазье — один из ведущих публицистов своего поколения, игравший значимую роль в ранний период истории британского социалистического движения [2, р. 118, 132]. Стоит отметить, что Глазье был не только публицистом, журналистом, но и поэтом и иллюстратором, что, конечно, выделяло его на фоне других социалистических пропагандистов тех лет. Склонность к творчеству и искренняя вера в социализм роднили его с более знаменитым современником — Уильямом Моррисом. Первая встреча с ним в декабре 1884 года [1, р. 42] сильно повлияла на Брюса Глазье: именно в нем молодой человек нашел воплощение своих идеалов, как личностных, так и политических. Брюс Глазье, будучи активным членом ячейки Социал-демократической федерации в Глазго, часто встречался с Моррисом по организационным вопросам. Два раза (в 1888 году и 1889 году) он посещал дом художника — Келмскотт-Мэнор [там же, р. 72]. Подробные описания этих поездок Глазье представил на страницах своих воспоминаний «Уильям Моррис и ранняя история социалистического движения».

Ореол абсолютного идеала, окружавший фигуру Уильяма Морриса в течение всего повествования, распространяется и на пространство, в котором он жил. Рассказу о времени, проведенном в гостях у художника, Глазье отводит две главы книги [там же, р. 71–95], значительную часть которых составляют подробные описания интерьеров Келмскотт-Мэнора и прилегающих к нему ландшафтов.

Последние, по воспоминаниям Глазье, играли огромную роль в мировосприятии Уильяма Морриса. Частые прогулки на природе были не просто моментами созерцания, а поиском художественного и философского вдохновения, гармонии между человеком и природой [там же, р. 93]. Любовь к последней проявлялась в заботе о саде, который был продолжением пространства дома. Соседство декоративных растений, овощей и полевых трав [там же, р. 86] воплощало идею сочетания красоты, функциональности и простоты, характерную для философии и художественного творчества Уильяма Морриса.

Те же принципы царили и внутри дома: практически вся мебель была произведена вручную, стены украшали немногочисленные работы «старых мастеров» и близких Моррису прерафаэлитов [там же, р. 76, 78]. Идея удобства, эстетичности и долговечности окружающих предметов внутри Келмскотт-Мэнора «сплелась» воедино со средневековыми визуальными образами, превратившись в материальный памятник медиевализма.

Дом Морриса был не только художественным пространством, но и центром интеллектуальных бесед. Филип Уэбб, Бернард Шоу, Уолтер Крайн и другие творцы были

частыми гостями [там же, р. 95]. Их вечерние встречи, являясь безопасным и свободным пространством для дискуссий, отражали общественные идеалы Уильяма Морриса: равенство, свободу и творчество. Восхищенно описывая дом, Брюс Глазье невольно представил читателю портрет его владельца: его художественные предпочтения, жизненную философию и общественно-политические взгляды. Все это, подобно самой фигуре Уильяма Морриса на страницах воспоминаний Глазье, воплощает в первую очередь идеалы публициста.

Список источников:

1. Glasier J. B. William Morris and the Early Days of the Socialist Movement: Being Reminiscences of Morris' Work as a Propagandist, and Observations on His Character and Genius, with Some Account of the Persons and Circumstances of the Early Socialist Agitation, with Two Portraits. — London: Longmans, Green & Co., 1921. — P. 42–95.
2. Thompson L. V. The Enthusiasts: A Biography of John and Katharine Bruce Glasier. — London: Gollancz, 1971. — P. 118, 132.

Обмен новостями об эпидемиях во Флоренции XVI в. (на примере личной корреспонденции и *avvisi*)

Слесарь Анна Николаевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

anslesar@edu.hse.ru

Флоренция XVI века была одним из самых значимых мест Европы раннего Нового времени. Можно утверждать, что при великих герцогах Медичи в это время начался новый этап развития Флоренции как торгового и культурного центра [1, р. 3]. В то же время период раннего Нового времени в Европе характеризовался регулярными вспышками эпидемий: в каждом крупном городе Италии уже существовал специальный магистрат здоровья — *Sanità*, чиновники которого следили за соблюдением санитарных мер в городе для предотвращения распространения болезни; Флоренция не была исключением [2, р. 9].

Для исследования я использую источники Medici Archive Project — проект по оцифровке коллекции *Mediceo del Principato*, которая содержит источники герцогства Тосканского периода 1537–1743 гг. [4, р. 259]. В качестве основных источников выступают эпистолярные документы 1537–1600 гг. — обычная корреспонденция и *avvisi*. Если с первой все понятно, то с *avvisi* дела обстоят сложнее. Это относительно новый для XVI века жанр — рукописные новостные сводки; здесь характерна краткость и сухость описания — главной целью *avvisi* была быстрая, конфиденциальная передача новостей [3, р. X]. Эти сводки являются ценным источником, по которому можно проследить хронологию событий и то, какие новости считались достаточно важными для распространения.

Главный тезис состоит в том, что Флоренция XVI века выступала одним из информационных центров Италии в контексте борьбы с эпидемиями. Двор Медичи интересовался новостями о болезнях в любых регионах: это объясняется желанием уберечь город, снова утвердивший свое место в экономическом и культурном пространстве Европы [5, р. 33]. Медичи опасались угрозы эпидемий и вели постоянную переписку с другими регионами, чтобы вовремя перекрывать сообщение с зараженными городами, а также перенимать их опыт борьбы с болезнью. В связи с этим я предполагаю, что в таких условиях во Флоренции смогли разработать эффективные меры противодействия болезням, основываясь только на этом опыте.

Любопытно также, что болезни назывались по-разному: я полагаю, что, в связи с нежеланием прекращать поток торговли, правительства городов часто до последнего не признавали присутствие там именно чумы, которая, как считалось, могла передаваться от человека к человеку, через вещи и продукты. Кроме того, чума «свидетельствовала» о плохом состоянии города [5, р. 158–159], поэтому в письмах часто ставили акцент на том, что болезнь является подозрительной, но не опасной.

Отсюда вытекают основные вопросы исследования на данный момент: какое место занимала Флоренция в ускоряющемся обмене новостями в XVI в. в контексте частых эпидемий? В зависимости от чего выбиралось то или иное название для болезни? Свою работу я помещаю на стыке истории информации и истории эпидемий — такое слияние помогает показать с новой стороны как развитие системы здравоохранения и взгляд на эпидемии в целом, так и зарождение культуры постоянного обмена новостями и интереса к событиям других регионов в Италии раннего Нового времени.

Список источников:

1. Baker N. S., Maxson B. J. Where in the world is Renaissance Florence? Challenges for the history of the city after the global turn // Florence in the Early Modern World: New Perspectives / Eds. by N. S. Baker, B. J. Maxson. — London; New York: Routledge, 2020. — P. 1–17.
2. Henderson J. Florence Under Siege: Surviving Plague in an Early Modern City. — New Haven; London: Yale University Press, 2019. — 364 p.
3. Infelise M. Prima dei Giornali: Alle Origini della Pubblica Informazione. — Roma; Bari: Gius, Laterza & Figli, 2002. — 232 p.
4. Rose C. The Medici Archive Project: Database // Renaissance and Reformation. — 2022. — Vol. 45. — P. 259.
5. Stevens Crawshaw J. L. Cleaning Up Renaissance Italy: Environmental Ideals and Urban Practice in Genoa and Venice. — New York; Oxford: Oxford University Press, 2023. — 208 p.

Культ Исиды или египетская исическая религия? К вопросу об интерпретации культа Исиды в Греции и Риме

Трунина Анастасия Дмитриевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

anastasiatrunkina89@gmail.com

Влияние древнеегипетской богини Исиды распространилось за пределы Египта: в Древней Греции и Риме ее почитание обрело форму культа с обрядом инициации, который был описан в «Метаморфозах» Апулея [1, с. 333]. В романе подразумевается, что вопрос посвящения в культа Исиды — это вопрос о вхождении в религию особого типа, в рамках которой человек будто бы перерождается. У Апулея культа Исиды представлен настолько влиятельным, что Мишель Малэз (Michel Malaise) придерживается мнения о том, что существует исическая религия [2, р. 20]. Так он характеризует греко-египетскую религию, возникшую из смешения греческих и египетских верований. Однако Франсуаза Дюнан (Françoise Dunand) спорит с данным тезисом, говоря, что культа Исиды не стоит рассматривать как отдельную религиозную систему [3, р. 41]. Настоящее исследование будет посвящено ответу на проблемный вопрос: как корректнее интерпретировать культа и оправдано ли использование термина «исическая религия». Обсуждение данного вопроса представляется актуальным, так как консенсуса касательно статуса культа Исиды не существует. Эта проблема значима: культа, перешедший из Египта в культуры античности, может многое продемонстрировать в контексте кросс-культурных взаимоотношений, а масштаб его влияния в Греции и Риме является еще одним маркером степени религиозного восточного влияния на античность.

Для ответа на поставленный вопрос необходимо проанализировать аргументы М. Малэза в пользу исической религии и контраргументы Ф. Дюнан. М. Малэз обращает внимание на эллинизацию, которую претерпел облик Исиды. В контексте культа она больше не является полностью египетской или греческой, что, как подчеркивает исследователь, позволяет говорить о новой религии. Ф. Дюнан же отрицает это, считая, что смешение разных элементов естественно для мультикультурного общества, а образы Исиды, напоминающие Афродиту или Деметру, не доказывают синкретизм [там же, р. 47].

Аргумент в пользу существования греко-египетской исической религии — некоторые из ареталогий Исиды, многие из которых (например, гимн Исиде из Оксиринхского папируса) содержали следы греческой интерпретации. Существует версия, что известные нам шесть ареталогий и десять текстов — древнегреческий перевод текста, написанного изначально на древнеегипетском языке [4, S. 31].

Доводом Ф. Дюнан против концепта отдельной греко-египетской религии также является тот факт, что в египетском пантеоне Исида занимала не центральную роль, а роль божественной матери, что, по мнению исследовательницы, снижает вероятность того, что

установление ее культа в греко-римской культуре могло способствовать возникновению отдельной синкретической религии [3, p. 41].

Принимая во внимание данные спорные моменты, автор настоящего исследования ответит на поставленный вопрос с помощью сравнительно-исторического анализа на основе текстов про религию Исиды, представленных в диссертации Марии Тотти (Maria Totti) *Ausgewählte Texte der Isis-und Sarapis-Religion* [5].

Список источников:

1. Кузмин М., Апурей Л. Золотой осел. — Ленинград: Academia, 1931. — 374 с.
2. Malaise M. Pour une terminologie et une analyse des cultes isiaques // Mémoire de la Classe des Lettres. — Bruxelles: Classe des Lettres, Académie royale de Belgique, 2005. — P. 231–258.
3. Dunand F. Culte d'Isis ou religion isiaque? // Isis on the Nile. Egyptian Gods in Hellenistic and Roman Egypt. — Leiden: Brill, 2010. — P. 37–54.
4. Harder R. Karpokrates von Chalkis und die memphitische Isispropaganda // Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse. — 1944. — № 14. — S. 20–35.
5. Totti M. Ausgewählte Texte der Isis-und Sarapis-Religion. — Hildesheim: Olms, 1985. — 231 S.

Отношение русских националистов начала XX в. к нациальному вопросу в Юго-Западном крае

Хорошавин Александр Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет

aleksanderkhoroshavin@mail.ru

Борьба за идентичность населения на своих территориях — это крайне важная часть государственной политики. Ее успех во многом может определить эффективность государственной машины. Одной из наиболее важных территорий с точки зрения распространения национальной идентичности для России была и остается территория современной Украины. Юго-Западный край Российской империи в начале XX в. многими воспринимался как точка сосредоточения наибольшей опасности сепаратизма. Западный край, преимущественно населенный восточнославянским населением и испытывавший колоссальное польское культурное, политическое и экономическое влияние, требовал более тонкого подхода в решении возможных национальных противоречий нежели аналогичные вопросы на азиатских окраинах империи. Необходимость идеологической работы по распространению и укреплению русской идентичности в малороссийских губерниях понимали далеко не все. Вызов времени был воспринят Всероссийским национальным союзом (далее — ВНС), связанными с ним организациями русских националистов по всей России и фракцией националистов и умеренно правых (далее — ФНУП) в Государственной думе Российской империи III созыва. Деятели ВНС одними из первых в новейшей истории России поняли важность борьбы за идентичность, что выражалось в частоте высказываний о национальном вопросе в Юго-Западном крае. В первую очередь националистов волновали два основных вопроса: украинский и польский. Они указывали, что поляки имеют слишком большое политическое и экономическое влияние на Малороссию, призывали к замене польской элиты на русскую национальную [3, с. 132]. В случае с украинским вопросом деятели ВНС утверждали, что на данной территории живет одна единая русская народность [там же, с. 12]. Сторонники независимой Украины вызывали у русских националистов отвращение, что выливалось в призывы полностью уничтожить «мазепинскую» идеологию [1, с. 224]. Отношение русских националистов начала XX в. и представителей ФНУП к нациальному вопросу в Юго-Западном крае Российской Империи наиболее общо описывает лозунг газеты «Киевлянин»: «Западный край — это край русский, русский, русский» [2, с. 1].

Представляется необходимым более детально рассмотреть политическую позицию ВНС по отношению к территориям современной Украины, дабы понять направление потенциальной деятельности русских националистов в вопросах нациестроительства на данной территории. Для реализации поставленной задачи необходимо ознакомиться с источниками на основании качественного контент-анализа.

Список источников:

1. Иванов А. А. Правые партии Российской империи. — Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2024. — 735 с.
2. Киевлянин. — 1864. — № 1. — С. 1.
3. Меньшиков М. О. Письма к русской нации / Вступ. статья и примеч. М. Б. Смолина. — Москва: Москва, 1991. — 328 с.
4. Сикорский И. А. Русские и украинцы (глава их этнографического катехизиса). — Киев: С. В. Кульженко, 1913. — 55 с.

КИНО И ВИДЕО

Специфика современного цифрового кинообраза: случай Бертрана Бонелло

Берестова Елизавета Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

berestova7liza29@gmail.com

Исследователи, вдохновленные двумя частями книги Жиля Делёза (Gilles Deleuze) «Кино» [1], пытались «дописать» за автором третью часть, посвященную кинообразу в цифровую эпоху. Наибольшую популярность в постделёзианском сообществе приобрел нейрообраз, предложенный исследовательницей Патрицией Пистерс (Patricia Pisters) [2]. Также можно вспомнить образ-ритм, концептуализированный Стивеном Шавиро (Steven Shaviro) [3]. Но на мой взгляд, коренное изменение в функционировании образа, продуцируемого цифровыми технологиями, наметилось в последние годы, когда вместо обращения к ним за помощью в создании более реалистичного изображения был избран курс на получение нескрываемо искусственной картинки. Говоря об этом, я имею в виду, что на заре своего существования в кино дигитальное, наоборот, использовалось для достижения как можно более реалистичного эффекта: цифровая камера использовалась для съемок мамблков, от которых веет повседневностью, а компьютерные технологии помогали добиться максимальной натуралистичности при создании спецэффектов. Тем не менее, в последние годы обнаружилась тенденция на так называемую «сделанную» картинку. Из недавних примеров можно вспомнить «Претендентов» (реж. Л. Гуаданьино, 2024), на обилие спецэффектов в которых указывает сам тип изображения, временами отчетливо напоминающий виртуальный спортивный симулятор, и «Собирателя душ» (реж. О. Перкинс, 2023), воздействующий на зрителя за счет выверенной работы с цветовой насыщенностью.

Отправной точкой моего исследования стал фильм Бертрана Бонелло «Предчувствие» (2023), который, с его начальными кадрами съемок на зеленом фоне и финальной песней Роя Орбисона «Evergreen», можно рассматривать как метафору рождения новой, неиндексальной образности. Предельно искусственный образ — пространство лимба — можно обнаружить в другом фильме режиссера, «Кома» (2022), в который, помимо этого, попадают фрагменты анимации и вставки видеоблога. Особой линией для анализа является используемое Бонелло повторение: здесь как яркий пример вспомним несколько раз показанные эпизоды стрельбы в конце «Ноктюрна» (2016), которое, на том или ином уровне присутствуя в поздних фильмах режиссера, задает тон открытию нового типа образа.

Список источников:

1. Делёз Ж. Кино. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2012. — 560 с.
2. Пистерс П. Флешфорвард — будущее сейчас // Versus. — 2023. — №3. — С. 12–35.

3. Shaviro S. The rhythm image: music videos and new audiovisual forms. — NY: Bloomsbury Academic, 2023. — 220 p.

«Я» и «Другой»: экзистенциальные проблемы любви в фильмах К. Кесльёвского

Керруми Мариям Башировна

Санкт-Петербургский государственный университет

kerrumi.m@yandex.ru

Фильмы Кшиштофа Кесльёвского историки кино причисляют к направлению кинематографа «морального беспокойства». Игровое кино Кесльёвского интересно специфической манерой работы с цветом, насыщенностью символами, но в первую очередь человеконаправленностью его кинолент. Любовь в фильмах К. Кесльёвского продемонстрирована как процесс субъект-объектных отношений, что определяет важность акта взгляда как главной составляющей в установлении взаимодействия между субъектом и объектом. Любовь вступает во взаимодействие и конфронтацию с вопросами свободы, смысла жизни и смерти, что позволяет определять любовные проблемы через экзистенциальную коннотацию. Задачи исследования включают описание любви как процесса, сталкивающегося с экзистенциальными проблемами; концептуализацию понятия взгляда и понятия любви, выявление связи между ними; аналитику частных случаев функционирования любви в фильмах К. Кесльёвского, к которым можно отнести любовь, выраженную в утрате «Я», любовь, взаимодействующую с переживанием смерти и утраты, и любовь, функционирующую раздельно с коннотацией близости; выявление общих черт, присущих репрезентации любовных процессов в фильмах К. Кесльёвского.

В литературе, посвященной исследованию кинематографа К. Кесльёвского, большое внимание уделено исследованию формы фильмов режиссера (цвету, свету, работе камеры) и семантическим особенностям знаков, функционирующих в кинолентах, что позволяет считать эту тему широко изученной. В данном исследовании будут применяться наработки, связанные с подробным описанием семантики и аналитики формы фильмов К. Кесльёвского, однако они будут использованы в качестве материалов, помогающих более подробно изучить продемонстрированные особенности функционирования любви.

Основу теоретического материала составили труды Зигмунда Фрейда [1], Славоя Жижека [2] и Младенца Долара [3]. Они позволяют подробно вычерпить определение процесса любви, проанализировать особенности его функционирования, а также определить черты, связанные с объектами и субъектами любовного процесса. Текущее исследование также опирается на работы Жана-Поля Сартра [4], которые теоретизируют любовь в связи с понятием взгляда и такими понятиями экзистенциализма, как свобода, смерть и смысл жизни. Актуальность текущего доклада состоит в исследовании малоизученной в

современном российском академическом сообществе темы экзистенциальных проблем любви в фильмах К. Кесслёвского. Работа проводится на стыке психоаналитического и экзистенциального подходов.

Список источников:

1. Фрейд З. Недовольство культурой. — Харьков: Фолио, 2013. — 139 с.
2. Жижек С. Интерпассивность. Желание: Влечение. Мультикультурализм. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. — 156 с.
3. Долар М. Глаза их встретились // Истории любви: Лакан и Спиноза / Под ред. В. Мазина. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. — С. 19–26.
4. Сартр Ж.-П. Тройная разрушаемость любви. Мазохизм как принятие виновности — Москва: Алгоритм, 2007. — С. 42–46.

Cinema as Archive: Trauma, Memory, and Visuality in Hiroshima Mon Amour

Комлева Стефания Валерьевна

Тюменский государственный университет

s.komleva.sas@gmail.com

Alain Resnais' *Hiroshima Mon Amour* (1959) problematizes the very possibility of a comprehensive archive, interrogating the ways in which memory and history resist totalization. This paper investigates how cinema functions as an archive, not merely documenting the past but also actively shaping and transforming memory. The central research question examines how the film's non-linear narrative and experimental editing techniques contribute to the archival nature of cinematic memory. By situating *Hiroshima Mon Amour* within broader theoretical frameworks, this study aims to deepen our understanding of cinema's role in historical recollection.

This investigation is grounded in Jacques Derrida's *Archive Fever*, which posits that the archive is 'neither wholly present nor entirely absent,' existing as a site of both preservation and erasure [1, p. 84]. Applying Derrida's theory, this study argues that *Hiroshima Mon Amour* embodies archival instability, wherein historical memory is continuously reshaped rather than statically preserved. The film's recursive narrative structure and interplay between past and present function as mechanisms of both documentation and reinterpretation, reinforcing cinema's ability to engage with history as an evolving discourse.

Additionally, this research draws upon Akira Mizuta Lippit's argument that cinema functions as an 'apparatus of penetration, revealing the interiority of bodies, minds, and the world itself.' [2, p. 5]. Within this framework, *Hiroshima Mon Amour* is analyzed as a cinematic archive that does not merely represent historical events but also exposes the psychological and emotional ruptures they produce. By employing experimental editing, disjointed temporality, and nonlinear storytelling, the film captures the fractured nature of historical trauma, underscoring cinema's role as an active archival force rather than a passive repository of the past.

Lauren Berlant's concept of cruel optimism further complicates the film's archival function [3]. If the archive, as Derrida suggests, simultaneously preserves and defers memory, then *Hiroshima Mon Amour* enacts a form of cruel optimism — offering the illusion that confronting historical trauma might yield resolution, when in reality, it reinforces the inescapability of the past. The film's disjointed temporality mirrors this paradox, as characters remain emotionally tethered to histories that continuously evade closure. The French woman's attachment to her past, and her fleeting relationship with the Japanese man, illustrate how the desire to move forward is entangled with a history that refuses to be left behind.

Список источников

1. Derrida J., Prenovitz E. Archive Fever: A Freudian Impression. — Chicago: University of Chicago Press, 1995.
2. Berlant L. Cruel Optimism. — Durham, NC: Duke University Press, 2012.
3. Lippit A. M. Atomic Light: (Optics of Shadows). — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005.

Детское восприятие мира в фильмах Аббаса Киаростами

Коробова Елизавета Олеговна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

elizavetakorobovaa@gmail.com

Карьера иранского режиссера Аббаса Киаростами началась с создания фильмов для детей и о них. Его фильмы соответствуют характеристикам типичного иранского кино нового поколения, возникшего после провозглашения Ирана Исламской республикой в 1979 году: простота повествования, доступность сюжетов, основанных на реальных жизненных ситуациях, привлечение непрофессиональных актеров и активное использование образов детей и подростков [1, с. 152]. Конкретно тематика детского и подросткового восприятия мира проходит красной нитью через раннее творчество Киаростами, включая такие работы, как «Путешественник», «Первоклашки», «Домашняя работа», «Где дом друга?» и другие [2, р. 240]. Благодаря детскому взгляду на события, вопросы взросления, идентичности и справедливости становятся особенно актуальными и резонирующими. Киаростами мастерски использует детских персонажей в роли наблюдателей и рассказчиков, позволяя зрителям увидеть мир их глазами. Зрители следят за героями-детьми в различных ситуациях: на школьных дворах, в классах, за семейными ужинами и в других социальных контекстах. Использование детской перспективы создаёт контраст между наивностью детского восприятия и реальностью взрослого мира, подчеркивая противоречивые аспекты жизни [3, р. 19].

В рамках данного исследования будет предпринята попытка анализа восприятия мира детьми в работах Киаростами через сопоставление персонажей из различных фильмов с опорой на визуальные элементы кинокартин. Это позволит показать, как восприятие окружающего мира детьми в работах Аббаса Киаростами отражает их личный опыт и социальные условия, в которых они живут. Социальные проблемы иранского общества, изображаемые в раннем кино Киаростами, часто остаются без внимания в исследованиях. Актуальность настоящего исследования заключается в рассмотрении этой малоизученной темы.

Например, фильмы Аббаса Киаростами поднимают тему изолированности детей от взрослых, подчеркивая сложную и иногда непроницаемую границу, разделяющую миры разных поколений [4, р. 63]. Киаростами передаёт чувство одиночества и непонимания, которое испытывают дети, оказываясь во враждебном по отношению к ним мире. Между поколениями практически отсутствует связь, поскольку взрослые не проявляют интереса к миру детей, не предпринимают попыток его понять [5, р. 68]. Также в работах Киаростами акцентируется внимание на тех институтах, которые формируют детский опыт, включая образовательную систему, а также семейные и культурные традиции [4, р. 65].

В фильмах Киаростами дети часто сталкиваются с моральными дилеммами, и мир взрослых вынуждает их делать этот непростой выбор. Хотя Киаростами, как и многие режиссёры, поднимает тему протеста молодого поколения против общества, в его работах протест не носит конфронтационного характера: здесь герои чаще всего просто игнорируют авторитеты [3, р. 29]. Таким образом, в докладе будет рассмотрено то, как разнообразные проблемы иранского общества в послереволюционные годы раскрываются через оптику персонажей-детей.

Список источников:

1. Казурова Н.В. Иранский режиссер Аббас Киаростами: фальсификатор вымысла // Вестник СПбГУ. — 2012. — № 2. — С. 151–158.
2. Stephens J. Iranian cinema and a world through the eyes of a child // The Oxford Handbook of Children's Film, 2022. — P. 239–245.
3. Nojoumian, A. A., Nojoumian, A. H. Towards a poetics of childhood ethics in Abbas Kiarostami's cinema // Persian Literary Studies Journal. — 2017. — Vol. 6.— №10. — P. 15–32.
4. Dabashi H. Close up: Iranian cinema: past, present and future. — London: Verso, 2001. — 302 p.
5. Alberto E. The cinema of Abbas Kiarostami. — London: Saqi Books, 2005. — 297 p.

«Обнаруживать новое в старом»: эстетика барокко и вариантология медиа в автобиографической трилогии Гая Мэддина

Митрофанова Валерия Алексеевна

v.mitrofanova.sas@gmail.com

Как отметил философ Стивен Шавиро (Steven Shaviro), фильмы Гая Мэддина представляют собой слияние «архаизма и изобретения совершенно нового кинематографического языка» [1]. Такое слияние ярко продемонстрировано в его автобиографической трилогии, состоящей из фильмов «Трусы сгибают колени, или синие руки» (2003), «Клеймо на мозге!» (2006) и «Мой Виннипег» (2007). Мэддин не случайно использует приемы немого кино и ранние кинематографические практики: он ищет невоплощенные возможности немого кино, которые были утрачены из-за широкого распространения диалогов и господства нарратива в кинематографе.

Одной из таких утраченных возможностей, осуществленных в творчестве Мэддина, является концепция «кино аттракционов» Тома Ганнинга (Tom Gunning). Такое кино подчеркивает искусственность фильма и «обращается к аудитории напрямую» («The aesthetic of attraction addresses the audience directly...») [2, p. 743]. В «Моем Виннипеге» эта концепция проявляется в осознанном слиянии документального и художественного кино, в котором искусственность не маскируется, а открыто демонстрируется.

Однако такая демонстрация искусственности не отдаляет зрителя от фильма, а лишь способствует его погружению в фильм, напрямую воздействуя на его тело и чувства. Стивен Шавиро называет такой опыт аффективного воздействия изображения на зрителя «конкретным, имманентным и пре-рефлексивным», лишенным глубины и внутреннего пространства: «The experience of watching a film remains stubbornly concrete, immanent, and prereflective: it is devoid of depth and interiority» [3, p. 31]. В фильмах «Трусы сгибают колени» и «Клеймо на мозге» преувеличенная чувственность, телесность, а также ритмически-импульсивный монтаж играют важную роль в воздействии на ощущения зрителей.

Взаимодействие между сознательной демонстрацией искусственности и аффектом в фильмах Мэддина напоминает переплетение чувственного и телесного с саморефлексией в эстетике барокко [4, p. 209]. Я рассматриваю автобиографическую трилогию Гая Мэддина через призму вариантологии медиа, прослеживая преемственность между барокко и эстетикой раннего и немого кинематографа. Идея о вариантологии медиа Зигфрида Цилински (Siegfried Zielinski) подразумевает стремление отыскать в прошлом альтернативные варианты развития медиа, недооцененные либо игнорируемые историческим нарративом: «...не искать старое, уже существовавшее, в новом, а обнаруживать новое, ошеломляющее, в старом» [5, с. 24–25].

Таким образом, переосмысление эстетик барокко и немого кино в фильмах Мэддина подразумевает глубокую взаимосвязь и разнообразие визуальных практик в истории медиа. Возрождение эстетики раннего кино и барокко в фильмах Мэддина — попытка представить визуальный язык, альтернативный доминантным стратегиям голливудского нарративного кино.

Список источников

1. Shaviro S. Guy Maddin [Электронный ресурс] // The Pinocchio Theory [сайт]. — 2004. URL: <http://www.shaviro.com/Blog/?p=307>. (дата обращения: 03.04.25)
2. Gunning T. An Aesthetic of Astonishment. Film Theory and Criticism. — Oxford: Oxford University Press, 2009. — P. 736–750.
3. Shaviro S. Film Theory and Visual Fascination. The Cinematic Body. — Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1993. — P. 1–65.
4. Walton S. Hit It With a Wrecking Ball, Tickled With a Feather: Gesture, Deixes, and the Baroque Cinema of Guy Maddin // Playing with Memories: Essays on Guy Maddin / Ed. by David Church. — Winnipeg: University of Manitoba Press, 2009. — P. 203–223.
5. Цилински З. Введение. Об идее «глубокого времени» аудиовизуальных и вычислительных технологий // Археология медиа: О «глубоком времени» аудиовизуальных технологий / Ред. Борис Скуратов, Людмила Воропай. — Москва: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. — С. 19–36.

Кино и видеоарт: анализ подходов к зрителю и методы экспонирования.

Случай арт-группы «Провмыза»

Нагорнова Анастасия Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

a.nagornova.sas@gmail.com

Искусство движущегося образа, в частности, видеоарт — одно из самых актуальных направлений современного искусства, однако исследования, посвященные вопросам его экспонирования, практически отсутствуют. Большинство учёных ограничиваются сравнением базовых условий галерейного пространства и кинозала, в которых возможен показ этого вида искусства, сосредотачиваясь на анализе форм взаимоотношений между зрителем и демонстрируемым произведением, которые эти условия порождают: white cube / black box, публичное / приватное пространство, подвижность / неподвижность зрителя и т.п. [1, с. 38]. Роль куратора в данном случае отходит на второй план, однако именно он непосредственно работает с медиумом и способен повлиять на смысл передаваемого сообщения. В настоящей работе я предлагаю определить место и задачу современного куратора, используя в качестве объекта исследования видеоарт, критикующий конвенции киноязыка, и проанализировав кураторские стратегии, которые используются при работе с ним.

В истории видеоарта «поворотом к кино» [2, р. 153] называют период 1990–2000-х годов, когда художники, такие как Дуглас Гордон, Кристиан Марклей и многие другие, начали критиковать условности киноязыка (архетипы, мифы, манипулятивность зрительским взглядом и т.п.), указывая на его конвенциональность. Граница между видеоартом и кинематографом была зыбкой, однако определимой, а сами произведения искусства требовали достаточного технического оснащения и художественного или кураторского комментария. Жанровое определение искусства последних лет затруднительно, так как возникают гибридные форматы (видеоэссе); работы могут выставляться как в галерее, так и демонстрироваться на киноэкране; можно предположить, что современные видеохудожники, например, Зинеб Седира, Мун Кёнвон и Чон Чунхо и др., уже не критикуют кино, а просто пользуются его языком. Однако это не так — художники лишь ориентируются на нового зрителя — зрителя сериальной-, игровой- и интернет-культуры, — которому доступно огромное количество различных медиа одновременно.

Современная нижегородская арт-группа «Провмыза» — яркий пример подобных видеохудожников. Используя синтез искусств (театр, видеоарт и кино), выстраивая с помощью определённых кураторских стратегий артифицированное пространство и чувственную атмосферу, художники добиваются аффектации зрителя, указывая на кризис визуальности, чувственности и событийности. Таким образом, куратор в поле современного

искусства уже не выполняет роль отдельно стоящего интерпретатора, не занимается объяснением смыслов, а стремится дать зрителю почувствовать, пережить некий опыт.

Список источников

1. Першева А. Д. Видеоарт. Монтаж зрителя. — СПб;М.: PUGRAM_Пальмира, 2022. — 419 с.
2. Harrison C. American culture in the 1990s. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. — 244 p.

Концепция лиминальности в ландшафтном кино: городские пространства

Нохрина Яна Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Ya.yana332@yandex.ru

Понятие лиминальности впервые появляется в антропологии. Этот термин вводит французский этнограф Арнольд ван Геннеп (Arnold van Gennep), осмысляя обряды инициации в различных этносах. Изначально слово «лиминальность» описывало состояние, когда участники ритуала перехода теряют предыдущий статус, но еще не получают нового [1]. Сейчас понятие лиминальности используется в различных дискурсах: в архитектуре, медицине, психологии и, конечно, в визуальной культуре. Так, например, в конце 2010-х годов в интернет-среде активно набирали популярность феномен *liminal space* и эстетика лиминальности [2].

В докладе предпринимается попытка осмыслить лиминальность как эстетическую категорию. Опираясь на теорию Вальтера Беньямина (Walter Benjamin) о мессианском времени, на работы Мишеля Фуко (Michel Foucault), посвященные гетеротопии, и на концепцию «не-мест» Марка Оже (Marc Augé), в своей работе мы даем этому феномену временные и пространственные характеристики. Таким образом, мы приходим к выводу, что лиминальность является сложным эстетическим комплексом, включающим в себя определенное оптическое переживание, чувство размытия собственной идентичности, а также особое чувство времени, которое мы связываем с понятиями кайроса и времени-сейчас, рассматриваемого Беньямином.

В докладе мы также обращаемся к анализу лиминальности городских пространств в ландшафтном кино. Выделяя три вида ландшафтного кино (наблюдательное, психогеографическое и автобиографическое), на примере корпуса фильмов мы создаем классификацию переживаний лиминальности в киноопыте.

Список источников:

1. Арнольд ван Геннеп. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. — Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — С. 24.
2. Koch K. Architecture: The Cult Following Of Liminal Space [Электронный ресурс] // Musée Magazine. URL: <https://museemagazine.com/features/2020/11/1/the-cult-following-of-liminal-space> (дата обращения: 15.12.2024).

Колебание дистанции: роль саундтреков в моделировании образа прошлого на материале сериала Жоры Крыжовникова «Слово пацана. Кровь на асфальте»

Орешкина Влада Владимировна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

oreshkina2004@inbox.ru

В центре нашего внимания — процесс создания образа противоречивого прошлого в сериале Жоры Крыжовникова «Слово пацана. Кровь на асфальте» (2023). Пользуясь терминами Алейды Ассман (Aleida Assmann), мы доказываем, что в нем одновременно репрезентируется «социальная» (social) и «архивная» (archive) память [1, р. 41–44] о молодежной жизни позднего социализма. Обладая противоположной тональностью, они заставляют зрителя колебаться между идентификацией с героями и дистанцированием от них, между «идиллическим» и «трагическим» модусами восприятия.

Доказывая этот тезис, мы обращаемся к роли песни в моделировании атмосферного пространства. Категория «атмосферы» находится на первом плане современных исследований медиа и не имеет единого определения. Мы будем пользоваться концепцией, предложенной Гернотом Бёме (Gernot Böhme). Под атмосферой вещи мы понимаем результат ее «исхода из самой себя» (going forth from itself) [2] в пространство, общее с реципиентом (в нашем случае — со зрителем). Подобно нити, она соединяет человеческое состояние и качество окружения. Мы показываем, что с активацией «nostalgia» такая связь может быть не только качественной, но и количественной. Чем более узнаваема мелодия, звучащая в эпизоде — тем короче длина нити, расстояние между зрителем и нарративом.

Наши рассуждения подкрепляются анализом двух эпизодов уличной драки из третьей серии. В первом звучит трек группы «Мираж», благодаря которому пространство становится узнаваемым и поэтому — безопасным. Ситуация приобретает комические черты, снижается до «войнушки», а насилие становится «киноаттракционом». Мы отмечаем, что чувство ностальгии проникает не напрямую из нашей личной или культурной памяти, но из более ранних эпизодов, где оно используется для создания идиллического образа советского детства. Песни имеют диегетический источник (радио, хоровое исполнение) и звучат в моменты, связанные с домашним спокойствием, зарождением дружбы или мелким хулиганством.

Во втором эпизоде звучит песня «Пылала» группы «Аигел». Ее первое появление в сериале связано с экскурсом одного из героев в историю группировок. Сопровождаемый реальными фотографиями, он закрепляет за саундтреком исторический взгляд на события. Так, насилие в эпизоде воспринимается в тесной связи с его будущими последствиями и теряет характер развлекательности, переходя в «войну». Поскольку саундтрек не был известен широкой аудитории до выхода фильма, пространство, окрашенное им, кажется

незнакомым, а татарский язык исполнения экзотизирует казанский опыт. Исключение его из «культурного канона» о позднем социализме и делает дистанцию с большей частью аудитории столь ощутимой.

Так, мы доказываем, что подобный просмотр требует проявления зрительской активности: осмысления противоречий и выработки собственного отношения к событиям, местами — сопротивления кинематографической иллюзии, дополнения и реорганизации «индивидуальной памяти» (individual memory) [1, p. 40–41].

Список источников:

1. Assmann A. Re-framing Memory: Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe / K. Tilmans, F. Vree, J. Winter, eds. — Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. — P. 35–50.
2. Бёме Г. «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики [Электронный ресурс] // Metamodern: электронный журнал / пер. с англ. С. Онисенко. — 2018. URL: <https://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics/> (дата обращения: 15.01.2024).

Гаптическая визуальность: раннее кино и видео-арт 2010-2020-х гг.

Савиных Анна Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет

0savinykh.anna0@gmail.com

Гаптическая (тактильная) визуальность всегда была частью искусства, связанного с движущимся образом. Например, в начале XX века кинематограф экспериментировал с «плоской» визуальностью, стремясь создать иллюзию близости. В. Беньямин (Walter Benjamin) считал, что раннее кино через шоковое воздействие на тело зрителя помогает адаптироваться к технологическим изменениям [1].

Идеи В. Беньямина снова актуализируются с развитием современного видео-арта (2010-х гг.), который зачастую использует гаптические приемы для осмысления нашего взаимодействия с новой реальностью. Интерфейсы компьютеров и смартфонов становятся частью повседневной жизни и продолжением нашего тела, и визуальность видео-арта оказывается также под их влиянием [2].

Однако, в отличие от раннего кино, современный видео-арт, продолжая традицию медиума, высоко критичен по отношению к этой новой реальности и посредством гаптики помогает зрителю, наоборот, отстраниться от изображения. Безусловно, как и кино, он тоже выполняет попытку реорганизации пространства, но уже более радикальную. Сталкивая зрителя лицом к лицу с интерфейсами, маскирующими зачастую уже непонятные для обывателя технологии, он пытается не просто показать экран как поверхность, как физический объект, но как кожу взаимодействующего с нами сложного организма.

Список источников:

1. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Медиум. — Москва, 1996. — С. 15–65.
2. Sæther S. Ø. Touch/Space: The Haptic in 21st-Century Video Art // Screen Space Reconfigured / Eds. Susanne Sæther, Synne Tollerud Bull. — Amsterdam: Amsterdam University Press, 2020. — P. 201–230.

Устойчивость и движение: освобождение царапин вне пленки и кинематографического аппарата

Сычёва Екатерина Сергеевна

Тюменский государственный университет

e.sychyova.sas@gmail.com

Разрушаемость пленки: боль, объединившая кино прошлого столетия.

В настоящее время повреждения стали частью эстетики старого кинематографа и символом прошлого [1, с. 8]. Этот образ сформировался еще до появления цифрового кино и компьютерных фильтров. Так, вступительные кадры в «Гражданине Кейне» специально были повреждены царапинами, чтобы состарить изображение для иллюзии того, что эти кадры сняли намного позже и являются частью кинохроники [1, с. 8].

Этот образ сформировался благодаря технической несовершенности кинопроекционного аппарата, который при постоянном прокручивании и так «хрупкой» пленки повреждал ее, оставляя царапины.

Андре Базен (André Bazin) писал, что если фотография запечатлевает момент смерти, то в кино «смерть повторяется вновь и вновь» [2]. Царапины для кино — это момент повторяющейся смерти самого «film[a]» (в том числе в контексте «фильм» как пленка), где с каждой новой проекцией царапины становятся все глубже, оставляя все более заметные шрамы на «коже фильма». Так, царапины и повреждения сохранили в себе символ смерти, насилия и прошлого, соединившись с ностальгией по утраченной материальности кино. Но как царапины могут быть частью цифровых фильтров, если кожа «film[a]» больше не подлежит повреждению?

Царапины, как образ, привязаны к киноаппарату и пленке. Рано или поздно на пленке начинают появляться повреждения от проекции и использования. Однако царапины связаны не столько с пленкой и аппаратом, сколько с движением. Для Лена Лие (Len Lye) линия на пленке свободна, она независима и обладает «the line's own 'life-manifestations'» [3, с. 171]. Томас Ламарр (Thomas Lamarre) утверждает, что «the mechanical succession of images» (механическая последовательность изображений), или по-другому, движение, передает импульс в линию [4, с. 113]. Здесь важно, что линия — это не репрезентация движения, она и есть само движение. Благодаря этому импульсу линия трансформируется, подвергается насилию, но не умирает — она устойчива (*vital*). Поэтому, когда Андре Базен пишет, что смерть повторяется, это можно интерпретировать как бессмертие и устойчивость (*vitality*) к смерти.

Так, царапины — это линии, образуемые импульсом движения. Кажется, что царапины впиваются в «кожу кино», разрушая ее, но, через теорию анимации и понимание царапин как импульса, мы можем установить, что повреждения не разрушают пленку. Царапины скорее освобождаются от пленки, киноаппарата, фильтров и прошлого, становясь линией

жизненной энергии, которая через разрушения повторяет акт насилия над собой для обретения бессмертия.

Список источников

1. Rhodes G. D. Scratched, stained, and damaged: the intersection of projection booth flaws and Hollywood film aesthetics // Quarterly Review of Film and Video. — 2017. — Vol. 34 — №8. — P. 707–724.
2. Bazin A. Death every afternoon // Rites of Realism: Essays on Corporeal Cinema / Ivone Margulies, ed. Durham. — Duke University Press, 2003. — P. 27–31.
3. Johnston A. R. Signatures of motion: Len Lye's scratch films and the energy of the line // Animating Film Theory / Karen Beckman, ed. Durham — Duke University Press, 2014. — P. 167–180.
4. Lamarre T. Speciesism, part III: neoteny and the politics of life // Mechademia. — 2011. — Vol. 6. — P. 110–136.

Особенности репрезентации насилия в документальной анимации

Чмелева Арина Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет

ch.ariannna@gmail.com

Документальная анимация еще с момента своего зарождения выбирала в качестве материала сложные сюжеты: «Гибель Лузитании» повествует о потоплении гражданского пассажирского лайнера немецкими орудиями в ходе Первой мировой войны. Как утверждает Кристина Форменти (Cristina Formenti) [1, р. 6–7], с тех пор направление успело пройти несколько этапов развития, однако интерес к проблеме репрезентации насилия сохранился: причиной этому является возможность вернуться к травматичным событиям прошлого, которые не были сняты на пленку, но нуждаются в осмысливании.

Несмотря на то, что долгое время документальная анимация оставалась мало известным жанром, находящимся в области эксперимента, с изобретением цифровых технологий и появлением новых техник анимации она обрела актуальность. В XXI веке снимаются полнометражные фильмы, которые получают награды и номинации на всемирных фестивалях, например, «Вальс с Баширом», «Исчезнувшее изображение» и «Побег». Молодые режиссеры осваивают этот метод и посылают свои работы уже на небольшие региональные фестивали: в 2022 году на фестивале «Послание к человеку» в Санкт-Петербурге была представлена отдельная программа, посвященная короткометражным фильмам. Именно фестивальные работы стали отправной точкой моего исследования, поскольку, обладая схожим набором сюжетов, связанных с травмой и репрезентацией насилия, они представляют уникальные взгляды режиссеров и все еще воспринимаются свежими и необычными. Хотя за последние несколько лет феномен документальной анимации распространился в России в области кино-практик, ему посвящено немного работ в академическом поле, поэтому я бы хотела внести научный вклад и дополнить существующий корпус исследований по документальной анимации, в частности исследующих проблему репрезентации насилия. В качестве методологии мною выбрана философия кино, а также теория медиа.

Прогнозируемые результаты, к которым стремится мое исследование, заключаются в следующем: документальная анимация находит способ этично транслировать образы насилия, не отказываясь от прямой репрезентации травматичных событий и в то же время не прибегая к излишней жестокости для усиления эффекта. Благодаря свойству ремедиации, то есть гибридности новых медиа, которые, согласно Джою Дэвид Болтеру и Ричарду Грусину (Jay David Bolter, Richard Grusin), присваивают достижения старых медиа [2, р. 22], документальная анимация предлагает зрителю новый опыт столкновения с образами насилия, опирающийся не на привычную реалистичность документальной фотографии и кино, а на анимационный язык метафоры. Также документальная анимация возвращает к

вопросу Жака Рансьера о статусе закадрового голоса в неигровом кино: является ли он свидетельством или же удваивает насилие над жертвой? [3] Мне близка первая точка зрения: если в неигровом кино изображение обладает статусом документа, а закадровый голос занимает второстепенную позицию интерпретатора, то в документальной анимации голос свидетеля обладает документальной силой и наделяет анимационное изображение статусом документа.

Список источников:

1. Formenti C. The Classical Animated Documentary and Its Contemporary Evolution. — New York, NY: Bloomsbury Academic, 2022. — 329 p.
2. Bolter J. D., Grusin R. Remediation: Understanding New Media. — Cambridge, MA: The MIT Press, 1999. — 282 p.
3. Рансъер Ж. Невыносимый образ // Рансъер Ж. Эмансипированный зритель. — Нижний Новгород: Красная ласточка, 2018. — С. 82–101.

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности интонационной организации высказываний в медиадискурсе: ситуация убеждения (на материале русского и английского языков)

Бакараева Анастасия Андреевна

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова
nastena.bakaraeva@mail.ru

Сегодня средства массовой информации стали частью нашей жизни. Тексты, транслируемые в СМИ, составляют особый вид дискурса. Медиадискурс представляет собой «совокупность продуктов и процессов речемыслительной деятельности в сфере массовой коммуникации...во всей сложности их взаимодействия» [1]. Отличительной чертой медиадискурса является мультимодальность — одновременное использование как верbalных, так и неверbalных средств коммуникации. Также важную роль в его реализации играет интонация — сочетание акустических свойств речи: тона, тембра голоса, его высоты и громкости, темпа произношения. Интонация, словно нить, связывает вербальное и невербальное общение воедино: это неязыковое средство коммуникации, однако ее полномерное использование не представляется возможным без произнесения осмысленного высказывания. Важность интонации для создания медиадискурса обусловлена его характерными свойствами — преимущественно устной формой коммуникации и ярко выраженной эмотивностью. Более того, интонация выполняет смыслоразличительную функцию, что помогает слушателям лучше уловить нить повествования.

Следует отметить, что в разных языках интонационное оформление высказываний имеет свою специфику. К примеру, в русском языке принято выделять семь интонационных конструкций, тогда как в английском различают шесть основных тонов [2; 3]. Выбор определенной интонационной конструкции (тона) продиктован как намерениями говорящего, так и ситуацией общения.

Рассмотрим особенности интонационного оформления высказываний со значением убеждения на конкретных примерах, проанализировав осцилограммы в программе Praat. Материалом для исследования послужили 6 новостных текстов на русском и английском языках различной тематики длительностью от 5 до 10 минут. В репортаже о неблагоприятных погодных условиях на русском языке тема программы сообщается ровным тоном, далее следует падение тона (ИК 1). Желая убедить зрителей в обыденности описываемых метеоявлений, ведущий повышает тон голоса, выделяя смысловое ядро высказывания (ИК 5). В схожем выпуске новостей на английском языке для речи ведущего характерен высокий восходящий тон: задавая тему сообщения, говорящий не только информирует зрителей об опасных природных явлениях, но и передает отрицательную эмоциональную оценку ситуации.

Для спортивной телепередачи на русском языке свойственно постепенное изменение тона: ведущий стремится убедить зрителей в важности достижений спортсменов, чему способствует положительная эмоциональная оценка описываемых событий, выраженная с помощью варьирования тона от ровного до восходящего (ИК 6). Напротив, в сходном англоязычном репортаже используется низкий восходящий тон при перечислениях, тогда как в ходе объяснения преимуществ конкретной команды перед соперниками применяется высокий нисходящий тон, придающий убедительность предлагаемым аргументам.

Становится понятным, что в медиадискурсе интонация красной нитью проходит через высказывание, делая его более убедительным и эмоционально насыщенным.

Список источников:

1. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. — Москва: Рус. яз., 1977. — 279 с.
2. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2006. — № 2. — С. 20–33.
3. О'Коннор Дж. Дж., Арнольд Г. Ф. Интонация разговорной английской речи. — Москва, 1974. — 270 с.

Роль релевантных и нерелевантных источников беглости обработки информации в возникновении ага-переживания при знакомстве с решением задачи

Батуев Никита Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет

n.s.batuev@mail.ru

Слово инсайт знакомо многим, и многие его испытывали неоднократно, однако, что иронично, данный феномен несет в себе много неясности. Исходя из чего научный интерес к нему не угасает уже более века, за время которого появилось множество теорий и научных исследований, пытающихся выяснить его природу [1]. В данной работе для объяснения инсайта используется теория беглости обработки информации, предполагающая косвенную связь между когнитивными процессами и метакогнитивными переживаниями [3]. Под беглостью обработки понимается то, с какой легкостью и скоростью информация обрабатывается в когнитивной системе, при этом сигнал о беглости субъективно переживается, но не несет информации о своем источнике. Саму беглость разделяют на семантическую и перцептивную [4], которая может являться как релевантной, так и нерелевантной (связанной/не связанной с процессом решения задачи).

Ранее уже выдвигалась и впервые проверялась гипотеза о влиянии релевантных и нерелевантных источников беглости [2], которая при этом была проверена и нами в рамках пилотного эксперимента, однако результаты, также как и ранее, лишь частично ее подтвердили.

Г1: Релевантная беглость, будет влиять на оценки ага-переживания вне зависимости от нерелевантной беглости, повышая вероятность индуцированных инсайтов;

Г2: Нерелевантная беглость, будет сильнее влиять на оценки ага-переживания при высокой релевантной беглости, чем при низкой, повышая вероятность индуцированных инсайтов.

Для проверки выдвигаемых гипотез будет использована методика CRAT (60 задач): конвергентные и дивергентные триады (НП1) с увеличивающимися и уменьшающимися значениями семантической предсказуемости (НП2). Предъявление задач: на экране появится первое слово из триады, а через каждые 1,5 секунды оставшиеся два друг под другом. Далее через 2 секунды покажется слово-решение (НП3 (верное/неверное)) под/над триадой (НП4 (перцептивная предсказуемость)). Задача участника: оценить правильность ответа, а также наличие и интенсивность ага-переживания (ЗП1-3). При этом, сначала будет показано случайное количество (от 1 до 4) «триад-филлеров» (слово-решение под триадой), затем будет предъявлено 2 «триады-цели» (слово-решение сначала под, затем над триадой). В конце эксперимента участнику нужно будет оценить свою успешность решения задач (из 100%).

(НП5), количество людей (из 100), которые справились бы лучше (НП5), а также знакомость с использованными в эксперименте словосочетаниями (ДП1).

Ожидаемые результаты:

1. В триадах, где последовательное предъявление слов уменьшает семантическую предсказуемость, и вне зависимости от этого в дивергентных триадах, вероятность возникновения и интенсивность ага-переживания будет выше;
2. В условиях предъявления слова-решения в перцептивно предсказуемом местоположении вероятность возникновения и интенсивность ага-переживания будет выше при высокой семантической предсказуемости.

Список источников:

1. Морошкина Н. В., Аммалайнен А. В. От инсайта к Ага!-переживанию: новая парадигма в исследованиях решения задач // Сибирский психологический журнал. — 2021. — № 79. — С. 48–73.
2. Аммалайнен А. В. Влияние беглости обработки информации на оценки Ага!-переживания в инсайтных решениях: дисс. ... канд. психол. наук : 5.3.1 / Аммалайнен Анатолий Викторович; [Место защиты: Санкт-Петербург. гос. ун-т]. — Санкт-Петербург, 2022. — 299 с.
3. Topolinski S., Reber R. Gaining Insight Into the "Aha" Experience // Current Directions in Psychological Science. — 2010. — Vol. 19. — № 6. — P. 402–405.
4. Whittlesea B. W. A., Williams L. D. Why do strangers feel familiar, but friends don't? A discrepancy-attribution account of feelings of familiarity // Acta Psychologica. — 1998. — Vol. 98. — № 2–3. — P. 141–165.

Автопортрет студентов спортивной эстетической специализации

Бондаренко Диана Александровна

Национальный государственный университет им. П.Ф. Лесгафта

3256062@gmail.com

Эстетика спорта предъявляет жёсткие требования к психологической и физической подготовке спортсменок. Тело, его форма и выразительность — компоненты успешности спортивной карьеры в эстетических видах, подверженные прессингу со стороны спортивного сообщества, что ведёт к аутоагрессии спортсменок. Проективная методика «Автопортрет» выявляет интенции идентичности спортсменов, их отношение к телесности.

Дизайн исследования включал в себя анализ литературных источников, наблюдение за деятельностью спортсменов-студентов, интерпретацию их автопортретов [2] с последующей классификацией рисунков по Г. Риду, а также рефлексию. В исследовании принимали участие ($n = 44$) студента спортивного вуза эстетических специализаций, 80% девушек и 20% юношей. Средний возраст испытуемых составил $19 \pm 0,6$ лет, спортивный стаж — $14,5 \pm 0,6$ лет, доля мастеров спорта России — 41%, кандидатов в мастера спорта — 27%, остальные — разрядники.

По классификации автопортретов (Г. Рид) 40% рисунков соответствовало интуитивному типу личности, противореча предыдущим исследованиям по методике Д. У. Кейрси [5], где треть спортсменов-«эстетов» ощущающего типа [1]. Имидж оформляется в рисунке: студенты проецируют себя образом «замкнутых мечтателей». 31% рисунков относится к структурному типу, характеризующему интровертов-интуитивов (акцент на детали, эмоциональность прослеживается слабо). В изображениях выделяются глаза (78% респондентов), зрачки заштрихованы, длинные ресницы, подчёркнут контур; волосы (48%), прорисованные локоны, изгибы; губы (45%), часто сжатые, пухлые, обведённые, что указывает на повышенную демонстративность, беспокойство, страхи. В автопортретах преобладают формы «солдатика» (11%) или тело вовсе не изображается (75%), обрывается на ключицах или шее. Проявляются подавленная амбициозность, типичность действий, замкнутость, страхи при адаптации. Отсутствие тела указывает на проблемные отношения с ним: чрезмерные стандарты «давят» на спортсменов с детства, спортивные неудачи воспринимаются со стыдом [4]. В процессе взросления девочки чаще маскируют фигуру, надевая оверсайз-одежду, избегая негативных оценок.

Рисунки мало связаны со спортивной деятельностью студентов, несмотря на длительный спортивный опыт: только четверть девочек-гимнасток изобразили специфические для их спортивной деятельности элементы (шпагат, «кольцо с помощью», пьедестал), у студентов — 9%. Видимо, обе возрастные группы находятся по разные стороны спортивной идентичности: дети 6-8 лет только начинают путь в спорте, основным мотивом их деятельности служит одобрение и похвала родителей [3], поэтому идентификация с

гимнастикой низкая. У студентов эффект противоположен: завершение спортивной карьеры, негативный опыт «вытесняет» субличность «спортсмена», ведя к смене приоритетов. Любопытно проанализировать автопортреты действующих спортсменов на пике физической карьеры.

Список источников:

1. Димура И. Н., Бондаренко Д. А. Связь типа личности студентов с ее рисунком // Физическая культура студентов [Сб. ст.] — 2024. — № 73. — С. 178–183.
2. Маховер К. Проективный рисунок человека / Пер. с англ. 3-е изд. Ю. В. Васильевой. — Москва: Смысл, 2003. — С. 150–151.
3. Дубовова А. А. и др. Особенности взаимосвязи родительского отношения к занятиям спортом и показателей мотивации и перфекционизма юных спортсменов // Физическая культура, спорт [Сб. ст.] — наука и практика. — 2021. — № 4. — С. 106–110.
4. Daley M. M., Shoop J., Christino M. A. Mental Health in the Specialized Athlete // Curr Rev Musculoskelet Med. — 2023. — Vol. 16, № 9. — P. 410–418.
5. Psylab.info: Энциклопедия психодиагностики [Электронный ресурс]. — Кемерово, 2009. URL: https://psylab.info/Опросник_Кейрси. (дата обращения: 05.04.25)

Artist Recognition Test: оценка опыта рецепции картин в задаче измерения когнитивной трудности сопроводительных текстов Виртуального тура по Эрмитажу

*Дмитриева Кристина Александровна, Колмогорова Полина Алексеевна,
Сытикова Елизавета Алексеевна*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —
Санкт-Петербург

pkolmogorova@hse.ru, easytikova@edu.hse.ru, kadmitrieva@hse.ru

Мы исследуем трудность текстов Виртуального тура по Эрмитажу. В этих экскурсиях посетитель взаимодействует только с произведением искусства и текстом без участия экскурсовода. Возникает проблема оценки доступности такого текста для посетителя музея.

Известно, что на субъективную трудность восприятия текста влияет ряд факторов: уровень образования, пол, возраст и др. [1, с. 19]. При проведении экспериментов по измерению трудности текста такие метаданные об информанте можно извлечь из анкеты-опроса. Другую часть субъективных характеристик таким образом получить сложно, так как данные могут быть искажены из-за эффекта социальной желательности [2, с. 873]. К таким характеристикам относится «насмотренность» информанта, его опыт рецепции картин. Мы предполагаем наличие корреляции между уровнем субъективной трудности текстов Виртуального тура и уровнем насмотренности информанта. Чтобы подтвердить ее наличие или отсутствие, при проведении эксперимента по оценке трудности текста необходимо предварительно оценить искусствоведческие компетенции информанта.

Наша цель — создать опросник для более объективной и быстрой оценки опыта рецепции картин в рамках эксперимента по исследованию трудности искусствоведческих текстов.

При создании опросника мы адаптировали дизайн психометрического теста, применяемого для оценки читательского опыта — теста на распознавание имен авторов (Author Recognition Test) [3, р. 408]. В нем испытуемым предлагается выбрать знакомых писателей в списке, наполовину состоящем из реальных имен писателей, а наполовину — из имен-филлеров; при этом за каждое верно выбранное имя испытуемый получает 1 балл, а за каждое выбранное имя-филлер балл снимается. При отборе имен для теста на распознавание имен художников (Artist Recognition Test) мы опирались на «Единый художественный рейтинг» — справочник, ежегодно составляемый Рейтинговым центром Профессионального союза художников России. Итоговый вариант Artist Recognition Test (ART) включает 140 имен.

Для проверки эффективности ART мы составили расширенный валидационный тест, который проверяет различные компетенции в области искусства. Он состоит из 5 блоков в соответствии с таксономией Блума [4, р.18]; все задания взяты из библиотеки ВСОШ и

МОШ по МХК, адаптированы и сбалансированы по темам. Валидационный тест прошел несколько этапов верификации от методистов и искусствоведов.

Гипотеза исследования состоит в том, что есть значимая корреляция между Artist Recognition Test и валидационным тестом, более развернуто оценивающим компетенции в области искусства, а потому ART может использоваться самостоятельно для оценки опыта рецепции картин. Пилотный эксперимент показал наличие статистически значимой корреляции между ними.

В докладе будут представлены результаты расширенной валидации теста для оценки опыта рецепции произведений изобразительного искусства, описаны перспективы внедрения теста в эксперимент по исследованию трудности текстов Виртуального тура по Эрмитажу.

Тезисы подготовлены в результате проведения исследования по проекту № 24- 00-033 «Экспериментальное изучение и моделирование когнитивных механизмов речевой деятельности» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ)» в 2025 г.

Список источников:

1. Солнышкина М. И., Соловьев В. Д., Гафиятова Э. В., Мартынова Е. В. Сложность текста как междисциплинарная проблема // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2022. — № 1. — С. 18–39.
2. Чернова Б. А., Бахтурина Г. В. Методика оценки читательского опыта: применение в психолингвистике и адаптация для русского языка // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2023. — Т. 20. — № 4. — С. 872–887.
3. Stanovich K., West R. F. Exposure to Print and Orthographic Processing // Reading Research Quarterly. — 1989. — Vol. 24. — № 4. — P. 402–433.
4. Bloom B. Taxonomy of educational objectives: The Classification of Educational Goals. — London: Longmans, Green and Co., 1956. — 207 p.

Порядок сканирования буквенного состава слов в языках с разным типом орфографии: экспериментальное исследование на материале корейского языка

Лезина Алиса Дмитриевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

adlezina@edu.hse.ru

Во многих научных работах, посвященных исследованию ранних этапов чтения, ставится вопрос о том, в каком порядке происходит сканирование буквенного состава слов. Существуют две стратегии идентификации букв в последовательности: параллельная [1; 2], при которой буквы обрабатываются одновременно, и последовательная [3], при которой буквы распознаются по очереди в порядке, заданном системой письма. М. Ктори (M. Ktori) и Н. Дж. Питчфорд (N. J. Pitchford) выдвинули гипотезу о том, что тип обработки зависит от типа орфографии: языкам с прозрачной орфографией соответствует последовательная стратегия, языкам с глубинной орфографией — параллельная [4].

В нашем предыдущем эксперименте на материале финского языка было обнаружено преимущество первой, третьей и пятой позиций. Этот эффект, характерный для параллельной стратегии, проявился несмотря на то, что финский язык обладает прозрачной орфографией, что ставит под сомнение гипотезу о строгой связи между прозрачностью орфографии и последовательностью обработки букв. Для дальнейшей проверки этой гипотезы мы решили провести аналогичный эксперимент на материале другого языка с прозрачной орфографией — корейского.

В основе эксперимента, как и в большинстве предыдущих исследований, будет лежать задача зрительного поиска. Для составления стимулов были использованы только двадцать четыре базовые буквы корейского алфавита, чтобы избежать неоднозначностей. С помощью кода на языке Python были сгенерированы случайные последовательности из пяти символов. Однако, в отличие от других алфавитных языков, для корейского есть ограничение по слоговым структурам: для пятибуквенных слов возможны только структуры CVCCV и CVCVC (C — согласный, V — гласный). Таким образом, для каждой гласной было отобрано по одной последовательности для трех позиций, а для каждой согласной — по одной последовательности для четырех позиций. Кроме того, для всех 86 последовательностей были сгенерированы филлеры (буквенные ряды, в которых ключевой символ отсутствует).

Процедура будет включать следующие этапы:

1. Предъявление целевой буквы в центре экрана на 1000 мс.
2. Пауза в 500 мс, во время которой экран остается пустым.
3. Предъявление пятибуквенного ряда.
4. Фиксация реакции: испытуемые нажимают «/», если целевая буква присутствует, и «z», если отсутствует.

Корейская письменность формирует слоговые блоки, где одни буквы располагаются в верхней части слога, а другие — в нижней. Исследование Х. К. Пэ (H. K. Pae) и соавторов [5] показало, что символы, расположенные в верхней части изолированного слога, воспринимаются быстрее. Так, ожидается, что в корейском языке на распознавание будут влиять не только начало и конец строки, но и расположение буквы в слоге. Верхние элементы (начальные согласные) могут иметь преимущество перед нижними (финалями слога).

Таким образом, предполагается, что в корейском, как и в финском, позиции в начале и конце строки будут перцептивно выделены, но при этом проявится и внутрислоговой эффект: буквы, расположенные в верхней части слога, будут распознаваться быстрее, чем нижние. Анализ данных будет проведен с применением t- критерия Стьюдента и, при необходимости, критерия Вилкоксона. Если гипотеза подтвердится, это расширит существующие модели обработки слов и покажет, что визуальная структура слога играет важную роль при идентификации букв.

Список источников:

1. Grainger J., Van Heuven W. Modeling Letter Position Coding in Printed Word Perception // Mental lexicon: "Some words to talk about words" / Ed. by P. Bonin. Hauppauge, New York: Nova Science, 2003. — P. 1–24.
2. Tydgat I., Grainger J. Serial position effects in the identification of letters, digits, and symbols // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. — 2009. — Vol. 35. — № 2. — P. 480–498.
3. Whitney C. How the brain encodes the order of letters in a printed word: The SERIOL model and selective literature review // Psychonomic Bulletin & Review. — 2001. — Vol. 8. — № 2. — P. 221–243.
4. Ktori M., Pitchford N. J. Effect of Orthographic Transparency on Letter Position Encoding: A Comparison of Greek and English Monoscriptal and Biscryptal Readers // Language and Cognitive Processes. — 2008. — Vol. 23. — № 2. — P. 258–281.
5. Pae H. K., Bae S., Yi K. Horizontal orthography versus vertical orthography: The effects of writing direction and syllabic format on visual word recognition in Korean Hangul // Quarterly Journal of Experimental Psychology, — 2021. — Vol. 74. — № 3. — P. 443–458.

Доминирование магносистемы при когнитивном утомлении: нейрофизиологические маркеры

Медведева Анастасия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

avemds@mail.ru

В повседневной жизни многих людей когнитивное утомление является актуальной проблемой. Это состояние, возникающее в результате продолжительного выполнения задач, сопровождается снижением умственной работоспособности и ощущением усталости [1].

Согласно теории пространственно-частотной фильтрации [2], зрительное восприятие, в частности механизмы глобального и локального анализа, обеспечивается двумя нейронными системами — магно- и парвоцеллюлярной. Их согласованное взаимодействие обеспечивает нормальное восприятие окружающей среды. Эти нейронные системы специфичны к разным пространственным частотам, магноцеллюлярная — к низким, а парвоцеллюлярная — к высоким [2], что позволяет исследовать их с помощью методики контрастной чувствительности.

При утомлении характер взаимодействия этих двух систем меняется, происходит рассогласование, в результате которого начинает доминировать магносистема. Было решено проверить и подтвердить это нейрофизиологическими данными. Предыдущие исследования [3] показали, что ранние вызванные потенциалы можно рассматривать как маркеры этих систем: P1 как маркер магносистемы, N1 как маркер парвосистемы, N170 как маркер их рассогласования.

Процедура эксперимента выглядит следующим образом: сперва участник заполняет опросник Visual Analogue Scale To Evaluate Fatigue Severity (VAS-F) для определения начального уровня утомления. Затем, происходит процедура регистрации контрастной чувствительности. Стимулами являются решетки Габора с низкой (0,4 цикл/град), средней (1 цикл/град) и высокой (16 цикл/град) пространственной частотой. Каждый из видов решеток представляется в двух вариантах — динамичном (черные и белые полосы синусоидально чередуются с частотой 8 Гц) и статичном (чертежование отсутствует). Такое деление необходимо, так как магносистема более специфична к движущимся низкоконтрастным стимулам, а парвосистема — к статичным высококонтрастным [4]. Далее следует блок с решением математических примеров в течение 1,5 часов, который необходим для того, чтобы вызвать у участника эксперимента когнитивное утомление. Затем снова заполняется опросник и регистрируется контрастная чувствительность. На протяжении обоих блоков с регистрацией контрастной чувствительности и блока с решением примеров идет запись ЭЭГ.

В данный момент эксперимент находится на этапе сбора данных. Предполагается, что в состоянии утомления будет происходить смещение активности в сторону доминирования магноцеллюлярной системы, что выражается в увеличении амплитуды P1 на ЭЭГ при

восприятия динамичных решеток с низкой пространственной частотой; амплитуда N1, в свою очередь, будет снижаться.

Результаты исследования имеют фундаментальное значение для понимания нейрофизиологических механизмов когнитивного утомления, а также могут быть применены практически для обеспечения безопасности труда на предприятиях.

Список источников:

1. Behrens M. et al. Fatigue and Human Performance: An Updated Framework // Sports Medicine. — 2023. — Т. 53. — №. 1. — С. 7–31.
2. Campbell F. W., Robson J. G. Application of Fourier Analysis to the Visibility of Gratings // The Journal of Physiology. — 1968. — Т. 197. — №. 3. — С. 551.
3. Муравьева С. В., Шелепин Ю. Е., Дешкович А. А. Зрительные вызванные потенциалы человека на шахматный паттерн разного контраста в условиях помехи при рассеянном склерозе // Росс. физиол. журн. им И. М. Сеченова. — 2004. — Т. 90. — № 4. — С. 463–473.
4. Remy I. et al. Association Between Retinal and Cortical Visual Electrophysiological Impairments in Schizophrenia // Journal of Psychiatry and Neuroscience. — 2023. — Т. 48. — № 3. — С. E171–E178.

Разработка системы лингвистического аннотирования корпуса устной речи людей, переживших травмирующий опыт

Межорина Екатерина Евгеньевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

eemezhorina@edu.hse.ru

Доклад поднимает проблемы создания и использования систем лингвистического аннотирования для решения междисциплинарных научных вопросов, связанных с исследованиями в области психологической травмы. Современные системы разметки могут служить инструментом для проведения когнитивных исследований в сфере психологии, но далеко не все из них могут четко разграничивать лингвистические корреляты, характерные для беглой, эмоционально нагруженной устной речи в целом и характерные исключительно для «языка травмы» [1].

Исходя из необходимости научиться видеть эту разницу, целью настоящей работы стало создание системы разметки, которая позволит обнаруживать в устной речи людей, переживших травмирующий опыт, особые лингвистические корреляты, которые бы отразили потенциальные параметры выделения «языка травмы» и, соответственно, «памяти травмы». Эти многоаспектные понятия связывают между собой когнитивные изменения в мозгу человека вследствие переживания травматического опыта и язык. Изменения в лингвистическом репертуаре жертвы оправданы неким подсознательным, которое хранит множество контекстов, как бы обрамляющих восприятие ситуации травмы на момент ее совершения [2].

Можно предположить, что разметка материала покажет, как меняется внутреннее состояние людей в момент говорения о травме, и как это отражается на лексическом и просодическом уровнях языка.

Под травмирующим опытом в настоящем исследовании подразумевается сексуализированное насилие. Соответственно, материалом исследования послужили 12 видеозаписей (общей продолжительностью 4 часа), в которых жертвы насилия рассказывают о том, как с ними произошли травматичные события, и как они их переживали. Все респонденты — женщины. Объем текстовых расшифровок включил в себя 20 632 токена.

Первоначально ручная фонетическая разметка данных проводилась в программе ELAN с использованием специальных знаков аннотации корпуса ОРД. Этот метод помог проанализировать аспекты эмоциональной просодики устной речи людей, переживших насилие, в процессе рассказа о нем, а также провести их подсчет. Затем была проведена автоматическая семантическая разметка данных с помощью специально написанного кода на языке Python, который помог распределить лексику из корпуса на несколько лексико-тематических групп. Например, среди них были выделены следующие: лексика,

связанная с правовыми процессами (9,1%), лексика, характеризующая состояние жертвы (13,1%) и еще 6 групп (в скобках указано процентное отношение конкретной лексико-тематической группы к объему всей тематической лексики).

По результатам исследования была разработана система лингвистического аннотирования, которая позволяет проводить анализ «языка травмы» на лексическом и просодическом уровнях и отличать маркеры обычной эмоционально нагруженной речи от тех, которые отсылают к внутренней травме говорящего.

Список источников:

1. Уолинн М. Это началось не с тебя. Как мы наследуем негативные сценарии нашей семьи и как остановить их влияние / М. Уолинн; перевод с английского Е. Цветковой. — Москва: Эксмо, Бомбара, 2021. — 304 с.
2. Van der Kolk B. A., Van der Hart O. The Intrusive Past: The Flexibility of Memory and the Engraving of Trauma //American Imago. — 1991. — Т. 48. — №. 4. — С. 425–454.

Языковые маркеры травмирующего опыта: лингвистический подход к описанию коллективной травмы

Наумова Виолетта Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург

vvnaumova_2@edu.hse.ru

Коллективная травма, введенная К. Эриксоном [2], представляет собой переживание травматического события в сообществе. Этот феномен интересует не только социологов и психологов, но и лингвистов, поскольку травмирующие события могут влиять на язык [1]. Это открыло новое направление — language trauma studies, фокусирующееся на дискурсе коллективной травмы. Целью этой же работы является нахождение и дальнейшее описание лингвистических коррелятов, отражающих дискурс коллективного переживания.

Исследование основано на пользовательском подкорпусе из 6 видеозаписей интервью жертв трагедии «Норд-Ост», общей длительностью 175 минут и 24665 токенов. В работе применялись различные методы компьютерной лингвистики: анализ частотных словарей, сентимент-анализ и аннотирование звуковых особенностей. Транскрибация проводилась с помощью модуля Whistle на Python.

Комплексный подход позволил выявить лексические и семантические корреляты в речи. Сентимент-анализ показал преобладание негативных эмоций (страх, гнев, грусть) над позитивными (радость, удивление). Негативные эмоции достигали пика к середине интервью, тогда как позитивные возникали ближе к концу, что отражает нарративную структуру с кульминацией и развязкой.

Аннотирование корпуса подтвердило результаты сентимент-анализа: эмоциональные проявления также фиксировались на просодическом уровне. Наибольшее количество пауз и заминок наблюдалось в середине монологов, что указывает на особые переживания рассказчиков. За резким подъемом просодических элементов следовал спад, что вновь подтверждает общую повествовательную структуру.

Анализ частотных словарей выявил использование прагматических маркеров, таких как «говорить», которые вводят слушателя в курс ситуации. Часто встречались поясняющие союзы «потому что» и уточняющий «то есть», функционирующие как дискурсивные единицы.

Таким образом, лингвистический подход может быть продуктивным для поиска общего выражения языка травмы в контексте коллективного переживания.

Список источников:

1. Джекфри А., Куракин Д. Ю. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. — 2012. — № 3. — С. 5–40.

2. Erikson K. T. Everything in Its Path. — New York: Simon and Schuster, 2012. — 288 p.

Просчитались, но где: скрытые самоисправления

Осадчая Мария Алексеевна, Судакова Ульяна Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет

m.osadchaya@spbu.ru, ulyana.and.co@gmail.com

Речевыми сбоями называются явления в речи, нарушающие ее плавное течение: паузы хезитации, самоперебивы, оговорки и др. [3]. В этой работе мы будем рассматривать самоисправления, причем только те из них, в которых «коррекция инициируется говорящим» [2, с. 8]. Это случаи мониторинга говорящим своей речи (*self-monitoring*), при которых произнесенный фрагмент сравнивается с запланированным [4, р. 108] и при несоответствии исправляется. Считается, что в таких случаях говорящий пытается «сделать так, чтобы слушающий проигнорировал забракованный фрагмент, не прерывая приема текущего сообщения» [2, с. 4].

В [4] самоисправления делятся на скрытые (внутренние; *Covert repairs*) и нескрытые (явные; *Overt repairs*). В норме говорящий стремится исправить сбои или ошибки, возникающие в его речи, при этом нескрытые речевые сбои исправляются непосредственно «онлайн», в процессе порождения, в то время как скрытые исправляются говорящим еще до того, как они были артикулированы [4]. Такие скрытые сбои могут возникать из-за желания говорящего улучшить формулировку высказывания прямо в процессе его порождения, но еще до перехода к стадии артикулирования. Маркерами этого внутреннего процесса могут быть возникающие в речи паузы хезитации и повторы [4]. Делая паузу, говорящий «выигрывает время», благодаря чему не допускает ошибку. Опираясь на предположения, сформулированные в [4], в [5] была предложена гипотеза скрытых самоисправлений (*Covert Repair Hypothesis*), основанная на взаимодействии двух «скрытых» процессов: планирования речи и мониторинга. Согласно гипотезе, речевые сбои представляют из себя побочные эффекты скрытых (доартикуляционных) самоисправлений сбоев речевого программирования в речи [5, р. 472].

Мы планируем проверить принципиальную возможность существования скрытых самоисправлений на материале 12 уроков русскоязычных учителей средней школы. Исходя из того, что планирование речи говорящим, вероятно, происходит во время пауз, мы предполагаем, 1) что фрагментам с явными самоисправлениями будут предшествовать менее длительные паузы хезитации, чем фрагментам, в которых нет явных самоисправлений; а также 2) что чем длиннее пауза хезитации, тем длиннее отрезок речи от этой паузы до следующей (т. н. межпаузальный интервал). Для проверки этих гипотез мы отмечаем все паузы в выбранных уроках, расшифровываем речь учителя внутри каждого межпаузального интервала и отмечаем все случаи явных самоисправлений, классифицируем паузы по принципам, описанным в [1], выделяя таким образом именно хезитационные паузы. После разметки всех уроков будет проведен количественный анализ длительности пауз хезитации и

межпаузальных интервалов, следующих за такими паузами. Результаты исследования будут представлены на конференции.

Работа выполнена при поддержке СПбГУ, шифр проекта 103965557.

Список источников:

1. Виноградова Ю. С., Прокаева В. О., Риехакайнен Е. И. Паузы бывают разные: многомерная классификация пауз для разметки корпусов русской устной речи // Русская речь. — 2023. — № 6. — С. 7–23.
2. Подлесская В. И., Кибрик А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. — 2007. — № 2. — С. 2–23.
3. Goldman-Eisler F. Pauses, clauses, sentences // Language and Speech. — 1972. — Vol. 15 — № 2. — P. 103–113.
4. Levelt W. J. M. Monitoring and self-repair in speech // Cognition. — 1983. — Vol. 14. — № 1. — P. 41–104.
5. Postma A., Kolk H. The Covert Repair Hypothesis: Prearticulatory Repair Processes in Normal and Stuttered Disfluencies // Journal of Speech and Hearing Research. — 1993. — Vol. 36. — P. 472–487.

Роль пространственной рабочей памяти в эксплицитном и имплицитном эффекте контекстной подсказки

Сигнаевская Ксения Владимировна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

kvsigmaevskaya@edu.hse.ru

Эффект контекстной подсказки (ЭКП) заключается в постепенном улучшении эффективности поиска цели в условии повторяющихся конфигураций, по сравнению с конфигурациями, предъявленными впервые [1]. Испытуемые не могут отличить «старые» конфигурации от «новых», что свидетельствует в пользу имплицитности ЭКП. Классическая задача контекстной подсказки представляет собой многократный зрительный поиск буквы Т среди дистракторов — букв L [1]. В случае, когда задача модифицирована и «контекстом» служит не только массив букв, но и сцена, ЭКП перестает быть имплицитным: испытуемые могут отличить ранее предъявленные сцены от новых [2; 3]. Ранее нами было проведено исследование роли рабочей памяти (РП) в возникновении ЭКП [4], которое показало, что высокая загрузка РП препятствует возникновению ЭКП по показателям времени реакции и количества фиксаций на цели. В этом исследовании изучается роль разной степени загрузки пространственной РП в возникновении ЭКП, основанном на сценах и на массивах.

Гипотеза: загрузка пространственной РП приводит к нарушению контекстной подсказки, основанной и на сценах, и на массивах по показателям времени реакции и количества фиксаций на цели. Будет реализован межгрупповой экспериментальный план: в обеих группах испытуемые ($N = 54$) выполняют двойную задачу, состоящую из зрительного поиска и задачи на загрузку РП. Первой группе предъявляется массив букв L и Т на натуралистической сцене [2], второй группе предъявляется только массив (без сцены) [1]. Эксперимент разделен на рандомизированные блоки: в одном предъявляются 2 объекта для запоминания (низкая загрузка РП), в другом — 4 (высокая загрузка РП). Интерферирующей задачей с разными степенями загрузки выступает Spatial Processing Working Memory Task [5], в которой необходимо запоминать и воспроизводить местоположение точек. В финальном блоке предъявляются все «старые» конфигурации и соответствующее им количество «новых»; испытуемые определяют, видели они конфигурацию ранее или нет.

Будет проведен смешанный дисперсионный анализ с повторными измерениями. Ожидается, что при низкой загрузке РП будут выявлены эффекты эпохи и конфигурации, свидетельствующие о возникновении ЭКП, а также эффект типа контекстной подсказки. В частности, предполагается, что при предъявлении массива дистракторов и цели совместно со сценой основным источником гайденса служит именно сцена. Таким образом, при низкой загрузке РП ЭКП будет менее выражен в случае предъявления массива совместно со сценой. При высокой загрузке РП не будет выявлено ни эффектов эпохи, ни эффектов конфигурации в обоих группах, что свидетельствует об исчезновении ЭКП, возникающей и за счет сцены, и

за счет массива. Точность задачи на распознавание конфигураций у второй группы будет на уровне случайного угадывания (свидетельствует об имплицитности), у первой же группы ожидается высокая точность распознавания (свидетельствует об эксплицитности). С помощью айтрекера будет проверена дополнительная гипотеза о локусе контекстной подсказки [4].

Список источников:

1. Chun M., Jiang Y. Contextual Cueing: Implicit Learning and Memory of Visual Context Guides Spatial Attention // Cognitive Psychology. — 1998. — Vol. 36. — № 1. — P. 28–71.
2. Rosenbaum G., Jiang Y. Interaction Between Scene-Based and Array-Based Contextual Cueing // Attention, Perception, & Psychophysics. — 2013. — Vol. 75. — № 5. — P. 888–899.
3. Brockmole J., Henderson J. Using Real-World Scenes as Contextual Cues for Search // Visual Cognition. — 2006. — Vol. 13. — № 1. — P. 99–108.
4. Сигнаевская К. В., Горбунова Е. С. Роль рабочей памяти в механизме эффекта контекстной подсказки: исследование методом регистрации движений глаз. Психологические исследования. — 2025. — Т. 17. — № 97. — С. 1–19.
5. Awh E., Jonides J., Reuter-Lorenz P. Rehearsal in Spatial Working Memory // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. — 1998. — Vol. 24. — № 3. — P. 780.

МУЗЫКА И ТЕАТР

Проблема воспроизведения и интерпретации исторических сюжетов в мировом театре в XXI веке

Агеева Полина Алексеевна

polina.ageeva.00@gmail.com

В эпоху глобальной нестабильности вопросы осмысления прошлого приобретают особое значение. Современные вызовы, такие как рост политических и культурных конфликтов, делают обращение к историческому опыту особенно важным. Театр, соединяющий искусство и общественное начало, может осмыслить современные процессы через историю. Как отмечает П.А. Руднев в статье «История как театр: сценическая интерпретация прошлого», исторические сюжеты позволяют театру выйти за рамки художественной функции и стать площадкой для общественного диалога.

Я выбрала эту тему, потому что убеждена, что театр недооценивает свой образовательный потенциал. Исторические сюжеты на сцене могут информировать зрителей о прошлом, формировать понимание современных событий и способствовать осмыслению причинно-следственных связей.

Объект исследования: исторические сюжеты в мировой драматургии и театре XXI века.

Предмет исследования: способы воспроизведения и интерпретации исторических событий в современной театральной практике.

Современный театр недостаточно активно использует исторические сюжеты для осмысления настоящего. Это связано с дефицитом современной драматургии по историческим событиям, а также с политической и культурной ангажированностью режиссуры. Давление идеологических установок, стремление угодить массовому зрителю и опасения затронуть сложные темы создают проблемы для режиссеров.

Задачи исследования:

1. Проанализировать недостаток современной драматургии, посвященной историческим событиям.
2. Исследовать подходы к интерпретации исторических сюжетов в театре разных стран.
3. Предложить варианты решения кризиса.

Методы исследования:

1. Анкетирование зрителей о восприятии исторических тем в театре.
2. Теоретический анализ литературных источников.
3. Сопоставление точек зрения исследователей и театральных критиков.

В работе рассматриваются примеры современных постановок, обращающихся к историческим темам. Эрвин Пискатор в книге «От политического театра к театру откровения» отмечал, что исторический театр должен создавать новые интерпретации, способствующие осмыслинию. Исследуются политические аспекты, влияющие на выбор тематики и подхода: цензура, культурные табу и идеологические предпочтения.

Анализ показывает недостаток новой драматургии по историческим событиям. Например, в мировой практике существует ограниченное количество новых произведений, таких как пьесы Тома Стоппарда, работающих с историческим контекстом, что вынуждает театры обращаться к классическим текстам. Политическая и культурная ангажированность режиссуры создает риск однобокого восприятия событий.

В результате исследования будут разработаны рекомендации для драматургов и режиссеров. Театр должен быть смелее, не бояться сложных сюжетов. Также необходимо создание режиссерско-драматургических лабораторий для разработки исторических спектаклей. Театры могут использовать рекомендации для разработки образовательных проектов, сочетающих элементы театра и истории.

Список источников:

1. Руднев П. А. История как театр: сценическая интерпретация прошлого [Электронный ресурс] // Знамя. Литературно-художественный и общественно-политический журнал [Сайт]. — 2018 — URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=6836>. (дата обращения: 04.04.25)
2. Пискатор Э. От политического театра к театру откровения. — Москва: РОССПЭН, 2022. — 607 с.
3. Пискатор Э. Политический театр. — Москва: ГИЗ, 1934. — 264 с.

Современные стратегии популяризации академической музыки: к проблеме новых модусов репрезентации, потребления и оценки

Антипина Мария Константиновна

Санкт-Петербургский государственный университет

antipinamasha@bk.ru

Современные стратегии популяризации академической музыки становятся все более актуальными в свете изменений в общественном восприятии и взаимодействии с музыкальным искусством [1]. Новые подходы к репрезентации, потреблению и оценке академической музыки требуют переосмыслиния традиционных методов и форматов взаимодействия с публикой [1]. Упрощение доступа к музыкальным произведениям через цифровые платформы и социальные сети позволяет не только привлечь внимание молодежной аудитории, но и сформировать новые ожидания относительно качества музыкального исполнения и репертуара [2].

Репрезентация академической музыки включает в себя инновационные форматы, такие как те, что применяются в практике оркестра Musicaeterna под руководством Т. Курентзиса. Эти подходы подчеркивают важность театральных элементов и нестандартных концепций. Исследование реакции публики на новые форматы позволяет выявить, как слушатели воспринимают нестандартные музыкальные представления и какие элементы становятся для них наиболее значимыми [3].

Одним из важных аспектов является изучение критической реакции на новые репрезентации академической музыки. Статьи и рецензии, рассмотренные в работах таких авторов, как Карл Дальхаус (Carl Dahlhaus) и Милтон Бэббитт (Milton Babbitt), поднимают вопросы значения новаторского подхода и его исторических корней в музыкальном контексте. Это свидетельствует о необходимости создания новых критериев оценки, соответствующих современным условиям популяризации академической музыки и ее восприятию [4].

Таким образом, современная популяризация академической музыки представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором новые стратегии формируют связи между традицией и инновацией. Это взаимодействие открывает возможности для новой интерпретации музыкального творчества и создания более глубоких связей между дирижерами, композиторами и слушателями [5].

Список источников:

1. Банникова И. И. Просветительские проекты современной академической музыки // сборник научных статей (материалы) III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции научной конференции «Интеграция

- искусств в современном художественном образовании», Орел, 21 мая 2020 года — Орел: Орловский государственный институт культуры, 2020. — С. 61–68.
2. Манторова А. В. Теодор Курентзис как трикстер. Культурологический анализ [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. [Сайт] — 2022. — №12. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teodor-kurentzis-kak-trikster-kulturologicheskiy-analiz> (дата обращения: 03.01.2025). URL: https://stravinsky.online/karl_dalkhauz_pochemu_tak_trudno_ponimat_novuiu_muzyku (дата обращения: 17.12.2024).
 3. Бэббитт М. Кого заботит, слушаешь ли ты? [Электронный ресурс] // Вестник музыкальной науки. [Сайт]. — 2017. — №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/milton-bebbitt-kogo-zabotit-slushaesh-li-ty> (дата обращения: 03.01.2025).
 4. Дальхаус К. Почему так трудно понимать Новую музыку? Речь в защиту исторического понимания [Электронный ресурс] // STRAVINSKY.ONLINE [Сайт]
 5. Хейнс Б. Конец старинной музыки. Москва: Ад Маргинем, 2022. 384 с.

Древнегреческий миф об Орфее как один из основополагающих сюжет оперного искусства (на примере опер начала двадцатого века)

Вяткина Станислава Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

yt02102004ka@gmail.com

Древнегреческий миф об Орфее и Эвридице, пожалуй, самый популярный оперный сюжет. Он попадал в руки композиторов в наиболее революционные и волнующие моменты истории музыкального театра. Начиная с XVII века, с самого рождения оперы, поучительная и слезливая история перевоплощалась в притчу, лирическую драму или музыкальную комедию. Темы судьбы, рока, обретенной любви вошли в жизненный код жанра, а герой, одиноко борющийся с невзгодами, стал непременным элементом представлений [1].

Миф, по словам Ролана Барта, — способ коммуникации, слово. Главное для мифа — «не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается» [2]. Форма мифа питает его смысл, как и форма оперы позволяет жанру означать себя, нагружать новыми связями и элементами.

Создатели музыкального театра, члены Флорентийской камераты, вдохновлялись античной трагедией. Оперативный жанр объединяет в себе ритуальное, языческое и светское, драматическое. Неудивительно, что миф об Орфее и Эвридице стал первым оперным сюжетом. История певца, способного своим пением двигать горы и приручать диких животных, прекрасно вписывалась в эстетическую парадигму флорентийцев, а также объясняла большое количество музыкальных номеров в представлениях. Первые эксперименты не получили должного внимания. «Орфей» Клаудио Монтеверди — первая удачная и талантливая опера. Гений композитора соединил трагедию и музыку, выявил формулу, по которой можно воздействовать на людей, обозначил, сам того не осознавая, четкость и контрастность музыкальных элементов — номеров, способных эмоционально вовлечь зрителя и рассказать историю музыкальными средствами [1]. Условность мифических категорий подчинила себе музыкальный язык, опера — музыка для людей и про людей, усвоила для себя качества мифа.

Герой Орфея привлекает композиторов своей противоречивостью. В нем постоянно борются две сущности, человеческая и божественная, аполлоническая и дионисийская. Человек, который своим талантом сумел уговорить богов, но из-за своего эмоционального, порочного начала потерял любовь и смысл жизни, вдохновлял творцов барокко, романтиков, музыкального авангарда. Интересно проследить, как менялась рецепция сюжета, как велись поиски новых способов выражения подвешенных мифологических структур и фигур, как уплотнялось и расширялось первоначальное содержание, как трансформировалось само понимание искусства.

Основные задачи исследования: выявить основополагающие мотивы «оперного Орфея», проложенные музыкальными средствами, и представить Орфея как героя, вдохновителя, «сосуд» для экспериментов.

В 20-е годы прошлого века Орфический сюжет стал необычайно популярным. Композиторы разных стран и стилей обращались к мифу. В качестве основного материала для доклада будут взяты оперы начала XX века: Д. Мийо «Несчастья Орфея», Э. Кшенек «Орфей и Эвридица», Ж.-Ф. Малипьеро трилогия «Орфеиды». Оперы написаны на разные литературные источники и использовали различные стилистические подходы, но объединены одной темой — осмыслением мифа об Орфее в условиях нового времени. Опера «Несчастья Орфея» (1924) Дариуса Мийо — трагическая аллегория о положении художника в обществе. В свою очередь, Эрнст Кшенек в своей опере «Орфей и Эвридица» (1926) интерпретирует миф через призму экспрессионизма, где эмоциональные крайности выходят на первый план, а музыкальный язык становится резким и смелым. Жан-Франсуа Малипьеро в своей трилогии «Орфеиды» исследует связь мифа с музыкальной традицией, пытаясь переосмыслить сам жанр оперы через Орфея [3].

Список источников:

1. Abbate C., Parker R. A History of Opera: The Last Four Hundred Years. — Allen Lane, 2012.
2. Барт Р. Мифологии — Москва: Академия исследований культуры, 2008. — С. 52.
3. История зарубежной музыки. Выпуск 6. Начало XX века—середина XX века: Учебник для музыкальных вузов / Под общ. ред. В. В. Смирнов. — Санкт-Петербург: Композитор, 1999. — 152 с.

Исторически информированная композиция в современной музыкальной культуре: (на примере творчества ансамбля Novoselie)

Сурмина Елена Артёмовна

Санкт-Петербургский государственный университет

st096445@student.spbu.ru

Проект Novoselie — музыкальный ансамбль, исполняющий аутентичные русские канты XVIII века и авторские стилизации в жанре петровского канта — так они сами себя определяют. Акцент на стиле прошлой эпохи, определение «аутентичный» применительно к кантам XVIII века, игра на старинных инструментах свидетельствуют о специфическом восприятии прошлого. В настоящей работе предлагается изучение феномена ансамбля Novoselie через понятие «исторически информированная композиция». Автор анализирует ее в ряду других стратегий обращения к прошлому в постмодернизме и метамодерне и исследует возможность выделения специфической модели восприятия прошлого в современной культуре. Исследование опирается на сравнительно-типологический и контекстуальный подходы, также применяется дескриптивный метод.

Понятие «исторически информированная композиция» не является широко используемым среди исследователей. Б. Хейнс определяет историческую (Period) композицию как современное произведение, убедительно написанное в стиле одного из периодов прошлого [1, с. 33]. Исторически информированный (HIP) ансамбль Nuova Pratica как «создание новой музыки, в значительной степени основанной на композиторских техниках прошлого». Оба взгляда объединяют обращенность к прошлому — специфическое его восприятие, порождающее конкретные стратегии.

Хотя «копирование» прошлого не является новаторской техникой постмодернизма, именно для него оно является определяющим свойством. После романтизма и модернизма остается лишь подражание тому, что было написано прежде: стратегия постмодернизма — это смешивание чужих текстов друг с другом, столкновение различного, демонстративное присвоение чужих текстов как способ деконструкции нарративов [2]. Постмодернисты «перерабатывали» популярную культуру и канонические работы с помощью пародии, коллажа [3, с. 10]. Среди стратегий постмодернизма — полистилистика Альфреда Шнитке, цитирование конкретных произведений, в частности, в музыке Чарльза Айвза, и т.д.

В культуре метамодерна присвоение «чужого» ощущается настолько привычным, что перестает быть значимым. Деконструкция нарративов постмодернизма превращается в создание нового метанarrатива, «новой веры». Цитатность постмодернизма сменяется использованием безымянных архетипических формул — обращение к тексту сменяется «обращением к целому виду текстов» [2].

Ансамбль Novoselie переосмысливает музыкальную традицию русского барокко: в альбоме «Славен мир» представлены как реставрации двух кантов XVIII века «Буря» и «На

горах Валдайских», так и современные композиции в этом жанре авторства Рустама Позюмского. Партиесный стиль, переменное многоголосие, преобладание музыкального начала и аффекта над вербальным изложением передают «дух» петровского барокко — хотя и инструментальное сопровождение не было характерно для жанра канта [4, с. 56]. Novoselie обращается к петровскому барокко не как к материалу для коллажа и столкновения с другим, а как к стилевому языку для отражения современных смыслов.

Список источников:

1. Хейнс Б. Конец старинной музыки. — Москва: Ad Marginem, 2023. — 384 с.
2. Хрущева Н. А. Метамодерн в музыке и вокруг нее. — Москва: РИПОЛ классик, 2020. — 304 с.
3. Akker R. Periodising the 2000-s, or, the Emergence of Metamodernism // Metamodernism: Historicity, Affect and Depth after Postmodernism / Eds. Robin van den Akker, Alison Gibbons, Timotheus Vermeulen. — London: Rowman & Littlefield International Ltd., 2017. — P. 1–21.
4. Полозова И. В. Музыкальная культура барокко в России: общее и специфическое // Вестник ПСТГУ. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства: Сб. с. — 2016. — №3. — С. 48–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzykalnaya-kultura-barokko-v-rossii-obschee-i-spetsificheskoe> (дата обращения: 29.12.2024)

Commedia dell'arte как общечеловеческий способ общения

Трифонова Кристина Константиновна

christrif@mail.ru

Государственный институт театрального искусства

Commedia dell'arte зародилась в Италии на рыночных площадях как массовые представления шутов и фокусников. Такой новый «театр» оказался заманчивой оппозицией театральным мистериям и другим придворным сценическим действиям. Комедия масок всегда предназначалась для простых людей и означала для жителей города время праздника и разрешение веселиться. Такие сценки не имели литературной основы, которую обычный народ просто не смог бы прочитать. Основами театру служили живая игра артистов, их импровизация, шуточное взаимодействие со зрителем и пластика актеров. Эти особенности делали его межнациональным, общечеловеческим и всегда актуальным. Потому что для понимания языка тела не нужно знание языка национального, а история рождается из непосредственно сейчас пришедших зрителей и сегодня возникших идей у актеров. Commedia dell'arte проявляется своими элементами во многих театральных высказываниях самых различных авторов и по сей день. Юрий Муравицкий ставит комедию Карла Гольдони так, как она могла играться в 16 веке: артисты много импровизируют, шутят со зрителями и реагируют на их реакцию. Подобные законы яркой и масочной актерской игры режиссер использует не только в этой работе, но и в принципе как свой творческий язык. Настасья Хрущёва с Андреем Могучим перерабатывает пьесу «Венецианский купец» и превращает спектакль в карнавальную игру-шоу, где суд над незначительным героем пьесы становится философским поединком между пришедшими зрителями, а главным актером выступает известный петербургский клоун театра «Лицедеи» Анвар Либабов. А Влад Фурман распространяет эстетику комедии масок и на русскую классику и через нее раскрывает комедию Н.В. Гоголя как абсурдистскую шутку, в которой уже непонятно, где правда, а где масочное притворство: в постановке «Мёртвые души» чиновники обрастают чертами традиционными героями итальянских комедий (Арлекин, Бригелла), актеры играют в масках и костюмах-«матрешках», а отдельные эпизоды становятся оммажами трюкам знаменитым итальянским классикам сценического искусства.

В современном мире, где люди не только не могут понять иностранный язык, но и даже разучились просто слушать друг друга пластика, динамика, яркость и узнаваемые каждым человеком характеры героев Commedia dell'arte становятся для всех способом говорить со всеми.

Список источников:

1. Молодцова М. М. Комедия дель арте (История и современная судьба). — Ленинград, 1990. — 219 с.

2. Симонова-Партан О. Странствующие маски. Итальянская комедия дель арте в русской культуре. — Boston: Academic Studies Press, 2021. — 255 с.

Философский анализ творчества Вильгельма Рихарда Вагнера

Трофимов Ярослав Романович

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II

yaroslav.trofim05@mail.ru

В наше трудное время интерес к искусству возрастает, однако в обществе театр все еще воспринимается как средство развлечения. В докладе мы хотим представить философский взгляд на творчество Рихарда Вагнера (Richard Wagner) и акцентировать внимание на болезненном состоянии современного искусства, предлагая решение в виде возвращения к классике. Анализ современных источников показывает, что тема освещена мало, хотя интерес к Вагнеру в России возрастает.

Артур Шопенгауэр в своей работе «Мир как воля и представление» воздает музыкальному искусству высшую хвалу, рассматривая его как наилучший способ познания воли (которую нельзя познать рационально). В музыке теряются главные критерии самой материи: «время и причинность» [1, с. 151–153]. В творчестве Вильгельма Рихарда Вагнера, гениального реформатора оперы, мы можем увидеть синхронизацию с идеями Шопенгауэра. Вагнер убежден, что отказ от идей, продиктованных нам волей, путем приобщения к искусству (в «Кольце Нibelунга», «Тангейзере»), есть единственный способ обретения счастья. Именно ввиду отведения столь серьезной роли искусству, Вагнер борется с пошлым отношением общества к театру как к месту отдыха. В труде «Произведение искусства будущего» Вагнер выделяет «три чисто человеческих рода искусства»: это танец, музыка и поэзия. «Три сестры», по Вагнеру, когда-то разошлись и стали соперничать друг с другом. Автор критикует подобную разобщенность с точной логикой и интуицией. Гений заново объединяет разрозненных «сестер» и воплощает их совместную деятельность в прорывных «музыкальных драмах» [2, с. 25].

«Письма об эстетическом воспитании человека» Фридриха Шиллера, продолжают рассуждения Канта об искусстве. Для Шиллера театр так же немыслим как средство отдыха, как и для Рихарда Вагнера. В «Письмах» Шиллер акцентирует внимание на необходимость присутствия в государстве «нравственного закона» в обществе, без которого дитя природы, становится неистовым, а человек искусства — негодяем [3, с. 19]. Вне всякого сомнения, творения Рихарда Вагнера конгениальны шиллеровским мотивам (в «Гибели богов», «Нюрнбергских мейстерзингерах»).

Также мы бы хотели напомнить о спорных современных режиссерских постановках музыкальных драм Рихарда Вагнера. Произведения искусства принимают карикатурный вид: «директор-руководитель Вотан проводит эксперименты над человеческим мозгом» [4]. Мы относимся к подобным переосмыслениям как к профанации. В статье отечественного теоретика искусства М. А. Лифшица «Феноменология консервной банки» мы находим подтверждение нашей позиции: как и консервные банки становятся произведением искусства

благодаря моде и коммерческим интересам, так и унизительные постановки получают положительные оценки от известных журналов [5].

Таким образом, творчество Рихарда Вагнера имеет большое пространство для исследования. Нами выявлена конгениальность Вагнера, Шопенгауэра и Шиллера, доказано значение театра как серьезного искусства и дана обоснованная критика современного толкования вагнеровских драм.

Список источников:

1. Кривых Е. Ю. Метафизика воли в иррационалистических концепциях А. Шопенгауэра, Р. Вагнера, Ф. Шиллера // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология.: Сб. ст. — 2009. — Вып. 14. — № 33. — С. 151–155.
2. Вагнер Р. Произведение искусства будущего. — Москва: ЛЕНАНД, 2018. — 128 с.
3. Бахарева М. Д. Концепция «эстетического воспитания» Ф. Шиллера: философская система в исторической перспективе // Философия и культура. 2021. № 5. С. 18–27.
4. Вагнеровские страсти Дмитрия Чернякова [Электронный ресурс]. // Аргументы Недели. Федеральный. [Сайт] URL: <https://argumenti.ru/culture/2022/11/798930> (дата обращения: 03.01.2025).
5. Лифшиц М. А. Феноменология консервной банки — Москва: Искусство, 1968 — С. 152–186.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Политические размежевания в сети иностранных агентов в России

Андреева Валерия Павловна

Санкт-Петербургский государственный университет

valerijaandreeva@ro.ru

Актуальность темы заключается в росте популярности в политико-юридической практике России процедуры внесения Министерством юстиции граждан и организаций в реестр иностранных агентов. Подобным образом государство концептуализирует и вносит в политико-правовое поле такую группу как иностранный агент. Последние опросы [1] показали, что к иностранным агентам население России применяет определенные маркеры и данные характеристики усиливаются со временем расширения группы, благодаря чему можно предположить, что иностранный агент формируется как социальная группа.

Недавние крупные разногласия и дискуссии в среде иностранных агентов показали неоднородность мнений в социальной группе. Конфронтационные позиции участников актуализировали исследование расколов в среде иностранных агентов.

Целью исследования было выявление линий политических размежеваний в сети иностранных агентов. Дизайн исследования состоял в применении сетевого анализа для выявления взаимодействий иностранных агентов и поиск расколов, а также контент- анализа текстов взаимодействий субъектов для определения характера кливажей.

Классическое описание теории расколов (кливажей) изложено в эссе С. Роккан и С. М. Липсета «Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей: Введение» [2]. Иностранный агент как объект исследования появился относительно недавно и основной массив исследований связан с юридическими экспертизами рядов законов, регулирующих данный институт, а также кроссрегиональными анализами законодательств [3].

В ходе исследования были сделаны следующие выводы. В сети иностранных агентов существуют размежевания политического характера. Слабая плотность сети в целом, но при этом умеренный уровень кластеризации подтверждают, что к сети иностранных агентов применима концепция «малого мира», согласно которой до каждого индивида в мире возможно добраться через короткую цепочку социальных знакомых [4]. На протяжении всего исследования поднимался вопрос концептуализации иностранных агентов как социальной группы.

Представляется логическим продолжением проведенного анализа исследование причин позитивного отношения иностранных агентов к собственному политико-правовому статусу — с точки зрения политической социологии можно предположить, что данный статус выходит за рамки особого правового режима, а становится особым маркером членства в обособленной социальной группе, что показало данное исследование. Также в качестве продолжения темы исследования имеет смысл подробное изучение конкретных

характеристик выявленных расколов (тематики, аргументация и другое) в качестве поиска фундаментальных оснований расколов в группе иностранных агентов. Более того, статус иностранного агента требует дальнейшей социологической разработки, а группа иностранных агентов — концептуализации и осмысливания в научном поле политической социологии.

Список источников:

1. Россияне об иноагентах [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-ob-inoagentakh> (дата обращения: 28.12.2024).
2. Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. / S. M. Lipset, S. Rokkan, eds. — New York: Free Press, 1967. — Pp. 1–61.
3. Анастасов А.И., Дергунова Е.С. Компаративный анализ законов РФ «Об иностранных агентах» и США «О регистрации иностранных агентов» (FARA) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. — 2017. — № 60. — Том. 1. — С. 85–92.
4. Milgram S. The Small World Problem // Psychology Today. — 1997. — Vol. 1. — No. 1. — Pp. 61–67.

Реализация государственных программ в сфере промышленности: методология и практика применения в российском государственном управлении

Бикбулатов Айдар Ильгамович

Государственный университет управления

bik-aidar-max770@mail.ru

Комплексный подход к оценке эффективности реализации государственной политики в сфере промышленности является важным инструментом стратегического планирования в системе госуправления. Вопросы несогласованности целевых параметров при реализации госпрограмм являются предметом большого количества исследований. Актуальность темы объясняется важностью достижения целей государственной политики в полной мере через реализацию программ в связи с геополитическими вызовами перед Россией и угрозами ее суверенитету и национальной безопасности.

Суть программно-целевого метода состоит в решении совокупности целевых задач посредством системы программных действий, реализация которых приводит к достижению поставленных целей и задач.

В сегодняшних условиях достижение целей государственных программ в сфере промышленности являются важными стратегическими задачами. Помимо государственных программ, как «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности», «Развитие оборонно-промышленного комплекса» и т.д. [1], Постановлением Правительства РФ №603 от 15 апреля 2023 г. был утвержден перечень приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики РФ [2].

При оценке эффективности реализации государственных программ остро проявляются такие проблемы как: проблема низкого уровня стратегического планирования, несовершенство существующих механизмов мониторинга, прогнозного обеспечения процесса разработки программ, недостаточный уровень проработанности самих программ. Кроме того, в сегодняшних реалиях фактор скорости сбора и обработки информации об изменениях и результатах становится существенным и одной из частных, но важных проблем существующей методологии оценки эффективности государственно-муниципального управления является сокращение времени сбора и обработки данных [3].

Низкий уровень стратегического планирования решается выявлением причин во внутренних процессах, оценкой полноты учета интересов всех стейкхолдеров, доступностью и качеством данных, разработкой механизмов прозрачности процессов планирования.

Несовершенство механизмов мониторинга решается путем постановки четких целей и внедрением системы показателей эффективности, формированием подходов к оценке рисков реализации [4], разработкой качественных механизмов получения обратной связи.

Прогнозное обеспечение процесса разработки программ, достаточная проработанность самих программ решается путем анализа текущей ситуации, мировых трендов, изучения опыта других стран и с учетом национальных интересов.

Подытоживая, существующие подходы и методы мониторинга эффективности реализации госпрограмм нуждаются в постоянном переосмыслиннии и совершенствовании. В основе их должен лежать комплексный подход.

Список источников:

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 №603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202304170025> (дата обращения: 17.04.2023).
2. Распоряжение Правительства РФ от 11.11.2010 №1950-р, с изменениями от 11.09.2024 «Об утверждении перечня государственных программ» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409120052> (дата обращения: 12.09.2024).
3. Мюллер Д.Г., Фатыхова Д.Р. Проблемы эффективности реализации государственных программ в РФ // Вестник экономики, права и социологии. — 2018. — № 4. — С. 60–63.
4. «Сравнение альтернативных подходов к оценке календарных планов инфраструктурного проекта», IX Конгресс молодых ученых Университета ИТМО: сборник трудов IX Конгресса молодых ученых, Санкт-Петербург, 15–18 апреля 2020 г. — Санкт-Петербург: Университет ИТМО, 2021. — С.123–127.

Подходы к определению прокси-войны: теоретический аспект

Ботникова Евгения Эдуардовна

Санкт-Петербургский государственный университет

evgeniabotnikova0425@gmail.com

Мир XXI века характеризуется многими процессами: усилилась глобализация, появились новые коммуникационные технологии. Изменения коснулись многих сфер жизни общества, в том числе и военной сферы.

Изучение прокси-войн остается популярным, что, вероятно, обусловлено геополитической нестабильностью по всему миру. В настоящей работе разрабатывается классификация подходов к пониманию прокси-войны, основанная на анализе исследований данного явления в работах российских и зарубежных ученых.

Классическое определение «войны чужими руками» дал К. Дойч (Karl Deutsch) в 1964 году. Он понимал под ней — «международный конфликт между двумя иностранными державами, ведущийся на территории третьей страны; замаскированный под внутренний конфликт этой страны; а также характеризующийся использованием части или всей рабочей силы, ресурсов и территории этой страны в качестве средств для достижения преимущественно иностранных целей и внешней стратегии» [1, р. 102]. Всплеск интереса к этому явлению в XX в. можно объяснить условиями Холодной войны: СССР и США предпочитали использовать опосредованные методы влияния, так как в условиях гонки ядерного вооружения прямое столкновение было опасно.

Современный ученый, Э. Мамфорд (Andrew Mumford) уже определяет прокси- войну как «конфликт, в который третья сторона косвенно вмешивается с целью повлиять на стратегический результат в пользу предпочтаемой ею фракции» [2, р. 40]. Э. Мамфорд критикует определение К. Дойча за государствоцентричный подход и считает, что необходимо учитывать и негосударственных акторов, например, повстанческие группы. В современных исследованиях к негосударственным акторам также относят ТНК [3] и транснациональные общественные движения [4, р. 4].

В связи с развитием такого явления как «гибридные войны», появились новые подходы к определению прокси-войны. В данном подходе прокси-войну определяют как часть или инструмент гибридной войны. Примером такого подхода можно считать исследование М.А. Савушкиной, которая определяет прокси-войну как «одну из форм глобальной гибридной войны, сочетающую неявность и виртуальность всех участников военно-политического конфликта с материальностью военно-политических и экономических выгод для ее зчинщика» [5, с. 297].

Таким образом, можно выявить три подхода к пониманию прокси-войны. Первый, наиболее классический, рассматривает прокси-войны как конфликт строго между государствами. Данный подход был наиболее развит в XX в., однако, с развитием

глобализации, современных технологий появились еще два подхода к этому типу войны: 1) включает в себя негосударственных акторов, которые могут выступать как прокси-агенты. Такое определение позволяет расширить количество конфликтов, классифицируемых как прокси-войны. 2) Еще один подход качественно отличается от вышеописанных — подразумевается, что прокси-война — инструмент более глобальной гибридной войны. Тогда прокси-войны стоит рассматривать как небольшую часть широкого политического процесса.

Список источников:

1. Deutsch K.W. External involvement in internal war // Internal War, Problems and Approaches / ed. Harry Eckstein. — New York, NY: Free Press of Glencoe, 1964. — P. 100–110.
2. Mumford A. Proxy Warfare and the Future of Conflict // The RUSI Journal. — 2013. — Vol. 158. — No. 2. — P. 40–46. — DOI: <https://doi.org/10.1080/03071847.2013.787733> (дата обращения: 04.04.2025).
3. Микрюков В. Прокси-война [Электронный ресурс] // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. — 2015. — URL: <https://nicpnb.ru/analytics/proksi-vojna/> (дата обращения: 04.04.2025).
4. Rondeaux C., Sterman D. Twenty-first Century Proxy Warfare. Confronting Strategic Innovation in a Multipolar World. — New America, 2019. — 73 p.
5. Савушкина М. А. «Прокси-война как составляющая глобальной гибридной войны», Трансформация современной войны: Материалы III Всероссийской научной конференции, Омск, 16 февраля 2024 года. — Омск: Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, 2024. — С. 295–299.

Международная музейная деятельность Китая, Японии и Южной Кореи в контексте «мягкой силы» с использованием цифровых методов

Волкова Анна Александровна

Национальный исследовательский университет ИТМО

anna8volk@mail.ru

В условиях глобализации и усиления конкуренции между государствами за влияние на международной арене «мягкая сила» становится ключевым инструментом внешней политики. Особое внимание уделяется культурной дипломатии, где музеи играют значительную роль в формировании имиджа страны и связей между государствами. Более того, в контексте данной темы повышается значимость применения цифровых инструментов в распространении влияния данных стран. Актуальность исследования заключается в анализе музейной деятельности Китая, Японии и Южной Кореи как инструментов «мягкой силы», что представляет интерес для научного сообщества в контексте изучения современных международных отношений и культурной политики.

Основная проблема исследования заключается в определении эффективности использования музеев как инструмента «мягкой силы» в странах Азии. Гипотеза состоит в том, что музейная деятельность способствует укреплению международного имиджа страны, формированию положительного восприятия ее культуры и истории, а также укреплению дипломатических связей.

Для анализа музейной деятельности как инструмента «мягкой силы» применяются следующие методы:

- Сравнительный анализ музейных стратегий Китая, Японии и Южной Кореи.
- Контент-анализ международных выставок и культурных проектов, организованных этими странами.
- Статистический анализ данных о посещаемости музеев и участии в международных выставках.
- Теоретический анализ концепции «мягкой силы» Джозефа Ная и ее применимости к музейной деятельности.

Исследование опирается на работы Джозефа Ная о «мягкой силе» [1, 2004], а также на исследования в области культурной дипломатии [2, 2003] и музейной деятельности как инструмента внешней политики [3, 2006]. Кроме того, используются данные из отчетов ЮНЕСКО, The Art Newspaper и национальных музейных ассоциаций [4; 5].

Таким образом, музейная деятельность Китая, Японии и Южной Кореи демонстрируют высокую эффективность как инструмент «мягкой силы». Музеи не только сохраняют культурное наследие, но и активно способствуют формированию положительного имиджа страны, укреплению международных связей и привлечению туристов. Однако для

дальнейшего повышения эффективности необходимо учитывать культурные особенности целевых аудиторий и адаптировать музейные проекты к их интересам.

Список источников:

1. Най Дж. С. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике / Дж. С. Най, пер. с англ. — Москва: Тренд, 2006. — 221 с.
2. Каммингс М. К. Культурная дипломатия и правительство США: обзор / М. К. Каммингс. — Вашингтон: Центр искусств и культуры, 2003. — 45 с.
3. Лорд Г. Д. Руководство по управлению музеями / Г. Д. Лорд. — Лондон: AltaMira Press, 2006. — 320 с.
4. Отчеты ЮНЕСКО о развитии музейного дела в Азии (2020–2023 гг.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://unesdoc.unesco.org> (дата обращения: 04.04.2025).
5. Статистика посещаемости музеев [Электронный ресурс] // The Art Newspaper. — 2023. — URL: <https://www.theartnewspaper.com> (дата обращения: 04.04.2025).

From the New Economy to the New Society: Institutional Possibilities of “Digital Protectionism”

Ерғылұ Түрғул

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Eroglu.T@hse.ru

The doctrinal grand narratives shaping social sciences have also emphasized the transformative effectiveness of technology as a significant area of inquiry. With artificial intelligence becoming increasingly visible in daily life, claims about how technological innovations will influence social dynamism in all its dimensions are gaining growing attention in academic discourse [2; 5]. The rapid dominance of innovative outputs and technological improvements within the economy, including the expected social outputs responding to these developments, is expected to generate both novel and diverse patterns [2]. At this point, exposing and understanding the immanence of the data economy or digital economy, which positions artificial intelligence as a disruptive innovation, becomes critically important.

The digital economy can be conceptualized as a new economy formed by informative networks, emerging from a distinct geography where can be referred to as cyberspace [1; 3; 4]. It operates with principles differing from those of the classical economies and is rooted in big data processes [1; 4; 5]. The tension among the actors shaping this new economy and forming themselves on a network society reflects the transformation experienced by the new society itself. These actors, identified as netizens, big data companies and regulatory organizations can also be regarded as the components of the new society [1; 5].

The uniqueness of the digital economy originates from its foundation on prosumption and anti-scarcity value-based operating, distinguishing it from traditional economics approaches [4]. The major cost in this economy is the data sovereignty, and the efforts by big data companies to address this cost through anonymization consolidate the network dynamism on which the new society depends [1; 4; 5]. This dynamic necessitates monitoring data as the economic information agent. Accordingly, the network society constructing the digital economy is fundamentally a surveillance society [5]. In this context, regulatory organizations will adopt protectionist strategies such as barriers to entry, local content requirements, data localization and data flow restrictions to regulate surveillance dynamics, extracting social rent from the economic utility of technological innovations while maintaining their political power [1]. These systematically implemented policies will converge into an institutional doctrine founded on the integrity of preferences and actions that shape both the economic and social landscape [1; 5]. This doctrine is, essentially, digital protectionism.

In this study, the social dynamism revealed by digital protectionism and the data economy it is based on, the functioning of the tensions between the new social actors that take shape on these

phenomena will be revealed and how digital protectionism impacts the new society and also digital economy as the new economy will be expressed.

References:

1. Aaronson S. A. What Are We Talking about When We Talk about Digital Protectionism? // World Trade Review. — 2019. — Vol. 18. — No. 4. — P. 541–577.
2. Acemoglu D., Lensman T. Regulating Transformative Technologies // American Economic Review: Insights. — 2024. — Vol. 6. — No. 3. — P. 359–376.
3. Castells M. The Network Society Revisited // American Behavioral Scientist. — 2023. — Vol. 67. — No. 7. — P. 940–946.
4. Ritzer G., Jurgenson N. Production, Consumption, Prosumption: The nature of capitalism in the age of the digital ‘prosumer’ // Journal of Consumer Culture. — 2010. — Vol. 10. — No. 1. — P. 13–36.
5. Zuboff S. The age of surveillance capitalism // Social theory re-wired / W. Longhofer, D. Winchester, Third eds. — New York: Routledge, 2023. — P. 203–213.

«Мягкая сила» как инструмент экологической политики

Игнатьева Ксения Вадимовна, Донская Анастасия Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет

st118062@student.spbu.ru, st118043@student.spbu.ru

В условиях постоянно трансформирующегося мира, характеризующегося наличием большого количества вызовов и угроз, наиболее остро стоит вопрос глобальной деградации окружающей среды и изменения климата [1]. Эти проблемы требуют от государств активного вмешательства и разработки эффективных стратегий по охране природы. В данном контексте «мягкая сила» может быть использована как инструмент экологической политики. Деятельность, основанная на дипломатическом взаимодействии и культурном обмене может не только способствовать успешному решению экологических вопросов, но и укреплять отношения между государствами. За методологическую основу работы взят подход «мягкой силы», а в качестве методов исследования использованы общенаучные (анализ и синтез) и конкретно-предметные (политология, экология).

По мнению американского политолога Джозефа Ная, концепция «мягкой силы» представляет собой способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, а не принуждения, силы или финансовых ресурсов [2]. Поэтому в рамках экологической политики данная концепция может использоваться для содействия международному сотрудничеству в области охраны окружающей среды, продвижения экологических инициатив и установления международных стандартов и соглашений.

Эффективность «мягкой силы» как инструмента экологической политики можно оценить через несколько ключевых аспектов. Прежде всего, она позволяет странам формировать положительный имидж на мировой арене, активно демонстрируя свою приверженность устойчивому развитию и рациональному использованию природных ресурсов, что способно привлечь заинтересованные лица и некоммерческие организации инвестировать в «зеленые технологии». Кроме того, использование «мягкой силы» создает платформу для культурных обменов и образовательных инициатив, которые играют немаловажную роль в формировании общественного мнения и повышении осведомленности о насущных глобальных экологических проблемах. Например, такие страны, как Швеция и Германия, активно демонстрируют свою экологическую ответственность посредством участия в международных конференциях, тем самым подчеркивая лидирующие позиции в этой области [3].

Однако при оценке эффективности такого подхода необходимо учитывать его ограничения, а именно «мягкая сила» не всегда приводит к быстрым результатам, поскольку процессы изменений занимают длительное время и требуют значительных усилий. Кроме того, внутренние проблемы государств, такие как социальные и экономические кризисы,

могут негативно сказаться на возможностях стран продвигать экологические проекты и участвовать в международных соглашениях.

Приведенные выше аспекты подчеркивают, что хотя «мягкая сила» имеет значительный потенциал в экологической политике, ее реализация требует комплексного подхода и длительных усилий со стороны государств. Безусловно, необходимость интеграции принципов «мягкой силы» в экологическую политику является жизненно важной для эффективного решения сложных проблем, с которыми сталкивается наше общество.

Список источников:

1. McLennan M. et al. The global risks report 2020 15th edition. — Cologny, Switzerland: World Economic Forum, 2020. — 97 p.
2. Nye J. S. Soft power: the evolution of a concept // Essays on evolutions in the study of political power. — Routledge, 2021. — P. 196–208.
3. Гаврилова Ю.А. «Мягкая сила» и международные экологические отношения // Дневник Алтайской школы политических исследований. — 2018. — №. 34. — С. 53–57.

Трансформация знаний о GR в научных исследованиях российских авторов

Иродов Илья

Санкт-Петербургский государственный университет

st121424@student.spbu.ru

Формирование профессиональной сферы GR связей (связей с правительством) в России дало толчок к развитию научного поля исследований GR. Первые научные публикации российских авторов, посвященные анализу GR, относятся к 2005 году [1, с. 226]. Несмотря на то, что научная область существует 20 лет, в настоящее время отсутствуют релевантные исследования, направленные на «рефлексию поля». Подобный пробел создает обширную «серую зону» и множество «слепых пятен» в исследовательском поле, тем самым снижая продуктивность анализа.

Настоящая работа направлена на выявление динамики трансформации научных знаний о GR в российской научной литературе путем выделения ключевых тематик анализа и «основного пути» (ключевых работ в данном исследовательском поле).

Основой эмпирического анализа выступила методология библиометрического анализа сетей цитирования, разработанная В. Батагелем и соавторами [2, с. 117]. В основе данной методологии лежит дополнение базовых аспектов сетевого анализа алгоритмом Search path count, предполагающим выделение «основных путей» (наиболее плотно связанных друг с другом цепочек публикаций). В результате применения алгоритма появляется возможность выявить цепочку наиболее значимых в контексте цитирования узлов (публикаций) в виде графа во времени.

Единицей анализа выступили научные публикации российских авторов, проиндексированные в научных базах Cyberleninka и Elibrary. По итогам отбора в выборку вошли 602 статьи, опубликованные в период с 2005 по 2023 годы. В ходе преобразования библиографических описаний публикаций была создана одномодальная сеть цитирований, состоящая из 602 основных публикаций, 1425 — цитируемых работ.

В результате библиометрического анализа сетей цитирования был выявлен «основной путь» трансформации научных знаний о GR, составлена схема актуальных тематик. Выявление «основной пути» позволило установить, что ключевыми источниками формирования научного поля стали исследования неокорпорativизма, коммуникационного менеджмента и сравнительной политологии.

Эволюция актуальных тематик демонстрирует тенденцию к увеличению количества тематических исследований GR. Исходя из схемы можно обнаружить существование двух устойчивых исследовательских тематик: исследования лоббизма (в контексте связи с GR) и GR-менеджмента.

Также в исследовательском поле обнаружено конкурирование двух интерпретационных схем. Первая схема склонна к «упрощению», «сжатию» области GR. Такая интерпретация выражается в сведении GR к лоббизму или его технологической стороне. Вторая схема «усложняет» и «расширяет» сферу GR. Концептуальное «наполнение» GR начиналось с идей неоинституционализма [3, с. 239] и коммуникационного менеджмента [1, с. 227], в дальнейшем значительно расширившись за счет концепций корпоративного гражданства, публичной политики, теории стейкхолдеров [4, с. 46].

Анализ «основного пути» открывает возможности для дальнейших исследований научного поля GR studies, его концептуальной истории, паттернов исследовательских коллaborаций и т.д.

Список источников:

1. Кулакова Т.А. Government relations в процессе принятия политических решений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2005. — Т.1. — №2. — С. 226–237.
2. Batagelj V., Doreian P., Ferligoj A., Kejžar N. Understanding Large Temporal Networks and Spatial Networks: Exploration, Pattern Searching, Visualization and Network Evolution. — Chichester: Wiley, 2014. — 464 p.
3. Павроз А.В. Government relations как институт социально-политического взаимодействия // Политэкс. — 2005. — № 2. — С. 238–251.
4. GR-отношения с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством: учебное пособие / под ред. Л.В. Сморгунова и Л.Н. Тимофеевой. — Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 407 с.

«Наша иконописица»: как творческое наследие Рин Ямасита может стать мостом между Россией и Японией.

Кормшина Юлия Владимировна

Сахалинский государственный университет

kormisinaulia354@gmail.com

Отношения между двумя государствами — многогранный и сложный процесс. Помимо самих политических сношений, очень важны культурные. Здесь роль акторов отводится уже не дипломатам и делегациям, а конкретным культурным представителям — университетам, музеям, театрам, школам и, конечно же, церквям и иным составным элементам духовенства. В Японии со второй половины XIX века исповедуется православие, распространению которого активно содействовал св. Николай Японский. Помимо непосредственно проповеднической деятельности, отец Николай переводил на японский язык священные писания, такие как Библия и Евангелие, продвигал развитие японского православного церковного пения, и, конечно же, иконописи. Непростая роль — быть первой и, можно сказать, единственной японской иконописицей была отведена Рин Ямасита. За годы деятельности выработавшая уникальный стиль, она достигла вершины иконописного мастерства. Ее икона «Воскресение Христово», подаренная императору Николаю II, — не только памятник искусства, но и мост между двумя государствами, объединенными одной религией.

Целью доклада служит анализ творчества Рин Ямасита, ее авторского стиля, и того, какой потенциал несет в себе ее наследие, а также какое влияние оно может оказывать на стабилизацию отношений между Японской Православной Церковью и Русской Православной Церковью и дальнейшее сотрудничество между двумя государствами.

За основу для исследования и последующего анализа были взяты дневники св. Николая Японского, очерк по книге Макатэ Асай «Белый свет», авторства Дзюнко Сакаи, статья Мититака Судзуки «Православная икона Японии и Рин Ямасита», а также статья из блога господина Вэйвозцина, посетившего Художественный музей Касама Нитидо, где собрана большая коллекция работ Рин Ямасита.

В ходе работы обнаружилось, что приведенные выше исследователи творчества Рин Ямасита рассматривали ее творчество с позиции уникального явления в культуре и искусстве вообще, а не то, какое потенциальное влияние оно способно оказать. Данный факт устанавливает уникальность и междисциплинарный характер исследования. Немаловажным является и то, что собранные материалы имеют большой временной разброс от 1993 года до 2024 года, что указывает на большое пространство и для других исследователей, так как эта тематика изучена неглубоко.

Список литературы:

1. Накамура К. Дневники святого Николая Японского. Том I (с 1870 по 1880 гг.). — Санкт-Петербург: Гиперион, 2003. — 465 с.
2. Дзюнко Сакаи. За пределами «нравится» [Электронный ресурс] // Сюкан Бунсюн: [сайт]. — 2024. — URL: <https://books.bunshun.jp/articles/-/8727> (дата обращения: 04.04.2025).
3. Мититака С. Православная икона Японии и Рин Ямасита // Япония 1993. Ежегодник. — 1994. — №23. — С. 171–179.
4. Господин Вэйвозцин. Посещение выставки «Ретроспектива Ямасита Рин» в художественном музее Касама Нитидо, а затем путешествие в Ибараки, чтобы увидеть Харукадзэ Манриосо [Электронный ресурс] // 4Travel: [сайт]. — 2019. — URL: <https://4travel.jp/travelogue/11570895> (дата обращения: 04.04.2025).

Поляризация и феномен «perception gap» в американской политике на примере отношения к Дональду Трампу

Кривонос Екатерина Константиновна

Санкт-Петербургский государственный университет

ekrivenos424@gmail.com

Поляризация — нечто неотъемлемое для современной американской политики. Если в последние десятилетия XX в. исследователи затрагивали поляризацию элит, то с 2000-х гг. на первый план выдвигаются работы, посвященные поляризации масс [1, р. 4].

Выделяют идеологическую и эмоциональную поляризацию. Первая присутствует, когда существует раскол по ряду вопросов, а позиции сторон становятся все более радикальными; поляризация может быть аффективной, предполагающей враждебное отношение к противоположной стороне, яркую эмоциональную окрашенность оценок [1, р. 5]. Оставляя в стороне вопрос о том, стали ли американцы действительно проявлять больший радикализм в выражении своих взглядов, сосредоточимся на вопросе восприятия позиций сторонников двух партий.

Для изучения вопроса был введен термин «ложная поляризация», или т. н. «воспринимаемая поляризация», выражаясь в искажении восприятия взглядов аутгруппы и преувеличением степени радикализма ее предпочтений по сравнению с истинными («perception gap») [2]. Все многообразие характеристик аутгруппы недооценивается, что приводит к формированию устойчивых стереотипов [1, р. 168].

Хотя в подобного рода исследованиях делается акцент на преувеличении радикализма аутгруппы [3; 4], нам интересно изучить возможность приложения этой категории для анализа искажений в восприятии ингруппы. В качестве примера выступит восприятие Дональда Трампа Демократами и Республиканцами, и будет изучено, выражается ли это, когда индивиды оценивают позиции своих единомышленников.

Объектом исследования выступает поляризация в США, предметом — искажение восприятия представлений Демократов и Республиканцев о фигуре Дональда Трампа.

Для проверки гипотезы использованы данные опроса, проведенного American National Election Study (ANES) в 2022 г. Использован описательный анализ и тест Стьюдента.

Для оценки восприятия использовалась 100-балльная шкала-термометр. Реальная средняя оценка одобрения Д. Трампа находится на уровне 12 и 50 среди Демократов и Республиканцев соответственно. Однако значимая разница в средних оценках восприятия фигуры Трампа отсутствует: сторонники обеих партий предполагают, что средний уровень симпатии Демократов и Республиканцев к Д. Трампу приблизительно находится на уровне 10 и 70 соответственно. Отсутствие явного искажения в случае Демократов контрастирует с Республиканцами: предполагаемая респондентами оценка превышает реальную, и это показывает, что Республиканцы переоценивают готовность своих единомышленников

поддерживать Д. Трампа, приписывая им большую, чем в действительности, степень радикализма.

Результаты исследования показывают, что позиции членов ингруппы также подвержены влиянию ложной поляризации, как и членов аутгруппы. Для более полного понимания этого феномена следует изучить подобные искажения восприятия по отношению к другим объектам и выявить динамику в изменениях таких оценок. Кроме этого, важным представляется выявление факторов, воздействующих на формирование представлений о взглядах ингруппы и аутгруппы.

Список источников:

1. Settle J.E. Frenemies: How social media polarizes America. — Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
2. Lelkes Y. Mass Polarization: Manifestations and Measurements // Public Opinion Quarterly. — 2019. — № 80. — C. 392–410.
3. The Perception Gap: How False Impressions are Pulling Americans Apart [Электронный ресурс] // More in Common. — URL: <https://perceptiongap.us> (дата обращения: 20.01.2025).
4. Levendusky M.S., Malhotra N. (Mis)perceptions of Partisan Polarization in the American Public // Public Opinion Quarterly. — 2016. — № 80. — C. 378–391.

climate justice in contemporary ecological discourse: analysis of German and Brazilian statements at the UN General Assembly and UN Climate Change Conference in 2023–2024

Ложкина Марина Станиславовна

Санкт-Петербургский государственный университет

marialozhkinane@gmail.com

Climate justice as a concern about the inequitable outcomes of climate crisis for different people, communities, and generations on a global scale [1, p. 155] has been a persistent topic in ecological discourse, particularly in the context of international climate negotiations, where diplomats are constantly preoccupied with reaching a “fair and just” deal on climate. R. Audet suggests understanding climate justice as a “discursive battlefield where actors define themselves and their opponents” [2, p. 370] by forming bargaining coalitions. If traditional bargaining coalitions in the area of global climate negotiations formed around Global North/Global South divides [2, p. 383], an example of partnership between Germany and Brazil on the matters of socially just and ecological transformation, established at the end of 2023 [3], illustrates a new type of coalition that bridges both camps and suggests a new trend in the coalitions’ formation. This trend of discursive and organisational closeness will have a tangible impact on global climate negotiations and politics, making the study of German-Brazilian partnership from the discursive perspective especially relevant today.

Thus, the research paper covers how German and Brazilian national representatives articulate the concept of “climate justice” and its dimensions in their public statements at the UN General Assembly and UN Climate Change Conference in 2023 and 2024. With the partnership between two major ecological leaders — one in the Global North, another in the Global South — it is relevant to examine how closely their ecological discourses align, particularly on the issue of climate justice, to be able to envision the future of climate-related bargaining coalitions and global climate politics in general.

In order to examine the discourses of the two states the author employs modified critical discourse analysis (CDA) in conjunction with A. Schapper’s classification of climate (in)justice dimensions [4]. Previously this methodology was successfully applied in a similar study of ecological discourses of a variety of actors, including national states, at COP26 [5], proving it to be suitable for an examination of German and Brazilian discourses.

The findings of the analysis point to the fact that, despite their different positions in the Global North/Global South divide, both Germany and Brazil utilise similar discourses to conceptualise a variety of climate justice’s dimensions in their statements at major UN events since 2023, meaning that the countries express similar ecological convictions and are discursively close to form a coalition. The case of German-Brazilian coalition might predict a positive trend in the global

ecological politics for an integration of “burden bearers” of the Global South into major climate negotiations with the help of the countries of the Global North.

References:

1. Skillington T. Climate justice // Theorising Justice: A Primer for Social Scientists / J. Ohlsson, S. Przybylinski, eds. — Bristol: Bristol University Press, 2023. — P. 155–170.
2. Audet R. Climate justice and bargaining coalitions: a discourse analysis // International Environmental Agreements. — 2013. — № 13. — P. 369–386.
3. Könneke J. The German-Brazilian partnership for a socially just and ecological transformation [Electronic resource] // Stiftung Wissenschaft und Politik: [website]. — 2024. — URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/the-german-brazilian-partnership-for-a-socially-just-and-ecological-transformation> (accessed: 19.11.2024).
4. Schapper A. Climate justice and human rights // International Relations. — 2018. — Vol. 32. — № 3. — P. 275–295.
5. Susan E.S. A call for justice: a critical discourse analysis of climate justice at the COP26 [Master’s Thesis in Sustainable Development]. — Uppsala, 2022. — 46 p.

Антимонумент как мнемоническая форма протesta в современной Мексике

Минайленко Полина Алексеевна

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Paola260201@yandex.ru

Важным аспектом символической политики является коммеморация, подразумевающая воспоминание и осмысление отдельных исторических сюжетов в публичном поле. Коммеморация опирается на сложившийся ландшафт памяти и достраивает, перестраивает его посредством создания памятников, музеев, публичных ритуалов и т. п. [1, с. 302–303]. Анализ элементов символической политики, в частности монументов, помогает рассмотреть эволюцию символической политики, ее аксиологические аспекты, а также помогает вычленить продвижение конкретных политических дискурсов [2, с. 33–34].

В качестве протesta против модернового памятника, исходящего от политической элиты и закрепляющего в обществе, как считается, «удобный» для власти нарратив, по всему миру стали появляться «антимонументы» [5, р. 951–952]. Антимонументы являются уникальной формой протesta, создаваемой политическими активистами и имеющей целью внести в общественное пространство «забытое» или сокрытые государственной властью темы для их «видимости» [3, р. 14]. Антимонумент считается временной трансформацией общественного пространства — после выполнения требований государственными институциями он, как предполагается, должен быть удален, однако нередко он становится постоянной экспозицией [4, р. 117].

Таким образом, цель работы состоит в выявлении особенностей антимонумента в Мексике как мнемонической формы протesta. В Мексике в период с апреля 2015 г. по январь 2025 г. насчитывалось 34 антимонумента. Их особенностью является то, что они чаще европейских опираются на события именно последних лет: только 5 антимонументов связаны с событиями XX в.; другие либо абстрактны и не относятся к конкретному временному отрезку, либо отсылают к событиям уже XXI в. Самой распространенной тематикой антимонументов является феминизм (борьба за права женщин, «фемицид» и т. п.) (15); также поднимаются темы халатности служб безопасности и их коррупции (10), государственного насилия и нарушения прав человека (7); экологической повестки и связанных с этим коренных народов (3).

Особенностью мексиканских антимонументов является и то, что на момент января 2025 г. только 5 были удалены — другие (4), даже если разрушались, в итоге копировались и возвращались на свое место. С одной стороны, это говорит о прежней актуальности тем, транслируемых антимонументами, а с другой стороны, об особой стратегии местных властей: игнорирование, а не открытая конфронтация посредством удаления.

Таким образом, антимонументы в Мексике отличаются не только от современной монументальной традиции в стране (темы и форма), но и от аналогичного течения в Европе (обращение к недавним событиям, продолжительное нахождение в общественном пространстве, сильная политическая направленность). Посредством создания антимонументов активисты стремятся ввести в публичное поле раннее маргинализованные сюжеты и выдвигают политические требования по решению различного рода проблем. Важно также и то, что мексиканские антимонументы становятся местами мобилизации протестных групп.

Список источников:

1. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД. — 2019. — № 9. — С. 285–312.
2. Малинова О.Ю., Миллер А.И. Символическая политика и политика памяти // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета, 2021. — С. 7–37.
3. Délano Alonso A., Nienass B. Memory Protest and Contested Time: The Antimonumentos Route in Mexico City // Sociologica. — 2023. — Vol. 17. — No. 1. — P. 9–23.
4. Krzyzanowska N. (Counter)Monuments and (Anti)Memory in the City. An Aesthetic and Socio-Theoretical Approach // The Polish Journal of Aesthetics. — 2017. — Vol. 47. — No. 4 — P. 109–128.
5. Stevens Q., Franck K.A., Fazakerly R. Counter-monuments: the anti-monumental and the dialogic // The Journal of Architecture. — 2012. — Vol. 17. — No. 6 — P. 951–972.

Шариатские советы в Великобритании: проблемы мусульманского религиозного брака и развода

Полумеева Тамара Владимировна

Кубанский государственный университет

polumeevat@gmail.com

В настоящее время численность мусульман в Англии и Уэльсе составляет 3,9 млн (6,5%) человек [1], что актуализирует проблему существования и интеграции отдельных аспектов ислама в структуру британского общества. Одним из них являются шариатские советы, юрисдикция которых представлена, в основном, бракоразводным процессом. Это связано с тем, что мусульманские пары ограничиваются сугубо религиозной процедурой заключения брака, без проведения гражданской церемонии [2, р. 5], в результате чего женщины при разводе становятся социально уязвимыми, так как не могут претендовать на государственные гарантии в области социального обеспечения.

В работе использован широкий спектр источников: данные Управления Национальной статистики Великобритании, позволяющие сделать вывод об уровне образования и занятости мусульман на рынке труда и их интеграции в принимающее сообщество; доклады и официальные отчеты британского правительства, стенограммы заседаний британского парламента в контексте деятельности шариатских советов, а также решения судов Англии и Уэльса по вопросу определения статуса исламского религиозного брака в английском праве. Исследование данного вопроса обладает междисциплинарным характером, сочетая исторические, социокультурные и правовые аспекты.

Отметим, что шариатские советы в контексте бракоразводного процесса воспринимаются общественностью и правительственные кругами как институты дискриминации прав женщин. Данная проблема активно обсуждается в Палате Лордов. Парламентарии обращают внимание на факторы, побуждающие женщин-мусульманок обращаться в шариатские советы. К ним относят: давление со стороны семьи, недостаточный уровень владения английским языком, а также неосведомленность о правах, гарантированных женщинам английским законодательством [3] в случае развода и иных прецедентов.

Вопрос о статусе исламского брака — сложен для истолкования юристами. Британское законодательство называет подобные браки «не-браками», сокращенно от «несуществующего брака» и приравнивает их сожительству, отмечая статус супругов как «не состоящий в браке». При этом формулировка «недействительный брак» не используется, так как означала бы факт признания заключения брака и не отменяла бы права и обязанности сторон, коими они обычно наделяются в случае гражданского развода [4].

Таким образом, деятельность шариатских советов по части бракоразводного процесса является острой темой в политико-правовом пространстве Великобритании. Эксперты

приходят к выводу о необходимости внесения поправок в брачное законодательство 1949 г., разработки инструментов регулирования деятельности шариатских советов в рамках правового поля и проведения информационных кампаний, направленных на повышение уровня осведомленности среди мусульман о своих правах и обязанностях, гарантированным британским законодательством, о возможностях предоставления юридической поддержки при урегулировании правовых споров [2, p. 11–12].

Список источников:

1. Religion, England and Wales: Census 2021 [Электронный ресурс] // Office for National Statistic: [сайт]. — URL: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/culturalidentity/religion/bulletins/religionenglandandwales/census2021> (дата обращения: 20.04.2023).
2. The independent review into the application of sharia law in England and Wales [Электронный ресурс]. — 2018. — URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/678478/6.4152_HO_CPFG_Report_into_Sharia_Law_in_the_UK_WEB.pdf (дата обращения: 24.04.2023).
3. Sharia Law. Volume 791: debated on Thursday 24 May 2018 [Электронный ресурс] // UK Parliament: [сайт]. — URL: <https://hansard.parliament.uk/lords/2018-05-24/debates/2A29E13B-AF77-4292-B938-5065C812EFAB/ShariaLaw> (дата обращения: 14.04.2022).
4. Vora V. The Continuing Muslim Marriage Conundrum: The Law of England and Wales on Religious Marriage and Non-Marriage in the United Kingdom // Journal of Muslim Minority Affairs. — 2020. — Vol. 40. — No. 1. — P. 148–162. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13602004.2020.1744839> (дата обращения: 28.05.2023).

Constitutional and/vs Political stability в Центральной Азии: опыт обеспечения устойчивости при функционировании партийных подсистем

Серебряков Кирилл Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
serebryakovkirill35@gmail.com

Общественные науки дают различное видение, индикаторы и инструменты сохранности устойчивости политических систем. Смыслообразующим компонентом для правоведения выступает концепт «конституционной стабильности», который, по мнению Людвига ван дер Хауве (Ludwig Van Den Hauwe), заключается в темпоральном измерении сохранения конституционного регулирования, защищающего политическую систему от деструктивных угроз, в частности, от конъюнктурных политических решений сменяющих друг друга политических сил и элит [1, р. 632].

В свою очередь, политическая наука преимущественно рассматривает стабильность политических систем в ракурсе эффективно организованных институтов. Так, например, Джон Яворски (John Jaworsky) разделяет «минимальную» и «демократическую» политическую стабильность, где к признакам первой отнесено отсутствие на территории государства каких-либо вооруженных конфликтов, а вторую определяет как способность оперативного и гибкого реагирования на общественные настроения и изменения посредством эффективно выстроенных демократических институтов [2, р. 3–4]. При этом также политическую стабильность определяет наличие равновесного состояния взаимодействия политических сил, способных влиять либо непосредственно принимать ключевые решения.

В связи с обобщением двух вышеобозначенных подходов видится релевантным изучение функционирования партийно-парламентской политической подсистемы, поскольку легислатура в идеале выступает легитимно организованной площадкой представительства различных социальных групп, обеспечения диалога политических элит и выработки эффективных и/или компромиссных политик, корректирующих общественные отношения, что делает предмет изучения оптимумом в сохранности общей национальной политической стабильности.

Функционирование таких подсистем нами было изучено на примере стран Центральной Азии. Это, на наш взгляд, позволяет провести сравнительный анализ устойчивости самих партийно-парламентских подсистем и их роли в обеспечении общей устойчивости политических систем культурно-исторически гомогенного региона. Для анализа конституционной стабильности были выявлены механизмы обеспечения сохранности ключевых конвенциональных установок, реализуемых через парламентскую процедуру. При этом устойчивость партийных подсистем выявлялась через расчет индексных

показателей (индексы ЭЧП Лааксо-Таагеперы, концентрации рыночной власти Герфиндаля-Хиршмана и политической волатильности Педерсена).

По итогам проведенного исследования можно заключить, что механизмы обеспечения конституционной стабильности, и, как следствие, политической устойчивости, характерные для парламентской процедуры, используются руководством государств Центральной Азии довольно слабо. Партийные системы региона не смогли выработать через парламенты эффективной площадки для взаимодействия разных политических элит, партийный ландшафт до сих пор не везде сформирован, более того, были выявлены «перекосы» от крайней атомарности партийных систем (Кыргызстан) до сверхконцентрации ресурсов у партий-гегемонов (Казахстан до 2020 года). При этом единственной легислатурой, которая демонстрирует все предпосылки для складывания общенациональной диалоговой площадки элит и равномерного распределения властного ресурса, является Олий Мажлис Республики Узбекистан.

Список источников:

1. Van den Hauwe L. Public Choice, Constitutional Political Economy and Law and Economies // The Encyclopedia of Law and Economics. — 1999. — P. 603–659.
2. Jaworsky J. Ukraine: Stability and Instability — Institute for National Strategic Studies McNair Paper 42, 1995. — 87 p.

Российско-китайский проект «Пояс и путь»: как партнеры преодолевают западные санкционные ограничения?

Стародубцев Иван Романович, Кузьмина Диана Дмитриевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ivanctap@ya.ru, kuzminadina423@mail.ru

Торговые отношения России и Китая имеют продолжительную историю и отличаются заметным развитием в последние годы. Из-за изменения геополитической ситуации в мире и введения Западом антироссийских санкций выход России на рынки некоторых государств затруднился. Это сказалось и на такой масштабной инициативе, как проект «Пояс и путь», заявление о сотрудничестве, в рамках которого лидеры России и Китая подписали в 2015 году в Москве. Какие проблемы возникли и как государства-партнеры будут с ними справляться? Для поиска ответов на поставленные вопросы мы провели анализ актуальных статей и докладов, мнений экспертов, а также сравнили статистические данные.

Как говорится в докладе аналитического центра Green Finance and Development Center (GFDC), за 6 месяцев 2022 года Россия не получала финансирования по линии инициативы «Один пояс — один путь» [1]. Ряд экспертов считают, что отсутствие новых инвестиций связано с нежеланием Китая подпасть под западные санкции. По мнению директора Института Дальнего Востока РАН Сергея Лузянина, «Один пояс — один путь» предполагает в качестве реципиентов 121 государство, в которые Россия официально никогда не входила и вряд ли войдет [2]. Именно с этим связана проблема отсутствия китайских инвестиций в рамках проекта.

На фоне антироссийских санкций затрудняется и доставка китайских товаров в Европу через территорию России. В 2023 году лидеры таких крупных европейских стран-партнеров Китая, как Италия, Франция и Германия, отказались принимать участие в международном форуме, посвященном «Пути». Вероятно, одной из причин стала вовлеченность в инициативу России, как торгового партнера. Это также повлияло на сокращение финансирования.

В последние 10 лет правительство КНР проявляет большой интерес к участию в освоении Арктического региона, а также стремится к развитию Северного морского пути. Несмотря на существенную выгоду для Китая, доминирующую роль в развитии магистрали играет Россия. Страна-экспортер нефти успешно перенаправляет свои супертанкеры в Азиатские страны по Северному морскому пути, что не может не волновать западных экспертов [3].

По мнению издания *Forbes*, Россия «пугающими темпами» формирует новую, уникальную транспортно-логистическую систему, которая будет значительно эффективнее существовавшей до февраля 2022 года [4].

Так, альтернативой для инициативы «Пояс и путь», торговля по которому подверглась влиянию западных санкций, является Северный морской путь. Россия видит в нем способ обхода ограничений, а Китай — перспективы расширения влияния в Арктике, а также более короткий маршрут между портами Азии и Европы.

Список источников:

1. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2023 [Электронный ресурс] // Green Finance and Development Center [сайт]. — 2024. — URL: <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2023/> (дата обращения: 04.04.2025).
2. Китайские инвестиции никогда особенно в Россию не шли [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам [сайт]. — 2024. — URL: <https://russiangouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kitayskie-investitsii-nikogda-osobenno-v-rossiyu-ne-shli/?ysclid=m5y83lwea526792309> (дата обращения: 04.04.2025).
3. Северный морской путь помогает России обойти санкции [Электронный ресурс] // Славтранс [сайт]. — 2024. — URL: <https://www.slavtrans.com/news/logistics/7136/?ysclid=m5y92n5gx8990965421> (дата обращения: 04.04.2025).
4. Покровская О.Д., Воробьев А.А., Мигров А.А., Шевердова М.В., Ульяницкая В.И., Власенский А.А. Альтернативная логистика Российской Федерации в условиях Западных санкций // International Journal of Advanced Studies: Transport and Information Technologies. — 2022. — Vol. 12. — No. 4. — C. 111–139.

Приграничное сотрудничество России и Евросоюза (1994–2022 гг.)

Тарасова Анастасия Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

nastya91938@mail.ru

В 1990–2020-х гг. российские регионы активно участвовали в процессе приграничного сотрудничества с ЕС, которое прошло различные исторические этапы. Актуальность темы обусловлена следующим. Во-первых, опыт выстраивания первичных механизмов сотрудничества можно использовать для разработки стратегий регионального взаимодействия РФ с регионами Ближней Азии и Дальнего Востока. Во-вторых, несмотря на актуальность приграничного сотрудничества РФ-ЕС как объекта изучения, в научной литературе отсутствует глубоко разработанная периодизация такого сотрудничества.

Цель работы — выявить основные этапы эволюции приграничного сотрудничества России и ЕС и охарактеризовать их с учетом исторической ретроспективы.

Методологическая и теоретическая база. Автор руководствовался принципом историзма [1], системности и объективности [2]. При определении этапов сотрудничества РФ-ЕС автор опирался на методологию Ярового Г., Белокуровой Е., Себенцова А., [3; 4] в чьих работах отражены подходы к его периодизации.

В работе использовались методы сравнительного и системного анализа, контент анализа, исторические методы. Историко-генетический метод помог охарактеризовать развитие приграничных связей РФ-ЕС в общей канве российско-европейских взаимоотношений, а сравнительно-исторический метод выделить ключевые события и обозначить этапы.

Результаты исследования

Российско-европейское приграничное сотрудничество можно разделить на этапы:

1994–1999 гг. отличаются созданием первичной нормативно-правовой базы и развитием инструментов сотрудничества («Тасис», «Интеррег», идея «Северного измерения»). Подписывается ключевое Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. Происходит ценностное сближение России и ЕС.

В 1999–2006 гг. успешно функционируют уже созданные механизмы: программы Интеррег IIА, «Северное измерение». В то же время наметилось смещение ценностного подхода к более функциональному. В 2004 г. появляется Европейская политика Соседства. Происходит переход к стратегическому партнерству («от «общих ценностей» к «общим интересам» [3]), инициированному правительством РФ.

В 2007–2013 гг. внедряется Европейский инструмент партнерства и сотрудничества. Впервые в финансировании и реализации программ приняли участие различные российские уровни власти и другие акторы.

2014–2022 гг. – симметричное партнерство. Реализуются программы 2014–2020 гг., ведется работа над новыми программами и завершаются текущие проекты до 2022 г.

Список источников:

1. Арзамаскин Ю.Н. Принцип историзма в научном исследовании // Армия и общество. — 2011. — Т. 27. — №. 3. — С. 7–11.
2. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. — Москва: «Наука», 1987.
3. Яровой Г.О., Белокурова Е.В. Европейский Союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС — Санкт-Петербург: Норма, 2012. — 367 с.
4. Sebentsov A.B. Cross-border cooperation on the EU-Russian borders: results of the program approach // Geography, environment, sustainability. — 2020. — Т. 13. — №. 1. — С. 74–83.

СОЦИОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

От женского стендапа к феминистской комедии (по материалам качественных данных)

Агаева София Хангусейновна, Зубкова Кира Алексеевна

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и

государственной службы при Президенте Российской Федерации

sonka_alive@mail.ru, kzubkova-22@ranepa.ru

Согласно данным аналитики Google Trends за последние пять лет, стендап стал одним из основных видов досуга у многих россиян. Изначально авторы исследования предполагали, что наибольший интерес к продуктам стендап-культуры удастся увидеть у жителей крупных городов России, однако даже в маленьких по численности регионах стендап-выступления пользуются большим спросом. Примечательно и то, что поисковой запрос «Женский стендап», согласно данным Google Trends, находится в первой тройке среди всех юмористических шоу [1].

Мы задались вопросом, почему гендерных стереотипов в женской комедии стало меньше. Можно выделить несколько основных причин, которые были выявлены в ходе проведения количественных и качественных исследований.

По мнению самих комиков, большая часть аудитории стендап-концертов и других комедийных шоу — женщины. В связи с этим артисты стараются составлять материалы к шоу исходя из предпочтений аудитории. Как рассказывают сами комики, они нередко отказываются от провокационных или откровенно сексистских шуток в пользу более нейтральных. На это, по мнению респондентов, в значительной степени повлияло появление женского стендапа в 2020 году. Это шоу изменило российскую комедийную индустрию, а также получило огромную популярность, что говорит о высоком спросе на «женский голос» в комедии [1].

Если сначала женская комедия и женский стендап по направлению развития по инерции двигались вслед за мужским, то сейчас зрители все чаще замечают противоположную тенденцию. Женщины-комики стали больше говорить со сцены именно о проблемах, особенностях жизни, предпочтениях и мечтах самих женщин [2]. Согласно теории Т. Форда и М. Фергюсона, юмор способен создавать определенный социальный климат в обществе и формировать рамку поведенческой нормы [3, с 80], поэтому комики-женщины чаще отказываются от использования откровенно сексистских шуток.

Первой ступенью нашего исследования стало создание онлайн-опроса, который включает в себя общие вопросы о комедийных шоу и шутках о мужчинах и женщинах, 5 шуток от женщин-комиков и 5 шуток от мужчин-комиков, вопросы для оценки отношения респондентов к гендерным стереотипам и демографический блок.

Второй ступенью исследования стало проведение фокус-групп со зрителями стендапа и комиками. Всего было проведено три смешанных фокус-группы: одна со зрителями (4

женщины и 2 мужчин), а также две с комиками (3 мужчины и 2 женщины; 3 мужчины и 3 женщины).

В рамках первой фокус-группы респондентам были заданы общие вопросы, вопросы об их отношении к сексистским и феминистским шуткам, а также вопросы о предполагаемых социальных последствиях этих шуток. Две следующие фокус-группы также включали в себя общие вопросы, вопросы об отношении комиков и зрителей к разным типам шуток, их использовании и их предполагаемым социальным последствиям.

Список источников:

1. Официальный сайт Google Trends [Электронный ресурс] / [сайт]. -- URL: <https://trends.google.ru/trends/>
2. Кривое зеркало. Российские юмористы шутят над жертвами насилия. Почему это опасно? [Электронный ресурс] / [сайт] Lenta.Ru. -- 2019. -- URL: <https://lenta.ru/articles/2019/05/21/badhumor/>
3. Ford T. E., Ferguson M. A. Social Consequences of Disparagement Humor: A Prejudiced Norm Theory // Personality and Social Psychology Review. -- 2004. -- Vol. 8. — № 1. -- P. 79–94.

Александр Грин и его «революционные ракурсы»: опыт бурдьеистского прочтения

Азарян Гарри Эдуардович

Санкт-Петербургский государственный университет

azaryan.garry2015@yandex.ru

А.С. Грин известен как мастер малых литературных форм, далеко не исчерпывающихся феерией «Алые паруса». Одной из наименее известных широкой публике страниц жизни Александра Грина было его членство и пропагандистская работа в ПСР. То же самое можно сказать о его первых рассказах, посвященных революционерам. Отчасти это связано с тем, что сам Грин не пытался извлекать материальной выгоды из факта принадлежности к революционному движению, отказываясь, по собственному выражению, «лизать пятки современности». В советской историографии его «эсерство» оценивалось пренебрежительно, а рассказы представлялись как критика мелкобуржуазности исторических оппонентов большевиков. Среди современных гриноведов эта тема еще менее популярна, и образ Грина сливаются с деполитизированными и превращающимися в пустое означающее «Алыми парусами».

В своих рассказах он конструирует габитус революционера, помещая героев в обыденные ситуации, в которых они совершают необычные, подрывные, революционные поступки. Плоскость обыденности Российской империи (или, в некоторых случаях, намечающейся «Гринландии») нарушается фигурой беглеца от полиции, забредшего в безмятежный буржуазный сад (рассказы «В Италию» и «Телеграфист из Медянского бора»), или бомбиста, отказавшегося подрывать карету с детьми цели («Марат»). Но Грин идет дальше и проводит различие между революционерами и их поведением в различных ситуациях. К примеру, трое участников безнадежной перестрелки в рассказе «Третий этаж» описаны с точки зрения траектории (путь каждого в революцию) и pragmatики (мечты перед смертью).

Поведение гриновских персонажей часто сводится к одному главному поступку («Рука», бытовой рассказ) или его отсутствию («Гость»). Иногда поддержание обыденности (рутина политической работы) также предстает подвигом за счет подчеркнутой слабости агенты («Маленький комитет»).

Сам А.С. Грин писал свои самые первые рассказы в виде политических брошюр («Подвиг рядового Пантелеева»). Его последовавшие (как «революционные», так и обыденные) работы также сохранили в себе их черты: положительный или отрицательный пример, фиксирование радикального перераспределения символического (в первую очередь политического) капитала, а также подобие «либеральной надежды» Р. Рорти. Социальный оптимизм, выражавшийся в постоянном наличии волевого революционного субъекта, способного преодолеть «подлую логику жизни».

Наша гипотеза заключается в том, что революционная проза Грина имеет ярко выраженную гомологию с этосом, вырабатываемым ПСР в период 1903–1905 гг. Однако А.С. Грин не просто воспроизводит, но и активно критикует его, стремясь выделить противоречия и быть символическим революционером по отношению к революционной идеологии. В качестве рамки исследования выступает конструктивистский структурализм П. Бурдье с присущими ему методами, как то: выделение символических бинарных оппозиций, объективирование объективации, работа с понятийной парой «структура–агентность» и т. д.

Список источников:

1. Бикбов А. Социоанализ культуры: внутренние принципы и внешняя критика // Новое Литературное Обозрение. — №2. — 2003. Цит. по: Бикбов А. Социоанализ культуры: внутренние принципы и внешняя критика [Электронный ресурс] // Горький: [сетевое издание]. — URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/2/soczioanaliz-kultury-vnutrennie-principy-i-vneshnyaya-kritika.html> (дата обращения: 04.04.2025).
2. Бурдье П. Исторический генезис чистой эстетики. Эссенциалистский анализ и иллюзия абсолютного / Пер. с фр. Н.А. Шматко // Новое Литературное Обозрение. — №2. — 2003. Цит. по: Бурдье П. Исторический генезис чистой эстетики. Эссенциалистский анализ и иллюзия абсолютного [Электронный ресурс] // Горький: [сетевое издание]. — URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/2/istoricheskij-genezis-chistoj-estetiki-1-essencialistskij-2-analiz-i-illyuziya-absolyutnogo.html> (дата обращения: 04.04.2025).
3. Бурдье П. Социология социального пространства. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. — 288 с.
4. Грин А.С. Психологические новеллы. — Москва: Россия, 1988. — 448 с.
5. Грин А.С. Автобиографическая повесть [Электронный ресурс] // Александр Грин: [сайт]. — URL: <http://grin.lit-info.ru/grin/bio/avtobiograficheskaya-povest/index.htm> (дата обращения: 04.04.2025).
6. Мосолкин С.В. Революционный романтизм ранних произведений А. Грина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. — 2017. — Т. 17. — №4. — С. 452–455.
7. Художественные произведения А.С. Грина рассматриваются по: А.С. Грин. Проза (по сборникам) [Электронный ресурс] // Александр Грин: [сайт]. — URL: <http://grin.lit-info.ru/grin/proza/index.htm#sb1> (дата обращения: 04.04.2025).

Особенности аутрич-работы с людьми, вовлеченными в секс-индустрию в России

Аксененко Марьяна Денисовна

Национальный исследовательский университет ИТМО

maryana.aksenenko@yandex.ru

Аутрич-работка предполагает активное взаимодействие с представителями ключевых уязвимых групп в их привычной среде с целью предоставления необходимых им услуг и информации [1, с. 43]. Основной целью аутрич-работы является снижение вреда с помощью проведения тестирования благополучателей на ВИЧ, информирования о путях передачи ИППП и, зачастую, раздачи необходимых средств, таких как презервативы и шприцы [там же, с. 45]. В России необходимость данных инициатив подчеркивается ежегодным увеличением числа заражений ВИЧ примерно на 60 тыс. человек [2, с. 21], при этом среди секс-работниц (СР) риск инфицирования в 9 раз выше [3].

Секс-индустрия в России остается криминализированной, что в сочетании с ужесточением законодательства и усилением стигматизации СР затрудняет оказание помощи этой группе.

Цель данного исследования — изучить особенности проведения аутрич-работы с людьми, вовлеченными в секс-индустрию в России. Для достижения этой цели был проведен тематический анализ 28 интервью, организованных благотворительным фондом «Гуманитарное действие» с аутрич-работниками из 11 российских городов в 2024 году.

В ходе анализа ответов респондентов были выделены следующие ключевые особенности работы с данной целевой группой:

1. Для эффективной работы с СР аутрич-работнику не обязательно быть равным — достаточно всего лишь «быть женщиной», чтобы благополучатели смогли довериться. При этом из-за низкой заработной платы найти равных специалистов сложно, так как СР привыкли к высокому доходу.
2. Между аутрич-работниками и СР часто выстраиваются долгосрочные приятельские отношения, несмотря на возросшую конкуренцию и недоверие внутри самой секс-индустрии.
3. Из-за пандемии COVID-19 взаимодействие с СР в значительной мере переместились в онлайн, преимущественно в Telegram. Увеличилось количество вебинаров, особенно на темы, связанные с кибербезопасностью, так как СР часто сталкиваются с утечками данных.
4. СР обычно демонстрируют более высокий уровень ответственности за свое здоровье, самостоятельно сдавая анализы на ВИЧ и другие ИППП.

5. Значительная часть СР — мигранты, что увеличивает затраты со стороны благотворительных организаций на предоставление медицинской помощи из-за отсутствия у иностранцев полисов ОМС.

Таким образом, аутрич-работа с людьми, вовлеченными в секс-индустрию в России, имеет свои черты, которые отличают ее от взаимодействия с другими целевыми группами. При этом ключевые принципы минимизации вреда остаются неизменными.

Особенность данного исследования заключается в том, что оно основано на актуальной информации, собранной в 2024 году. Большинство предыдущих работ в этой области создавались более 5 лет назад, когда ситуация в стране значительно отличалась от нынешней. Изучение современных реалий, включая последствия пандемии, цифровизацию и изменения в законодательстве, позволяет лучше понять потребности целевой группы и адаптировать методы работы.

Список источников:

1. Аутрич-работа среди работников коммерческого секса: тренинговое руководство / Е. Грибова [и др.]; ред. М. Андрушенко. — Киев: Международный Альянс по ВИЧ/СПИД в Украине, 2008. — 120 с.
2. Покровский В.В., Ладная Н.Н. Вирус иммунодефицита человека в Российской Федерации в 2023 г. // Эпидемиология и инфекционные болезни. Актуальные вопросы. — 2024. — Т. 14. — №3. — С. 21–29.
3. HIV and Sex Workers: Thematic Briefing Note [Electronic resource] // 2024 Global AIDS Update The Urgency of Now: AIDS at a Crossroads. — 2024.— URL: <https://www.unaids.org/en/resources/documents/2024/2024-unaids-global-aids-update-sex-workers> (date of access: 13.01.2025).

Среда против ресурса: кейс Минаматы

Амшаринская Станислава Юрьевна, Давыдова Анна Андреевна, Блинова Анна Дмитриевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

syuamsharinskaya@edu.hse.ru, aadavydova_3@edu.hse.ru, adblinova@edu.hse.ru

Инвайронментальные социологи осмысливали взаимосвязи между человеком и природой, в частности то, как сочетаются между собой разные ее образы в глазах людей, и как это влияет на восприятие экологических конфликтов. Например, что происходит, когда сталкиваются два понимания природы — как источника экономического благополучия, то есть ресурса, и как среды обитания, которую необходимо оберегать [7]. В этом исследовании мы хотели бы проанализировать, *как развивается экологический конфликт в условиях созависимости этих двух понятий?*

Для ответа на этот вопрос мы обратились к двум кейсам разлива ртути в разных префектурах Японии. Первый анализируемый случай — конфликт между заводом компании Chisso Corporation и жителями Минаматы. С одной стороны, производство являлось для города источником рабочих мест, налоговых поступлений и основой экономического благополучия после длительного кризиса [2], а с другой стороны, оно же стало источником многолетней экологической катастрофы, повлекшей за собой множество смертей [4]. На фоне этого конфликта в Ниигате разворачивается аналогичный случай, но уже с участием менее интегрированного в жизнь города завода компании Showa Denko [4; 2]. Было проведено кабинетное исследование: анализировались нормативно правовые акты, архивные материалы музеев.

При рассмотрении данных кейсов мы наблюдаем яркие контрасты. В первом случае завод тесно связан с политической и экономической жизнью города, конфликт между компанией и местными жителями проходит достаточно тихо, развивается крайне медленно и решается в поле материальных ресурсов: за испорченную рыбу и здоровье населения компания платит компенсации. Сами же горожане воспринимают завод как важный источник экономического благополучия. Больные же стигматизируются, воспринимаются как угроза для развития региона. Это может быть объяснено превалированием ценностей выживания по Р. Инглхарту и К. Вельцелю: мгновенная материальная выгода ввиду нестабильной экономической ситуации воспринимается как нечто более существенное, чем сохранение безопасной окружающей среды [9].

Во втором случае завод находится на отдалении и не играет настолько витальную роль в жизнях местного населения. В этой ситуации выбор делать не приходилось, так как речь об экономической выгоде не шла, и выживание напрямую было связано с экологической ситуацией. Не смотря на то, что процесс изучения заболевания, который начался с заражения в Минамате, играл роль в ускорении процесса установления источника заражения, основной

толчок для решения катастрофы придали именно юридические меры, принятые в отношении компании Showa Denko в Ниигате.

Таким образом, мы видим, что восприятие природы как жизненно необходимого ресурса превалирует над ее восприятием как среды обитания в случае, когда эти два понимания сталкиваются между собой. Это может пролить свет на природу и течение современных экологических конфликтов.

Список источников:

1. Eto K. Minamata disease // Neuropathology. — 2000. — Vol. 20. — P. 14–19.
2. George T. S. Minamata: Pollution and the Struggle for Democracy in Postwar Japan. — Cambridge: Harvard East Asian Monographs (194), 2001. — 385 p.
3. Harada M. Minamata Disease: Methylmercury Poisoning in Japan Caused by Environmental Pollution // Critical Reviews in Toxicology. — 1995. — Vol. 25. — № 1. — P. 1–24.
4. Lessons from Minamata Disease and Mercury Management in Japan [Электронный ресурс] // Ministry of the Environment, Japan. — 2011. — URL: <https://www.env.go.jp/en/focus/docs/files/20110101-39.pdf> (дата обращения: 02.04.2025).
5. Ten Things to Know about Minamata Disease [Электронный ресурс] // Minamata Disease Municipal Museum. — URL: <https://www.minamatadiseasemuseum.net/10-things-to-know> (дата обращения: 18.06.2024).
6. The Outbreak and Origins of Minamata Disease [Электронный ресурс] // Minamata Disease Municipal Museum. — 2021. — URL: https://minamata195651.jp/pdf/kyoukun_en/kyoukun_eng04.pdf (дата обращения: 18.06.2024).
7. Тулаева С., Снарский Я. Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах // Laboratorium: Журнал социальных исследований. — 2022. — № 3. — С. 4–33.
8. Минаматская конвенция о ртути: текст и приложения [Электронный ресурс] // Программа Объединенных Наций по окружающей среде. — 2017. — URL: <https://minamataconvention.org/sites/default/files/2021-06/Minamata-Convention-bo oklet-%20rus-full.pdf> (дата обращения: 18.06.2024).
9. Инглхарт Р., Вельцель, К. Модернизация, культурные изменения и демократия. — Москва: Новое издательство, 2011. — 464 с.

Адаптация молодых сотрудников в научных коллективах

Банько Анна Алексеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

abankohse@gmail.com

Трансформация государственной политики в сфере образования и науки привела к росту спроса на академических работников [1] и изменению процесса их найма [2]. Также в России за период с 2015 по 2022 гг. уменьшилось число научных сотрудников в возрасте до 29 лет, с 77 до 54 тыс. чел. [3]. Поскольку молодые ученые, как правило, академически развиваются в рамках научных коллективов, они должны быть готовы подстроиться под существующие в них нормы [4]. Возможно, наблюдаемое уменьшение числа молодых ученых объясняется в том числе трудностями с адаптацией к коллективной деятельности.

В этой работе рассматривается процесс адаптации российских молодых ученых в научных коллективах. Изучены возможные пути их попадания в коллективы, механизмы взаимодействия с другими участниками, процесс встраивания в коллективную реальность. Процесс адаптации проблематизируется при помощи теоретического подхода социологии малых групп Г. Зиммеля (G. Simmel) [5], который предполагает существование надиндивидуальной реальности, где реализуются групповые цели, но при этом индивиды ожидают, что принадлежность к группе приведет и к реализации их собственных целей [там же]. Заметен парадокс, связанный с необходимостью выбора индивидуального вектора деятельности в рамках коллективной науки.

Исследование основано на 15 интервью с представителями 5 научных коллективов (по 3 человека на каждый) из НИУ ВШЭ, МГУ и РАН. Беседы проводились с представителями как технических и естественных, так и социальных и гуманитарных наук. Интервью анализировались в духе обоснованной теории Б. Глазера (B. Glaser) и А. Стросса (A. Strauss).

Показывается, что адаптация молодых сотрудников в научных коллективах заключается в том, что им необходимо осознать и показать, что они могут привнести в коллективную реальность. В зависимости от механизмов попадания в научные коллективы молодые ученые были подразделены на «внутренних» и «внешних» (помогли ли им социальные связи или нет). Это разделение играет роль в том, как молодые ученые встраиваются в коллективную реальность, взаимодействуют в ней с другими участниками и реализуют личные цели. «Внутренние» участники на этапе попадания в коллектив осознают, к кому и зачем они идут. «Внешние» не всегда знают, в какой проект они могут вовлечься, им нужно прилагать определенные усилия для поиска своей ниши. В процессе деятельности в научном коллективе «внутренние» участники способны объяснить причины, по которым сформировались те или иные практики и условия, «внешние» не могут этого сделать. Понимание коллективной реальности помогает вырабатывать стратегии, позволяющие ослабить влияние коллективных трудностей на собственную деятельность и успешно адаптироваться.

Работа дает направления для исследований организации деятельности в научных коллективах с позиции других акторов (руководителей или тех, кто вышел из коллективов), а также с применением методов сетевого анализа.

Список источников:

1. Финкельштейн М., Иглесиас К., Панова А.А., Юдкевич М.М. Перспективы молодых специалистов на академическом рынке труда: глобальное сравнение и оценка // Вопросы образования. — 2014. — № 2. — С. 20–43.
2. Абрамов Р.Н., Груздев И.А., Терентьев Е.А. Академический профессионализм в эпоху перемен: ролевые субидентичности и трансформация бюджетов времени // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2015. — Т. 6. — № 130. — С. 136–152.
3. Численность исследователей (по областям науки; по возрастным группам; по ученым степеням; по субъектам Российской Федерации) (с 2010 г.). [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. — 2023. — URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science#> (дата обращения: 16.01.2025).
4. Wang J., Hicks D. Scientific teams: Self-assembly, fluidness, and interdependence // Journal of Informetrics. — 2015. — Vol. 9. — №1. — P. 197–207.
5. Simmel G. The isolated individual and the dyad // The Sociology of Georg Simmel / Kurt H. Wolff, ed. — New York: The Free Press, 1964. — P. 182–208.

Трансформация восприятия театральных постановок в эпоху цифровизации: анализ дискурсивных практик зрительской аудитории

Бардукова Дарья Дмитриевна, Гулина Вероника Денисовна

Санкт-Петербургский государственный университет

st119644@student.spbu.ru, st119554@student.spbu.ru

Современные цифровые технологии существенно меняют восприятие искусства, в том числе и театра. Вопрос о том, как меняется восприятие театральных постановок зрителями под влиянием цифровизации, все еще недостаточно исследован. В основе данного исследования лежат идеи Маршалла Маклюэна (Herbert Marshall McLuhan) о влиянии технологий на способы восприятия мира и концепции Людвига Витгенштейна (Ludwig Josef Johann Wittgenstein) о языковых играх и интерпретации смысла.

Благодаря цифровизации появились новые каналы коммуникации, что привело к формированию критического дискурса в онлайн-пространстве и трансформации подходов к анализу произведений искусства. Идеи, выраженные Маклюэном [1], помогают объяснить, как новейшие технологии меняют восприятие и мышление людей, в том числе это отражается на восприятии искусства. Теория Витгенштейна [2] дает основу для анализа интерпретационных практик аудитории через призму языковых игр.

Цель исследования — выявить изменения в восприятии схожих по содержанию театральных постановок в зависимости от географико-культурного контекста. В методологии исследования используется латентный семантический анализ (LSA) для анализа текстовых данных, собранных из отзывов зрителей с онлайн-платформы «Яндекс Афиша». Этот метод позволяет выявить скрытые семантические связи и фокус интереса аудитории к различным аспектам произведения. Данные, собранные с онлайн-платформы, были обработаны с использованием пакетов LSA для Python и R.

Анализ показал, что цифровизация предоставила зрителям возможность выступать в роли медиа-критиков, публикуя развернутые отзывы на различных онлайн-платформах, что способствует развитию аналитического подхода к восприятию постановок, в результате чего аудитория все чаще обращает внимание на технические аспекты исполнения. Анализ отзывов демонстрирует формирование различных дискурсивных практик, что позволяет сегментировать восприятие спектакля разными группами зрителей и выявлять паттерны их оценочных суждений. Представители различных ключевых дискурсов придают значение разным элементам спектакля, таким как сюжет, актерская игра и сценография.

Данное исследование предлагает альтернативное рассмотрение изменения восприятия театра аудиторией в контексте цифровизации. Результаты способствуют большему пониманию динамики взаимодействия между искусством и аудиторией. Перспективы дальнейших исследований включают более глубокие исследования конкретных культурных групп и углубленный анализ визуального восприятия театральных постановок.

Список источников:

1. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / пер. А. Юдина. — Киев: Ника-Центр, 2003. — 496 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. и сверено с авториз. англ. переводом И. Добронравова, Д. Лахути; общая ред. и предисл. д-ра философ. наук, проф. В. Ф. Асмуса. — Москва: Издательство иностранной литературы, 1958. — 133 с.

Сравнительный анализ способов описания мотивации к участию в городском локальном конфликте активистами в Санкт-Петербурге и Воронеже

Барковская Елена Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

lenabark2003@yandex.ru

Городские конфликты и защита прав горожан представляет собой сложный и динамичный объект изучения. Мы можем рассматривать паттерны мобилизации [1] и взаимодействия протестующих с властями, застройщиками и третьими сторонами, выбор методов борьбы из всего репертуара коллективных действий, типологии городских режимов [2], которые во многом определяют динамику конфликта, сценарии развития городских локальных конфликтов [3], конструирование ценности и аутентичности исторических зданий в динамике градозащитных конфликтов [4] и другое.

В этой работе я задаюсь вопросом — как активные горожане описывают ценность защиты оспариваемого городского объекта и важность сопротивления в Санкт-Петербурге и Воронеже? Предметом данного исследования являются способы описания или обоснования своего участия в городском локальном конфликте общественниками, а также важность городского сопротивления и совместного формирования городской среды. Способы описания или обоснования выражаются в различных речевых конструкциях, которые используют собеседники для выражения некоторых смыслов, которые они приписывают тем или иным объектам, событиям и действиям.

В рамках своего текущего исследования я использовала методологию кейс-стади. Я обратилась к кейсам двух городов — Воронежа и Санкт-Петербурга. В первом я рассматриваю городской локальный конфликт вокруг сноса Дворца культуры имени 50-летия Октября, а в Санкт-Петербурге — вокруг ВНИИБа на площади Мужества. В рамках обоих кейсов уже проведены глубинные интервью с активистами (более или менее вовлеченными в конфликт).

Сравнительное исследование кейсов из Воронежа и Санкт-Петербурга может позволить найти отличия подходов активистов из городов разного масштаба и значения, с разной степенью институциализации градозащитной деятельности. Так, больший опыт градозащитной деятельности общественников в Санкт-Петербурге позволяет погружать конфликт вокруг ВНИИБа в более широкий контекст изменения города, так что мотивация горожан чаще связана с процессами формирования городской среды в конкретном районе или в городе в целом. На основании сравнения этих кейсов можно выделить, какие преимущества могут быть у идентичности активистов в разных средах и контекстах, а также масштабах конфликта, в чем они могут видеть ценность объекта защиты в контексте района или города. Так, насыщенность Санкт-Петербурга исторически и эстетически значимыми

зданиями, с одной стороны, подталкивает погружать объект в более широкое полотно смыслов, а с другой, доказывать ценность объекта с сравнение с другими интуитивно более значимыми

Список источников:

1. Журавлев О.М., Савельева Н.В., Ерпылева С.В. Индивидуализм и солидарность в новых российских гражданских движениях // Журнал исследований социальной политики. — 2014. — Т. 12. — №. 2. — С. 185–200.
2. Бедерсон В.Д., Шевцова И.К. Влиятельные горожане: типология городских режимов российских городов-миллионников в 2010-е годы // Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / Отв. ред. Е.В. Тыканова. — М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. — С. 41–68.
3. Хохлова А.М., Тыканова Е.В. Множественные сценарии развития городских локальных конфликтов: случаи экологических угроз и развития дорожной инфраструктуры // Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / Отв. ред. Е. В. Тыканова. — М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. — С. 91–120.
4. Хохлова А.М., Чернышева Л.А. «Они не понимают, что перед ними что-то ценное»: ценность и аутентичность исторических зданий в динамике градозащитных конфликтов // Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / Отв. ред. Е.В. Тыканова. — М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. — С. 151–176.

Память в квадрате: цифровая мемориализация памятников Ленину на сайте leninstatues.ru

Доптан Эртине Сарыг-оолович

Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики» —
Санкт-Петербург
esdoptan@edu.hse.ru

Исследования памяти находят новые пространства интереса, отходя от традиционных подходов описания мест памяти и практик коммеморации. Одна из новых областей исследований памяти — цифровая память и цифровые практики коммеморации [2]. Постсоветский контекст является малоизученным полем в плане цифровой памяти [3], исследователи памяти в России предлагают переходить к новым областям и теоретизировать возникающие места памяти. Интересным форматом этого поля являются способы сохранения памяти через цифровые блоги, веб-сайты и цифровые выставки. В постсоветском пространстве есть практически единственный сайт, который посвящен сохранению памяти о памятниках, который несет некую культурологическую ценность — это сайт, посвященный памятникам Ленина. Сайт *leninstaues.ru* представляет объект для исследования мест памяти. В этой работе разбирается смысловое наполнение сайта и его фрейминг.

Места памяти [1] представляют собой культурные артефакты, которые несут в себе коллективную ценность. Памятники Ленину могут быть представлены как один из таких объектов. Однако памятники Ленину с распада СССР начали нести в себе и некий политический смысл [4]. Именно из-за этого в некоторых постсоветских странах были снесены памятники Ленину. Цифровая мемориализация становится инструментом сохранения памяти о прошлом, при этом цифровые объекты сами по себе становятся местами памяти, трактуя прошлое и представляя некий фрейм о прошлом, настоящем и возможном будущем [там же].

В данном исследовании была использована качественная парадигма, так как смыслы, которые внесены в цифровые единицы, а также фрейминг прошлого обычно изучается именно с помощью качественных методов, чаще всего это этнография, контент-анализ или дискурс-анализ. Наполнение сайта и фрейминг были проанализированы через качественный контент-анализ [5], чтобы выделить смысловые коды. На основе отрывков, подходящих под коды, были сформированы выводы.

В результате исследования были выделены несколько тематических кодов, которые так или иначе задают фрейм для трактовки памяти о памятниках Ленину. Такими стали *локальность, региональность, ленинопад, хронологичность и воображаемость*. На сайте большое внимание уделяется каждому месту и памятнику, они предстают как объекты с уникальной историей и своей ценностью для единого места. Региональность подразумевает территориальное разграничение пространства пост-советского и мирового, некоторые

регионы объединяются, другие намеренно отделяются, например, Украина. Значимой частью наполнения является ленинпад, демонтаж памятников. Хронологичность отсылает к вниманию к времени событий, начиная с первых памятников Ленину вплоть до их сноса. Наконец, воображаемость памятников посвящена нереализованным проектам Ленину и существованию особой культурной ценности «*общего советского*».

Список источников:

1. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. — 1989. — № 26. — P. 7–24. — DOI: <https://doi.org/10.2307/2928520>
2. Mandolessi S. The digital turn in memory studies // Memory Studies. — 2023. — Vol. 16. — № 6. — P. 1513–1528. — DOI: <https://doi.org/10.1177/17506980231204201>
3. Сафонова Ю. А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти // Политическая Наука. — 2018. — № 3.
4. Гайдай А. Ю., Любарец А. В. «Ленинпад»: Избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестник Пермского ун-та. — 2016. — Серия: История, № 2(33).
5. Hsieh H.-F., Shannon S. E. Three approaches to qualitative content analysis // Qualitative Health Research. — 2005. — Vol. 15. — №9. — P. 1277–1288. — DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732305276687>

Кросс-культурность в QSL-карточках

Дурнева Инна Евгеньевна, Дурнева Елия Евгеньевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

duinna02@mail.ru, dyeliya@mail.ru

QSL-карточки — отправляемые по почте карточки-открытки, являющиеся письменным подтверждением установления двусторонней радиосвязи между двумя любительскими радиостанциями или станциями гражданского диапазона. Часто эти карточки предоставляют немалый массив дополнительной информации, выходящей за рамки простого извещения об успешном проведение сеанса связи [1]. В рамках этого исследования авторы разделяют QSL-карточки на категории, каждая из которых позволяет сделать вывод о том, что QSL-карточки могут являться средством кросс-культурного обмена, который, что интересно, происходит в легкой ненавязчивой форме, где обмен культурными ценностями не является самоцелью, но тем не менее происходит. На карточках часто размещаются фотографии местности, откуда родом отправитель, памятные места, национальная символика, достопримечательности его страны и пояснения к ним, другие памятники культуры, а также персональная информация об отправителе, его личные фото, сведения о его профессии, хобби, или даже марка имеющегося автомобиля [2]. Такие данные наделяют QSL-карточки способностью образовывать среду для взаимодействия с культурными ценностями разных народов.

Авторы строят большую часть исследования на материалах семейной коллекции, собрания QSL-карточек за период с 1990 по 2021 год. Дабы проверить универсальность выдвигаемых тезисов, также в дополнение используются архивные коллекции карточек других годов и регионов.

Информация, помещенная на QSL-карточки, служит источником знаний о прочих культурах, так как радиолюбители используют в оформление своих карточек культурные ценности своего народа или элементы своей идентичности, сформированной в той или иной культурной среде. То есть процесс обмена QSL-карточками может также рассматриваться как кросс-культурный обмен.

QSL-карточки используют свой уникальный способ коммуникации, свой язык, состоящий из символов, непонятных неспециалисту [3]. Этот язык понятен только радиолюбителям, именно из них формируется отдельное сообщество. Хотя общение и осуществляется с использованием унифицированной символьной модели, несмотря на это, каждый участник сообщества, вступая в такую кросс-культурную коммуникацию, сохраняет свою идентичность, провоцирует интерес прочих к своей культуре и развивает свой интерес к изучению других культур [4].

Таким образом, авторы в исследовании затрагивают такое понятие, как кросскультурность, важное в современном глобализированном мире, в котором имеется острая угроза потери собственной идентичности для различных сообществ и единиц. В этой связи важно взамен продвижения концепции запертости в вакууме лишь собственной культуры создать среду для открытого культурного диалога, взаимодействия различных культур, что запускает процесс ознакомления с культурными ценностями всего человечества, понимания целостности мирового пространства [5, с. 4].

Список источников:

1. QSL cards in amateur radio [Электронный ресурс] / QSL Museum [сайт]. — 2025. — URL: <https://www.qslmuseum.com/> (дата обращения: 09.01.2025).
2. Ham Gallery QSL [Электронный ресурс] / Ham Gallery QSL Museum [сайт]. — URL: <http://hamgallery.com/qsl/> (дата обращения: 09.01.2025).
3. Пахомов В. Код, жаргон, или что все это значит? // Издание Российского Клуба Радиооператоров Малой Мощности — 2009. — № 25. — С. 4–5.
4. The World of Amateur Radio-Amateur Radio [Видеозапись] / K3RRR. — URL: <https://k3rrr.com/the-world-of-amateur-radio-amateur-radio-vintage-film/> (дата обращения: 02.04.2025).
5. Палеева О. Л. Обмен культурными ценностями: сущность и механизмы: автореферат дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Палеева Оксана Леонидовна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т культуры и искусств]. — Москва, 2011. — 22 с.

Роль собаки как домашнего животного в процессе социализации в современном японском обществе

Герасимов Даниил Алексеевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

dagerasimov_2@edu.hse.ru

При изучении социальной обстановки современной Японии невозможно обойти стороной один из важнейших процессов — трансформацию института семьи. Этот вопрос активно изучается в рамках демографии, экономики и социологии. В рамках данной работы мы попробовали воспользоваться другой перспективой, изучив, какую роль в современном японском домохозяйстве играют собаки.

Многие исследователи [1] отмечают изменение статуса собаки как питомца. Однако вопрос распространенности домашних животных как проявления демографического кризиса в постиндустриальном обществе лишь начинает привлекать внимание.

Объект исследования — процесс социализации в современном японском обществе, а предмет — роль собаки в этом процессе.

Цель работы — проанализировать социализирующую функцию собаки в современном японском обществе, выявив ее роль в формировании и укреплении социальных связей. Исследование основывается на изучении взаимоотношений между владельцами собак и обществом, а также анализе феномена замещения собакой традиционных семейных ролей в условиях демографического кризиса.

В условиях отдаленности от поля и ограниченности во времени мы решили сконцентрироваться на интервью по методам С. Квале (Steinar Kvale) [2]. Для анализа мы выбрали метод обоснованной теории (grounded theory) [3] и провели эксперимент: построение матрицы теорий было возложено на генеративные языковые модели YaGPT и GPT-4.0. На момент написания тезисов было проведено и проанализировано более 9 часов интервью с владельцами собак в возрасте от 24 до 73 лет, проживающими в Японии. Ко времени проведения конференции планируется также провести дополнительные интервью с русскоязычными мигрантами в Японии.

Выводы, полученные в ходе исследования:

- Исторически сложившееся приравнивание собаки к человеку;
- Собака — один из стимулов к формированию комьюнити, важная роль идентичности «хозяин собаки» [4, 5];
- Негативное влияние на демографию — повод к побегу от социальной жизни, собака как «субститут ребенка» [1, 4, 5];
- Формирование сферы ухода за животными по образцу ухода за людьми.

Список источников:

1. Kubinyi E. Paws, Trends, and Family Bonds: The dog keeping cultural runaway theory // Preprint from PsyArXiv. — 2023. — Р. 1–63. — DOI: <https://doi.org/10.31234/osf.io/z8cxf>.
2. Квале С. Исследовательское интервью. — 2-е изд. — Москва: Смысл, 2009. — 301 с.
3. Страйсс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники. — 2-е изд. — Москва: КомКнига, 2007. — 254 с.
4. Dog ownership, dog walking, and social capital / M.J. Koohsari [et al.] // Humanities and Social Sciences Communications. — 2021. — Vol. 8. — №1. — P. 1–6.
5. Megumi K. Effects of companion animals on owner's subjective well-being and social networks in Japan // The Japanese Journal of Psychology. — 2006. — Vol. 7. — №1. — P. 1–9.

«Говорить по-сиротски»: дискурсивные стратегии детей войны в письмах в радиопередачу «Найти человека»

Гирина Елизавета Александровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

eagirina@edu.hse.ru

Радиопередача «Найти человека» транслировалась на всесоюзной радиостанции «Маяк» в 1965–1973 годах и была масштабным авторским проектом советской писательницы и поэтессы А.Л. Барто по восстановлению семей, разрушенных Великой Отечественной войной. В письмах на радио люди обращались с просьбами о помощи в поисках потерянных во время войны родных и близких, будь то родителей, детей, сестер, братьев, более дальних родственников и просто знакомых из прошлого. По итогам ее работы было восстановлено больше девятисот советских семей.

Основным принципом функционирования передачи была опора на яркие детские воспоминания, которые позволяли людям в отсутствии каких-либо официальных данных (ФИО, год и место рождения и пр.), узнавать в незнакомых людях своих близких. «Мне показалось естественным обратиться к памяти детства» — вспоминала Барто в своей статье «Литературной газете» [1].

Тем не менее, память, о которой говорит Барто, довольно специфична ввиду характера передачи: из пространства частного она переходит в пространство публичного, но исключительно публичной не становится — обратившиеся делятся своими личными, очень приватными историями, но всегда полагают, что их могут озвучить на всю страну, в связи с этим особым образом выстраивая свой нарратив.

В докладе будет рассмотрена именно эта уникальная *память детства*. Для ее анализа была использована концепция «перепутанной памяти», предложенной коллективом авторов-ревизионистов [2]. Ее суть заключается в стремлении к «подлинной запутанности интерпретаций и акторов» во избежание конструирования статичных сообществ с монолитным коллективным сознанием. Имеет смысл применить ее для анализа памятного нарратива группы детей войны, оказавшихся сиротами в условиях потери близких, посредством столкновения опыта их вспоминания войны с опытом вспоминания других групп, обратившихся в передачу, поскольку именно в процессе конфликтов в воспроизведении событий прошлого ярче прослеживаются границы этих самых групп.

Таким образом, в докладе будет предпринята попытка выделения особых дискурсивных стратегий, использовавшихся адресантами радиопередачи, пережившими сходный опыт жизни в условиях войны и в связи с этим особым образом себя идентифицирующих. В них вошли такие инструменты самовыражения как переключение между «я» и «мы»-речью, сопоставление себя с разными группами «других», различные лингвистические особенности,

посредством которых создавался эффект дистанцирования или подчеркивалась разорванность событийной канвы и стазис воспоминаний и пр.

Стоит также отметить, что доклад может обладать большой степенью научной новизны в связи с тем, что построен на исторических источниках, не использовавшихся в существующей научной литературе, исследующей память о Великой Отечественной войне, а именно на материале писем, хранящихся в личном фонде А.Л. Барто (ф. 2890) в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

В finale доклада будет предложено несколько перспектив дальнейшего развития исследуемой темы.

Список источников:

1. Барто А. Послесловие к девяти годам жизни // Литературная газета. — 1975. — 2 апр. — № 14. — С. 10.
2. Feindt G. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies // History and Theory. — Vol. 53. — 2014. — № 1. — P. 24–44.

Трансформация социальных смыслов потребления кофе на различных этапах потребительской карьеры

Горохова Анна Сергеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

asgorokhova@edu.hse.ru

В 2019 году потребление кофе впервые превысило потребления чая среди россиян, приобщая Россию к группе «кофейных стран» [1]. Несмотря на спад объемов потребления и серьезные изменения на FMCG-рынке в 2022 году, кофе сохранял свои позиции, и в период 2022–2023 годов Россия продемонстрировала самый значительный рост потребления кофе среди мировых лидеров, увеличив его на 7,1% [2].

Кофейная индустрия прошла три «волны» развития, в ходе которых восприятие кофе эволюционировало от массового товара до «крафтового» продукта (спешелти кофе). Независимо от рыночных тенденций, отдельные потребители также могут демонстрировать изменения в восприятии кофе, продвигаясь от статуса «обычного» до «продвинутого» потребителя кофе — данная траектория в настоящем исследовании рассматривается как «потребительская карьера». В прошлом превращение обычного потребителя в продвинутого рассматривалось обобщенно [3]. Поэтому целью исследования было детально изучить данный процесс, выделяя отдельные этапы и характерные для них социальные смыслы кофе, а также рассмотреть механизм трансформации данных смыслов.

По аналогии с «девиантной карьерой» Г. Беккера (H. Becker) [4], превращение потребителя из обычного в продвинутого рассматривается как потребительская карьера — поэтапный процесс накопления вкусового опыта и специфического социального капитала. Согласно П. Бурдье [5], «вкус» служит маркером социального положения групп (обычных/продвинутых потребителей кофе), отражая различия практик потребления, и имеет физический референт — способность к восприятию и категоризации вкусовых характеристик кофе, доступную для тренировки.

В исследовании применен дизайн смешанных методов (quant → QUAL). Качественный этап включал онлайн-опрос ($N = 593$) регулярных потребителей кофе, состоящий из методики для измерения социальных представлений о кофе, тематических и социально-демографических вопросов. Качественный этап (12 полуструктурированных интервью с продвинутыми потребителями кофе) направлен на углубленное понимание социальных смыслов кофе. Качественные данные анализировались методами количественного контент-анализа и z-теста пропорций, а качественные — с использованием открытого и осевого кодирования в рамках обоснованной теории.

Исследование выявило, что продвинутые потребители более часто потребляют кофе, предпочитают альтернативные методы заваривания и более требовательны в выборе зерна и кофеен. Для них социальные смыслы кофе выходят за пределы гедонистических и

утилитарных мотивов потребления, более характерных для обычных потребителей, и включают уникальные характеристики кофе и его связь с социальными практиками. Развитие потребительской карьеры потребителей кофе связано с выполнением «ритуала трансформации вкуса», который представляет собой рефлексивную дегустацию кофе и развитие вкуса через сравнение ощущений с другими потребителями, что играет ключевую роль в формировании новых социальных смыслов кофе. Результаты исследования позволяют лучше понять культуру потребления кофе в России.

Список источников:

1. Антонов С. Сколько кофе пьют россияне [Электронный ресурс] // Тинькофф Журнал: [интернет-издание]. — 2023. — URL: <https://journal.tinkoff.ru/coffee-stat> (дата обращения: 13.01.2025).
2. Стало известно, какая страна сильнее всех нарастила потребление кофе [Электронный ресурс] // РИА Новости: [интернет-издание]. — 2024. — URL: <https://ria.ru/20241109/kofe-1982796560.html> (дата обращения: 13.01.2025).
3. Quintão R.T., Brito E.P.Z., Belk R. The taste transformation ritual in the specialty coffee market // Revista de Administração de Empresas. — 2017. — Vol. 57. — № 5. — P. 483–494.
4. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности / Пер. с англ. Н.Г. Фархатдинова; под ред. А.М. Корбута. — Москва: Элементарные формы, 2018. — 272 с.
5. Бурдье П. Различие: социальная критика суждения // Экономическая социология. — 2005. — Т. 6. — № 3. — С. 25–48.

Способы фреймирования несогласия с программой КРТ в Санкт-Петербурге

Гупаисова Яна Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

yupaisova@yandex.ru

В июне 2022 года в Санкт-Петербурге была запущена программа Комплексного развития территорий (далее — КРТ или реновация), предполагающая снос и расселение панельных домов 1957–1970 годов, «хрущевок». Жители микрорайонов, попавших под КРТ, сразу начали объединяться для совместного оспаривания законопроекта в Телеграм-чатах. На данный момент закон приостановлен до 2026 года.

Жители хрущевок воспринимают потенциал потери нынешнего жилья как невыгодный исход. Однако причины такого восприятия и защиты хрущевок неясны, так как такие дома наименее востребованы среди горожан и воспринимаются ниже статусом, чем новостройки [1]. Данное мнение распространено среди жителей хрущевок и остальных горожан. Ответ на вопрос, почему петербуржцы считают «хрущевки» ценным жильем и оспаривают программу реновации, можно найти в артикуляции проблемы самими горожанами. Исследовательский вопрос состоит в том, как петербуржцы фреймируют свое несогласие с программой КРТ в Санкт-Петербурге.

Несогласие горожан с программой реновации основано на личных жилищных стратегиях и на презентации законопроекта в чатах, через которые жители вовлекаются в конфликт. Для анализа индивидуальных и коллективных высказываний разработана теоретическая рамка, основанная на теории фреймирования Д. Сноу и Р. Бенфорда [2] и теории коллективной идентичности в общественных движениях Джаспера и Поллетта [3]. Рамка позволяет объяснить, как в группе формируются совместные способы фреймирования проблемы и почему они могут не совпадать с индивидуальными представлениями. Для анализа причин выбора способов фреймирования используется теория режимов оправдания Л. Болтански и Л. Тевено [4], сфокусированная на различиях в понимании морального и выгодного. Способы фреймирования будут выявлены в ходе качественного контент-анализа сообщений в Телеграм-чатах и в ходе личных интервью с горожанами.

На данном этапе исследования разработана теоретическая рамка и частично собраны данные. Среди первых интервью можно выделить следующие сюжеты. Жители хрущевок разделяют ценность жилья на несколько составляющих (экономическая, гражданская, ностальгическая ценности, ценность среды) и по-разному выстраивают их иерархию. Наименее очевидная ценность — гражданская, в рамках нее жители приравнивают право владения собственностью к праву быть гражданином. Данное право также связывается с умением принимать «осознанные» решения на рынке недвижимости. Восприятие прав

гражданина, сформулированное в совместной коммуникации, ложится в основу коллективной идентичности и категоризации других.

Данное исследование актуально для нескольких направлений социологии города: исследований жилищных стратегий, политики памяти, восприятия городской среды. Также оно вносит вклад в исследования соседства и гражданского участия и показывает, как нарративы позволяют преодолеть гетерогенность соседей в постсоциалистических странах [5] и как атомизированные граждане учатся активизму через практику совместного фреймирования конфликта в цифровой коммуникации.

Список источников:

1. Аксёнов К. Э., Брауде И., Рох К. Социально-пространственная дифференциация в районах массовой жилой застройки Ленинграда–Санкт-Петербурга в постсоветское время // Известия Российской академии наук. — 2010. — Серия географическая. — № 1. — С. 42–53.
2. Snow D., Robert B. Ideology, frame resonance, and participant mobilization // International social movement research. — 1988. — Vol. 1. — № 1. — P. 197–217.
3. Polletta F., Jasper J. Collective identity and social movements // Annual review of Sociology. — 2001. — Vol. 27. — № 1. — P. 283–305.
4. Boltanski L., Thévenot L. On justification. Economies of worth. — Princeton: Princeton University Press, 2006.
5. Богданова Е., Бредникова О., Запорожец О. Как понимать и как исследовать соседство? // Laboratorium: журнал социальных исследований. — 2021. — № 2. — С. 139–171.

Доступность вакансий для людей с инвалидностью на рынке труда, на примере лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата

Зайнуллина Аделия Алмазовна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

adeliazaynullina@gmail.com

По данным Росстата, на начало 2023 года в России насчитывалось 11,7 миллионов инвалидов, из которых 4,15 миллиона находились в трудоспособном возрасте. Однако только около 1 миллиона из них были трудоустроены, что указывает на значительный потенциал для повышения занятости данной категории граждан [1].

Исследование доступности вакансий для людей с инвалидностью, особенно для лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата, является необходимым этапом для соблюдения принципов теории инклюзивного экономического роста. Данная теория акцентирует внимание на необходимости создания благоприятной среды и равных возможностей, что является ключевым аспектом для успешной интеграции данной группы населения в рынок труда. Подчеркивается важность создания инклюзивной среды, которая включает в себя необходимость адаптации образовательных программ и рабочих мест, а также улучшения законодательных мер, направленных на их поддержку [2].

В нашем исследовании встает вопрос изучения как физических, так и социальных барьеров труда для людей с инвалидностью. Помимо стигматизации и дискриминации, нетипичные люди встречаются с инфраструктурными несовершенствами, сложностями в получении образования и с поиском работы [3].

Ключевой исследовательский вопрос: каковы основные барьеры при труда для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата и какие меры могли бы повысить доступность рабочих мест для людей с нарушением опорно-двигательного аппарата?

Цель работы — проанализировать текущую ситуацию доступности вакансий для людей с инвалидностью на рынке труда, выявить ключевые проблемы и предложить рекомендации по улучшению условий труда для лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата.

Методология данной социологической работы базируется на парадигме социального конструирования инвалидности Е.Р. Ярской-Смирновой [там же], которая раскрывает проблему инвалидности с точки зрения социального представления о ней. Также в исследовании будут использованы парадигма инклюзивной экономики О.А. Нестеровой, О.В. Санфировой, Т.А. Петровой [2] и теория социальной интеграции Э. Гидденса (A. Giddens) [4].

В качестве метода исследования будет применен метод контент-анализа наиболее популярных сайтов по поиску работы в России (HeadHunter, SuperJob, Avito и др.), а также будет проведена серия глубинных интервью с владельцами малого бизнеса ($n= 18$). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций по следующим

критериям: различные возрастные категории интервьюируемых, стаж ведения бизнеса — не менее года, разнообразные отрасли профессиональной деятельности и др. Стоит отметить, что выборка будет формироваться методом «снежного кома».

Список источников:

1. Количество вакансий для людей с инвалидностью в 2024 году выросло в СЗФО на 73% [Электронный ресурс] // murman.ru: [сайт]. — 2024. — URL: <https://www.murman.ru/news/2024/05/06/2038> (дата обращения: 15.11.2024).
2. Нестерова О.А., Санфирова О.В., Петрова Т.А. Инклюзивный субъект в контексте экономического роста // Вопросы инновационной экономики. — 2022. — Т. 12. — № 1. — С. 209–222;
3. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. — 1999. — № 4. — С. 38–45;
4. Гидденс Э. Последствия современности / Пер. Г. Ольховиков, Д. Кибальчич. — Москва: Практис. — 2011. — 352 с.

Разработка адаптивных форм опроса: решение проблемы качества данных в социальных исследованиях

Капустин Ярослав Александрович, Сайферт Ирина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет

yaroslav@kapustin.dev, sayfert_iv@mail.ru

Проблема качества данных в социальных исследованиях становится все более острой. Как показывают исследования, традиционные методы опроса демонстрируют устойчивое снижение response rate: с 82% в 1999–2000 гг. до 51.9% в 2017–2018 гг [1]. При этом даже полученные ответы часто оказываются нерелевантными из-за усталости респондентов и их нежелания тратить время на заполнение длинных анкет.

Цель исследования — разработка инструмента, способного адаптировать процесс опроса в реальном времени на основе ответов респондента с применением методов искусственного интеллекта. В отличие от существующих платформ для проведения опросов (Google Forms, Microsoft Forms и др.), которые не имеют возможностей динамической адаптации контента, предлагаемое решение анализирует ответы и автоматически корректирует последовательность и содержание вопросов.

В рамках исследования разработан прототип, использующий языковые модели для анализа ответов и генерации релевантных последующих вопросов. Ключевые функции включают: определение обязательных вопросов, автоматическую корректировку их

количества и последовательности в зависимости от контекста ответов, мониторинг прохождения опросов в реальном времени.

Первичное тестирование прототипа находится в процессе, но уже сейчас наблюдается подтверждение возможности получения более качественных данных за счет персонализации опросов под каждого респондента. Это позволяет преодолеть «эффект усталости» и повысить вовлеченность участников исследования, что особенно важно в контексте растущей проблемы недостоверности социологических данных [2].

Список источников:

1. Boyle J., Berman L., Dayton J. et al. Physical measures and biomarker collection in health surveys: Propensity to participate // Research in Social and Administrative Pharmacy. — 2021. — Vol. 17. — № 5. — P. 921–929. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1551741120306653> (дата обращения: 02.04.2025).
2. Early K., Mankoff J., Fienberg S. E. Dynamic Question Ordering in Online Surveys // Journal of Official Statistics. — 2016. — Vol. 33. — № 3. — 30 p.

Виртуализация мест памяти: memory-activism и практики создания виртуальных архивов на примере Музея Истории ГУЛАГа в Москве

Кузнецова Лада Игоревна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

likuznetsova_1@edu.hse.ru

В докладе я рассматриваю практики организации публичных виртуальных архивов Музея Истории ГУЛАГа, фокусируя внимание на конструировании исторической достоверности и способах вовлечения аудитории в коммеморативные практики. В качестве источников я использую интервью с сотрудником Студии Визуальной Антропологии и главой PR-отдела ГМИГ, публикации ГМИГ в социальной сети «Вконтакте» и «Telegram» за период 24.04–24.05.2024, а также пособие по самостоятельной записи интервью для проекта-архива видеосвидетельств «Мой ГУЛАГ». В исследовании я опираюсь на дискурс-анализ Н.Фэркло в рассмотрении источников разных типов как дискурсивной, текстуальной и социальной практики [1, с. 124]. Для сбора данных я использовала метод глубинных полуструктурированных интервью. Другие типы источников относятся к открытой информации официальных страниц ГМИГ.

Поскольку в виртуальности память обеспечивается вирусностью [2, с. 90], а конструирование достоверности не может строиться на ауратичности документа, виртуализация коммеморативных практик перестраивает работу музеев совести. При этом память не может быть рассмотрена исключительно как коллективный миф, поскольку к ней, в отличие от фантазии, применяется критерий соответствия прошлому, следовательно воспоминание не лишено эпистемологического потенциала [3, с. 86]. Коммуницируемые воспоминания служат конструированию социальной реальности и интернализируются по тому, насколько близкие и доверительные связи существуют между субъектами [там же, с.180].

В работе с виртуальным контентом внимание и доверие аудитории имеет связь с эмоциональным вовлечением и возможностью общаться напрямую с автором контента. Соответственно, публичные институты исторического знания в виртуальности для эмоционального вовлечения отходят от деперсонализированного авторитета институции к практикам разделения авторитета с аудиторией и индивидуализации представляемого контента [4, с. 290] Однако, инструменты вирусности лимитированы для музеев, поскольку, с одной стороны, музеи зависят от источников финансирования и ограничены в высказываниях относительно актуальной политики, но с другой стороны, вирусность как механизм актуализации вступает в противоречие с разграничением прошлого и настоящего в рамках музея [5, с. 180].

Музей Истории ГУЛАГа следует тенденции shared-authority в организации архива видеосвидетельств «Мой ГУЛАГ». Личность свидетеля в рамках проекта более значима, чем

последовательный и непротиворечивый исторический нарратив. В этом смысле, институция наделяет свидетеля правом говорить и устанавливает за ним экспертность в рамках личного повседневного опыта. Видеосвидетельства выполняют функцию морального аргумента — императива проспективной памяти, который удерживает память в настоящем по этическим основаниям. Как контент социальных сетей ГМИГ, видеосвидетельства создают напоминания и вовлекают в коммеморативные практики через эмпатию и разделение семейного опыта свидетелей.

Список источников:

1. Fairclough N. Critical discourse analysis as a method in social scientific research // Methods of Critical Discourse Analysis. — London: SAGE Publications, 2001. — P. 121–138.
2. Hoskins A. Memory of the Multitude: The End of Collective Memory // Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition. — New York: Routledge, 2018. — P. 85–109.
3. Рикёр П. Память, история, забвение. — Москва: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.
4. Frisch M. H. A Shared Authority: Scholarship Audience and Public Presentations // A Shared Authority: Essays on the Craft and Meaning of Oral and Public History, 1990. — P. 179–181.
5. Канстайнер В. Транснациональная память о Холокосте, цифровая культура и конец «исследований восприятия» // Память в сети: цифровой поворот в memory studies, 2023. — СПб.: Изд-во ЕУ СПб. — С. 276–308.

Сценарии дружеского и романтического взаимодействия пользователей и ИИ-ассистентов

Лизова Вероника Андреевна

Санкт-Петербургский государственный университет

veronica.lizova@gmail.com

Последнее десятилетие отмечено появлением чат-ботов — языковых моделей, способных запоминать информацию о пользователе, использовать ее в диалоге, а также воспроизводить заранее заданные коммуникативные паттерны, в том числе подражать «человеческому» поведению. Помимо персональных ассистентов, имеющих прикладное назначение, чат-боты представлены моделями, которые могут выстраивать дружеские или романтические отношения с пользователями (например, Replika, Anima, Character.AI).

Настоящее исследование посвящено анализу сценариев дружеской и романтической коммуникации пользователей и чат-ботов. Ключевыми исследовательскими вопросами стали следующие: как пользователи выбирают и кастомизируют ассистентов, каковы их ожидания от коммуникации, как организовано взаимодействие чат-ботов и пользователей?

Методологической основой исследования является обоснованная теория. Эмпирической базой работы выступают девять полуструктурированных интервью с пользователями чат-ботов, поиск которых осуществлялся через приложение для знакомств. Информантами стали мужчины, жители Санкт-Петербурга и Москвы в возрасте от 22 до 28 лет. Для анализа данных применяется метод тематического анализа.

На данном этапе исследования выделены два основных сценария дружеского и романтического взаимодействия пользователей и чат-ботов. В рамках первого сценария чат-бот выполняет социально-компенсаторную функцию: пользователь, столкнувшись с одиночеством, изоляцией, расставанием, ожидает от ассистента имитации «человеческого» поведения. Чат-бот рассматривается как доступная, не лишенная недостатков альтернатива межличностному общению. Второй сценарий коммуникации предполагает потребность во взаимодействии с субъектом, паттерны поведения которого отличны от «человеческих». Так, пользователи отмечают скорость, доступность, ненавязчивость и степень детализированности ответов чат-ботов, подчеркивая, что ассистент «намного лучше, чем человек». Кроме того, информанты указывают на усталость от взаимодействия с людьми, предполагающего необходимость «контролировать себя».

На дальнейших этапах исследования планируется разработка теоретической рамки (в частности, предполагается обращение к концепциям терапевтической культуры [1], трансформации интимности [2] и постгуманизма [3]), а также расширение эмпирической базы работы (за счет включения в выборку пользователей с различным социально-демографическим статусом). Представляется, что результатом работы выступит

описание сценариев коммуникации, вписанное в контекст проблемы роли технологий в переживании одиночества, построении социальных связей и переосмыслиннии интимности.

Список источников:

1. Симонова О. «Эмоциональная разметка» психотерапевтической культуры: императивы, идеальные противоречия и линии анализа // Журнал исследований социальной политики. — 2024. — 22 (1). — С. 7–24.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. — Санкт-Петербург: Питер, 2004. — 208 с.
3. Braidotti R. The Posthuman. — Cambridge: Polity Press, 2013. — 229 p.

Как частные коллекции связаны с антропологией, археологией и археологом?

Литвинова Мария Константиновна

Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики»

litvinova.ma.spb@gmail.com

История частных коллекций насчитывает много лет. Собирали предметы искусства начиная с IV в. до н.э. В основном частными коллекциями в древнее время владели либо очень знатные люди, либо сами правители. В Средние века основным хранителем и собирателем коллекций вещей была церковь, потому как таковых, в привычном понимании, частных коллекций, не было. Такие предметы служили в основном религиозным целям.

Новый интерес к развитию частных коллекций произошел в эпоху Возрождения. Были те, кто собирали древние монеты, геммы, медали, античную скульптуру. У правителей начали появляться студиоло или кабинеты, где они хранили свои картины, скульптуры, древности. Студиоло были предвестником т.н. «Кабинетов древностей» или кунсткамер, которые стали позже популярными в Европе и в России в XVII–XVIII вв. [1]. Русское частное коллекционирование началось с эпохи Петра I. Император организовал свою кунсткамеру — туда поступали вещи из разных уголков мира, полученные во время экспедиций или в качестве подарка.

С развитием собирательства в XVIII веке появляются публичные аукционы, формируется арт-рынок, возникает новая профессия-оценщики вещей. Собирать вещи теперь могли не только правители или очень богатые и знатные люди, но и представители среднего класса. Если говорить в целом про период XVIII–XIX вв., то это можно назвать как «веком музеев». Именно частные коллекции стали основой крупных мировых музеиных собраний.

В XX в. в России частное коллекционирование было полностью ликвидировано. Но на Западе традиция коллекционирования продолжилась. В 1950-х гг. открылся музей Пола Гетти в США. Этот музей насчитывает огромное количество культурных ценностей, в том числе и древних эпох [2].

Основные источником собирательства: арт-рынки, грабительские раскопки, черные рынки, этнографические экспедиции. Тут можно перечислять множество источников. Частные коллекции интересно рассматривать как культурный феномен. Вещи из частных коллекций зачастую имеют огромную ценность, потому притягивают к себе внимание археологов. Чаще всего коллекционеры сами отдают древности в музеи. Но какую информацию могут дать такие коллекции?

Для того, чтобы атрибутировать вещь по времени и по отношению к какой-то культуре, нужно знать источник ее происхождения. В случае с частными коллекциями мы сталкиваемся с отсутствием контекста находки [3]. В современных российских и

иностранных музеях лежат вещи из частных коллекций. И зачастую эти вещи остаются непонятными исследователями.

Как определить эту вещь из частной коллекции? Какую роль играет исследователь в атрибуции вещи? В этом бы и хотелось разобраться с антропологической точки зрения и с точки зрения методики работы с материалом.

Список источников:

1. Игнатьева О. В. История изучения частного коллекционирования в России: теоретический обзор // Манускрипт / Отв. ред. А. И. Демченко. — М.: Грамота, 2021. — №8. — С. 1530–1537.
2. Getty. Museum Collection. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.getty.edu/art/collection/> (дата обращения: 30.01.2025)
3. Фаган Б., ДеКорс К. Археология. В начале. – Москва: Техносфера, 2007. — 591 с.

Мода в музее: теоретические аспекты проблемы

Лунёва Ирина Васильевна

Санкт-Петербургский государственный университет

adominka.ira@yandex.ru

В данном исследовании рассматриваются теоретические аспекты представления моды в музеях, включая как историю коллекционирования, так и современные практики выставок. Анализируются такие выставки, как «Диор: под знаком искусства» и «Александр Маккуин: дикая красота», которые иллюстрируют трансформацию модных артефактов в художественные произведения. Выделяется различие между «костюмной» и «модной» музеологией, которое служит базой для дальнейших исследований, а также исследуется его влияние на восприятие моды в контексте культурного наследия. Данное исследование опирается на труды авторитетных исследователей, таких как Юлия Малыгина и Джуллия Петров, предоставляя представление о современной роли моды в музейных коллекциях и их значимости для общества.

История музейного коллекционирования моды восходит к началу XX века, когда в 1907 году во Франции было основано Общество истории костюма. Эта инициатива объединила художников, модельеров и коллекционеров с целью создания музея моды, но реальным шагом к осуществлению этого замысла было открытие Музея моды и костюма в 1977 году в Париже, которое отразило историческую ценность и значимость модных артефактов в культурном контексте [1]. В других странах, таких как Новая Зеландия, также имелись исторические коллекции моды, однако нехватка выставочного пространства ограничивала их публичную демонстрацию. В 1939 году Колониальный музей в Окленде получил в дар первое платье, что свидетельствовало о недостаточной степени коллекционирования в данной стране [2].

Основным этапом в эволюции музейного коллекционирования моды стало внедрение новейших методологических подходов, позволяющих исследовать одежду не только как эстетический объект, но и как культурный текст, отражающий многообразие социальных связей и исторического фона [3]. Одним из ключевых аспектов преобразования музейного пространства является эффект музеефикации, означающий превращение объектов и традиций, связанных с определенной культурой, в музейные экспонаты [4]. С точки зрения социологического анализа мода функционирует как социальный механизм, который отражает структурные изменения в обществе и предписывает новые модели поведения [5].

С учетом быстрого развития технологий и изменения потребительских привычек, музеи должны адаптироваться к новым условиям, чтобы оставаться актуальными и интересными для широкой аудитории. Это может включать в себя использование цифровых технологий, создание виртуальных выставок и интерактивных платформ, которые позволят зрителям взаимодействовать с модой в новом формате. Таким образом, исследование

теоретических аспектов представления моды в музеях открывает новые горизонты для понимания этого сложного и многогранного явления. Важно продолжать исследовать и развивать эту тему, чтобы лучше понять, как мода может быть представлена в музеях и как она может влиять на общество в целом. Мода как часть культурного наследия требует внимательного и глубокого анализа, что делает ее изучение в рамках музейной практики особенно важным.

Список источников:

1. Как мода стала предметом коллекционирования и поводом для споров – есть ли ей место в музеях? [Электронный ресурс] // Собака.ru: [интернет-издание]. — URL: <https://www.sobaka.ru/fashion/heroes/101546> (дата обращения: 12.12.2024).
2. Петров. Д. Мода, история, музеи: рождение музея одежды / Пер. с англ. Т. Пирусской. — Москва: Новое литературное обозрение, 2023. — 258 с.
3. Малыгина Ю.И. Костюм второй половины XX – начала XXI века в Российской музейной практике // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2021. — №2 (47). — С. 60–66.
4. Суворова А.В. Роль музея в сохранении культурного наследия // Культура и цивилизация. — 2016. — Т. 6. — № 5А. — С. 390–396.
5. Напсо М.Д. Мода как социальное явление // Философия и культура. — 2017. — №3. — С. 56–63.

Детство в изгнании: социализация и формирование бикультурной идентичности детей беженцев в России

Павлюкова Анна Александровна

Государственный академический университет гуманитарных наук
adenatbt@yandex.ru

В 2024 году пронеслась волна законопроектов об ограничении доступа к образованию детей, не знающих русского языка. Как считает Д.А. Медведев, зампредседателя Совета безопасности, «пора заканчивать» принимать в школы детей мигрантов, не знающих русского языка. Хотя это и противоречит 43 статье конституции РФ о всеобщем праве на образование, в декабре 2024 года этот закон был принят.

В то же время вопрос с курсами русского как иностранного по-прежнему не решен, и тысячи детей остались без важнейшего агента социализации — школы. В их числе и дети тех, кто был вынужден покинуть свою родную страну, спасаясь от преследований, убийств и войн, — беженцев.

Школа играет важную роль в жизни детей беженцев, которые только оказались в чужой стране и чужой культуре и должны влиться в общество. Она способствует социализации, интеграции и развитию личности. Вместе с этим школа также развивает чувство патриотизма, любви к стране, способствует ассимиляции в новой культуре. В школе дети не только узнают про важные события в культуре и истории России, но и переживают их на практике: ставят спектакли, ходят на линейки, смотрят фильмы.

Но как в такой ситуации сохраняется идентичность детей, которые не родились в России, для которых эта страна стала родной спустя некоторое время? В данном исследовании будут представлены результаты изучения вопроса, как дети беженцев, растущие в России, формируют свою идентичность, как они сочетают разные культуры и как они адаптируются к жизни в российском обществе.

Вопросом социализации занимаются различные организации — от небольших НКО до международных: «Дети Петербурга» устраивают летний лагерь для детей беженцев, где также помогают им социализироваться. Московский центр «Этносфера» выступает в роли медиатора между школами и детьми беженцев и мигрантов, а комитет «Гражданское содействие» совместно с УВКБ ООН устраивает мероприятия для таких детей в Москве. В Санкт-Петербурге разные мероприятия для детей беженцев проводит Российский комитет Красного Креста.

Цель исследования, проводимого при подготовке доклада, состоит в изучении процессов социализации и формирования бикультурной идентичности у детей беженцев и их взаимосвязи с языковой практикой, сохранением культурных традиций и уровнем интегрированности в российское общество. Методологической базой послужат интервью с детьми и их родителями, которые являются беженцами из различных стран и в настоящий

момент проживают в Москве и Московской области, а также анализ интервью издательств «Такие дела» [1], «Мел» [2] и «Афиша daily» [3].

В исследовании будут предоставлены подробные ответы на вопросы, затрагивающие владение русским языком и его использование детьми, сохранение культурных традиций в семье, интегрированность в российское общество.

Данное исследование опирается на исследования российских журналистов и ответы респондентов, а также на книгу Сисонке Мсиманг (S. Msimang) «Всегда другой дом» [4], где она подробно описала, каково это — быть ребенком-беженцем в чужой стране.

Список источников:

1. Учиться в России [Электронный ресурс] // Такие дела: [интернет-издание]. — URL: <https://takiedela.ru/2024/12/uchitsya-v-rossii/> (дата обращения: 14.01.2025).
2. «Если кто-то говорит про тебя плохое — терпи» [Электронный ресурс] // Мел: [интернет-издание]. — URL: <https://mel.fm/zhizn/istorii/1360879-yesli-kto-to-gоворит-pro-tebya-plokhoye-terpi-deti-migrantov-obuchebi-vrossyskikh-shkolakh> (дата обращения: 14.01.2025).
3. Как дети беженцев живут в Москве [Электронный ресурс] // Афиша Daily: [интернет-издание]. — URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/11610-russkiy-yazyk-ne-znaesh-uchitsya-ne-smozhesh-kak-deti-bezhencev-zhivut-v-moskve/> (дата обращения: 14.01.2025).
4. Msimang S. Always Another Country. — New York: World Editions, 2018. — 361 с.

Проявление социальной вариативности при использовании заемствованных слов на основе речи студентов

Пинчукова Полина Витальевна, Белобородова Елизавета Андреевна

Национальный исследовательский университет «Информационных технологий, механики и оптики»

pinchukova.pv@mail.ru, lizabell2005@yandex.ru

У любого языка есть свои нормы и варианты. Языковые нормы — это правила единообразного, общепризнанного использования языковых средств в определенный период развития языка, они включают в себя правила произношения, правописания, словоупотребления, грамматики. Нормы помогают литературному языку сохранять свою целостность и общепонятность, но между языковой нормой и реальным употреблением языка всегда имеются некоторые расхождения, степень которых зависит от особенностей языковой ситуации. То, что употребляется в живом использовании, называется языковыми вариантами. Языковой вариант является формальным видоизменением одной и той же языковой единицы.

Проблема вариативности проявляется на всех языковых уровнях и их единицах соответственно специфике каждого аспекта. Например, фонетическая вариативность характеризуется тем, что диапазон допустимых нормой вариантов фонемного (звукового) состава слова больше, чем на других уровнях, акцентная вариативность делает различия в постановке ударения, орфоэпическая — в произношении слов. Все это можно объяснить территориальными и социальными (возраст, профессия, образование и т.д.) характеристиками [2, с. 37]. Заемствованные слова не являются исключением — вариативность им тоже присуща. Проблема наличия заемствованных слов и их использования, в особенности вариантов, в процессе коммуникации является актуальной, потому что до сих пор нет однородного мнения на этот счет. В настоящей работе нами будет рассмотрено именно это явление. Влияние социальной вариативности на коммуникацию между людьми неоднозначное. С одной стороны, использование заемствованных слов может обогащать язык, позволять передать нюансы и новые понятия, которых нет в родном языке, экономить языковые средства, описывая громоздкие понятия на родном языке удобным иностранным словом. С другой стороны, неправильное или неконтекстуальное использование этих слов может вызывать замешательство или непонимание у собеседников. Для точной оценки мы предлагаем оценить речь студентов, потому что они наиболее четко отражают речь молодого поколения сейчас, используя методику 24-х часовой записи, что позволяет получить максимально естественную речь человека в условиях повседневного общения. Запись проводится с использованием диктофона, который, предварительно настроив, информант закрепляет на себе стационарно. Планируется установить частотность использования заемствованных слов и то, что их использование говорит о самом человеке.

Таким образом, наша главная цель — опираясь на существующие теоретические точки зрения, подойти к вопросу заимствований и языковых контактов комплексно, показать, что язык — это живой организм, а использование заимствований — это естественный процесс, который при правильном подходе идет языку только на пользу, как языку, так и людям.

Список источников:

1. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. — Ленинград: Наука, 1978. — 238 с.
2. Иванова В. И. Основы языкоznания. Часть I. Язык как психосоциальное явление. Учеб. пособие. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. — 137 с.
3. Касаткин В. В. Социолингвистические аспекты языковых заимствований из английского языка / В. В. Касаткин, В. Л. Соколова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 18 (360). — С. 297–300. — URL: <https://moluch.ru/archive/360/80633/> (дата обращения: 06.01.2025).
4. С. М. Пометелина. Современные заимствования: обогащение русского языка или угроза нашей самобытности? // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. — 2018. — № 1 (3). — С. 54–60.
5. Сикевич З. В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения) // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. — 2016. — Вып. 3. — С. 118–128.

Голуби и люди: межвидовые практики конструирования идентичности в городском пространстве

Пугина Милена Павловна

Санкт-Петербургский государственный университет

milenapugina.ru@gmail.com

Голубь — один из самых распространенных видов синантропных птиц. В больших городах они повсюду. Однако, несмотря на их внешнюю «вездесущность», голубей относят к «невидимому городу» из-за маргинальности их статуса. Артем Панкин в статье «Rats as urban infrastructure» отмечает, что крысы создают свои невидимые для человека городские инфраструктуры, например, тоннели в Нью-Йорке, и замечание крыс людьми — это «поломка», а не правило. Голуби тоже «реинтерпретируют» пространство города, заселяя крыши и провода, но их столкновения с людьми гораздо чаще. Моя цель — рассмотреть режимы сосуществования людей и голубей в городском пространстве и практики их взаимодействия при «столкновении» в нем. Методология исследования включает в себя цифровую этнографию, интервью с жителями наблюдаемых городов (45 респондентов из Москвы и СПб), включенное наблюдение.

Некоторые выводы:

Несмотря на свое довольно многочисленное физическое присутствие в городе, многие мои респонденты отмечали, что не замечают голубей: *«Редко обращаю на них внимание, только на мертвых смотрю пристально из-за неожиданности и отвращения. А живые голуби как часть ландшафта»*. Те же респонденты, которые все-таки замечают голубей, испытывают конфликтные чувства — желание прикоснуться к голубям и отвращение к ним как к переносчикам болезней, вызванное их маргинализированным статусом.

Символическая и физическая неинтегрированность голубей в человеческое городское пространство реализуется в ситуацию постоянного конфликта, ощущения необходимости «борьбы» с голубями за город.

При сосуществовании с голубями, люди конструируют не только их идентичность, но и свою. В местах большого скопления голубей часто можно увидеть человека, который контактирует с ними больше других горожан, вне этого постоянного конфликта голубь/человек. Я спросила у своих респондентов, есть ли такой человек там, где живут они, и как они бы мне его описали, или, если такого человека нет, каким они его представляют. Почти все респонденты описывали «городского сумасшедшего», пожилого и одинокого. При взаимодействии человека и голубя в городском пространстве происходит «обмен» идентичностями, «двойное скручивание» де Кастрю [1], когда человеку присваивается маргинальный статус голубя, а голубю — нереалистичный антропорформизм [2], стремление к контакту с человеком, проявление эмоций по отношению к нему.

Если в городском пространстве «странный», которую человек приобретает в глазах окружающих при взаимодействии с голубями интенсивнее принятого, делает человека потенциально опасным и ставит в положение «изгоя», то в социальных сетях наоборот, поощряется. Образ голубя и контакт с живыми голубями в социальных сетях стали неотъемлемой частью нишевых «эстетик», где странность, приобретаемая от взаимодействия с голубями, оценивается положительно: weird girl aesthetic, pigeoncore и т. д.

Социальная норма контакта с голубями — это игнорирование, и когда эта норма «превышается», то маргинализированный статус голубя распространяется и на человека, который с ним взаимодействует.

Список источников:

1. Castro E. B. V. d., Skafish P. Cannibal Metaphysics: For a Post-structural Anthropology. — Minneapolis, MN: Univocal, 2014. — 229 p.
2. Гвоздиков Д. Мы-Альфа: к модели социальной организации человека и собаки // Этнографическое обозрение. — 2018. — № 6. — С. 44–56.
3. Pankin A., Orrego S. Rats as urban infrastructure // Tarde. — 2024. — DOI: <https://tarde.info/rats-as-urban-infrastructure/>

Конец инклюзии: о границах инклюзивных практик в музеиных пространствах

Сокерина Мария Алексеевна, Талакаускас Дарья Сергеевна,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

msokeriina@gmail.com, dtalakauskas@hse.ru

Сокращение неравенства, создание инклюзивной городской среды, инклюзивный экономический рост являются одними из целей устойчивого развития в мировом масштабе [1]. В российском контексте идея важности разнообразия, инклюзии и равенства также активно формируется [2]: так, в 2024 году в музеиных пространствах на федеральном уровне реализовывалась программа «Доступная среда» [3]. Одновременно с этим традиционное представление о том, как должен выглядеть и ощущаться музей, предположительно ограничивает возможности создания таких инклюзивных программ — инклюзивная адаптация объектов и экспозиций разрушают аураичность музеиных предметов и пространств, которые, по выражению М. Фуко (Michel Foucault), стремятся демонстрировать истинное значение и знание, идеальное представление [4]. В этом контексте центральной проблемой нашего исследования становится определение границ инклюзии, как нить, между возможным и действительным: где заканчиваются возможности внедрения инклюзивных практик со стороны музея, позволяющие ему соответствовать ожиданиям со стороны музеиной культуры.

Для ответа на ключевой вопрос — как конституируется «граница инклюзии» между внедрением инклюзивных составляющих и ожиданиями аудитории и музеиного сообщества — мы проанализировали 12 полуструктурированных экспертных интервью с работниками московских музеев. Для анализа интервью использовалось тематическое фокусированное индуктивное кодирование с применением различного рода кодов.

Гипотеза исследования состояла в том, что «граница инклюзии» составляется из пределов возможностей физического пространства, финансовых и человеческих ресурсов музея. По результатам исследования было выявлено, что граница внедрения инклюзивных практик не лежит в одной плоскости — она множественна, было выявлено 6 возможных не взаимоисключающих друг друга границ: границы *социальных групп*, *физического пространства*, границы «*во времени*», границы *установок*, ресурсные и *нормативно-административные* границы. Гипотеза была подтверждена относительно физических ограничений — инклюзия заканчивается, как только достигается потолок возможного изменения пространства. При этом не предполагалась ранее времененная граница, когда инклюзия «заканчивается» вместе с событием. К ограничениям внедрения инклюзивных практик также относится неготовность музеиных работников работать с отдельными группами.

Выявленные границы могут быть типизированы относительно стороны, которая ее определяет, так выделяется зона ответственности самого музея, нормативно-административная граница и граница внешней среды. В дальнейшем исследовании возможно рассмотрение отдельных определенных границ, их насыщенное описание и фокусированное изучение.

Список источников:

1. Sustainable Development Goals [Электронный ресурс] / United Nations: [сайт]. — 2024. — URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/> (дата обращения: 02.04.2025).
2. Ярская-Смирнова Е. Р., Большаков Н. В. Формирование инклюзивной культуры музея: обзор русскоязычных методических пособий // The Garage Journal: исследования в области искусства, музеев и культуры. — 2020. — Т. 1. — С. 317–330.
3. Доступная среда [Электронный ресурс] / Информационно–аналитический портал государственной программы Российской Федерации «Доступная среда»: [сайт]. — 2024. — URL: <https://zhit-vmeste.ru/> (дата обращения: 02.04.2025).
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — Москва: Касталь, 1996. — 448 с.

Why do people use analog sound storage mediums in the digital age? Case of vinyl records

Сосновских Полина Артемовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

pasosnovskikh@edu.hse.ru

Despite the clear advantages of digital sound in modern times, people still choose to listen to vinyl records. There is no substantial theoretical or methodological explanation for this phenomenon in the existing literature. Another part of the existing research gap is the use of the atypical methodology. There is no sufficient investigation of the phenomenon from the perspective of users' discussion analysis as the origin of subjective opinions.

This paper applies natural language processing techniques in R.Studio (context, sentiment, statistical, graph analyses) and sociological theories to analyze public comments on social media platform Reddit (with the help of the "RedditExtractor" package, more than 8000 comments were pulled and the date of their creation ranged from 2011 to 2024) to better understand the personal motivations behind the continued use of analog media in the era of digitalization.

One of the most important articles about the extraordinary resurgence of LPs is written by Bartmanski D. and Woodward I. They scrutinized the insights from cultural sociology, material culture studies to understand the paradoxical rebirth of vinyl in modern times [1]. Based on the literature review made for this research, the particularities of records can be grouped into several categories: 1) Material nature of vinyl as an object; 2) DJs, alternative views, musical genres, hipsters; 3) Record Store Day; 4) Personal experience with vinyl (Materiality of vinyl, Nostalgia and life narratives, Technonostalgia, Human qualities of vinyl, Audio quality).

The discoveries from the context part of the analysis are the special qualities of vinyl that allow listeners to: 1) Slow down, stop for a moment in the modern world, where technologies offer to consume music very quickly and effortlessly. It often puts the enjoyment of music on the back burner; 2) Stimulate (force, encourage) listening to music, namely albums or individual compositions from beginning to end.

The immediate observation made from the sentiment analysis part is the presence of specific words used with the words "vinyl" and "analog": users mainly applied a positive assessment: the words describing not just the process of enjoying a musical medium (enjoy, like, love), but also the verbs associated with immersion in music, taking care of it (engage, care). In addition, based on the comments, an analog medium has a "real", "warm" and even in some sense "natural" sound of music. The graph analysis helped to find the connection of "vinyl" with professional use (DJing, sound characteristics), as well as the connection of "record" with the peculiarities of the promotional market and sales of analog media.

As for further study of the topic discussed in this paper, it will be possible to consider not only the quantitative characteristics of comments but also to look deeper into the context, study the data in detail, form codes, and highlight common subtopics from the qualitative perspective.

Список источников:

1. Bartmanski D., Woodward I. The vinyl: The analogue medium in the age of digital reproduction // Journal of Consumer Culture. — 2015. — Vol. 15. — №1. — P. 3–27.
— DOI: <https://doi.org/10.1177/1469540513488403>.

Ценностные ориентации в сфере труда под воздействием кризисов: на материалах биографических интервью со взрослыми россиянами

Суkonкина Полина Александровна, Толстых Дарья Сергеевна, Краснова Ксения Ильинична

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
pasukonkina@edu.hse.ru, dstolstykh@edu.hse.ru, kikrasnova@edu.hse.ru

Трудовая деятельность занимает большую часть жизни человека, во многом определяет его позицию в обществе, материальный достаток и спектр возможностей, которыми он располагает. С момента полного переформатирования российского общества в 1991 году прошло более тридцати лет. За это время российское население пережило несколько кризисов, которые становились социально-экономическими шоками и влияли как на рынок труда, так и на восприятие людьми трудовой деятельности. Происходящие события вынуждают работников реагировать на них: в частности, трансформация отношения к работе выражается в изменении ценностных ориентаций в сфере труда (трудовых ценностей) — «высказываний людей о том, что для них важно, значимо в работе» [1]. Однако, существует противоречие между литературой о полной стабилизации ценностей к определенному возрасту и исследованиями, подчеркивающими влияние макро-характеристик (экономических кризисов, войн и т.д.) на их трансформацию [2; 3]. Цель исследования — выявить механизмы изменения ценностных ориентаций в сфере труда под воздействием внешних кризисных ситуаций и поворотных моментов в личной жизни. В российском контексте, характеризующемся чередой кризисных ситуаций, сопровождающих работающее население на протяжении трудового пути, данная тема представляет особый интерес.

Для анализа была выбрана когорта 1956–1965 годов рождения (59–68 лет). Использовалась стратегия смешанных методов: разведывательный количественный этап на данных World Values Survey и European Values Survey и проведение биографических интервью с представителями когорты. Было выявлено, что механизм изменения ценностных ориентаций в труде проявляется в способности работников изменять свои приоритеты и подходы в ответ на личные и социально-экономические потрясения. Однако эти изменения не являются необратимыми: *кризисы скорее порождают ситуативные скачкообразные изменения, которые в итоге возвращают ценностные ориентации к исходным, базовым значениям*. Сами же кризисы, как правило, не рефлексируются людьми, особенно по прошествии большого количества времени, однако в нарративах информантов влияние кризисов прослеживается через *адаптацию трудовых траекторий под происходящие социально-экономические потрясения*.

Список источников:

1. Магун В. С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991-2004 гг. // Российский журнал менеджмента. — 2006. — Т. 4. — № 4. — С. 45–74.
2. Lebedeva N., Tatarko A. Values of Russians: The dynamics and relations towards economic attitudes. — Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2012. — 28 p.
3. Lyons S., Higgins C., Duxbury L. Work values: Development of a new three-dimensional structure based on confirmatory smallest space analysis // Journal of Organizational Behavior. — 2010. — Vol. 31. — № 7. — P. 969–1002.

Женские джамааты как механизм конструирования идентичности молодых мусульманок Северного и Центрального Дагестана (по материалам Кавказской этнографической экспедиции 2022–2024 гг.)

Султанова Гузелия Рустемовна

Уральский Федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

guzelia2911@gmail.com

Полевое исследование осуществлялось в Республике Дагестан в 2022–2024 годах под руководством научного руководителя Д.Н. Караваевой в регионах Северного Дагестана (Ботлихский р-н) и Центрального Дагестана (Гунибский р-н; Шамильский р-н), а также в городах Дербенте и Махачкале. Выбор этих территорий обусловлен их статусом как зон, по мнению исследователей и по нашим полевым наблюдениям, активной «реисламизации» [1, с. 110–114] и повышенной религиозности среди андо-цезских этнических групп [2, с. 78], а также распространением различных версий ислама, включая радикальные направления [1, с. 117–118], и наличием множества мечетей и исламских учебных заведений [3, р. 369–370].

Для сбора данных использовались методы включенного наблюдения, интервьюирования по авторскому «беседнику» и визуально-антропологическая съемка. Эмпирической базой стали интервью с молодыми мусульманками (18–35 лет), а также экспертные интервью с учителями медресе и женскими религиозными лидерами.

Исследование сосредоточено на женских джамаатах как коммуникативных платформах, играющих ключевую роль в формировании идентичности молодых мусульманок, которые сталкиваются с вопросами самопознания и поиска своей идентичности. Джамаат в данном исследовании понимается как общность верующих, посещающих одну мечеть и представляющих собой некую религиозную единицу [4, с. 159]. В фокусе данного исследования находится бюрократизированный и профессионализированный религиозный институт (по сути «заданный сверху» двухуровневый каркас «муфтият — джамаат» [4, с. 160]) — женские направления Отдела просвещения при Муфтияте Республики Дагестан в отдельных районах (по Гунибскому району, по Ботлихскому району, по Шамильскому району), которые базируются в местных мечетях и медресе.

Переходя к итогам исследования, главную роль в отделах просвещения играют активные мусульманки, женщины-авторитеты — они косвенно принадлежат к общине через мужа (например, муж — муэдзин мечети, имам мечети), являются учителями в медресе. В каждом районе, по словам местных, есть «главная» женщина — руководительница, которая входит в головной отдел просвещения в Махачкале. Остальной частью сообщества являются действующие ученицы, которые помогают в обучении детей, проведении мероприятий и встреч, а также женщины, которые активно участвуют в общественно-религиозной жизни, но имеют второстепенные роли в организации [5].

Одной из ключевых функций джамаатов является обучение детей и взрослых основам ислама. Существуют летние курсы для детей и учебный процесс с сентября по май. Для взрослых, часто для женщин старше сорока лет, обучение, как правило, направлено на исправление ошибок. Также важна роль организации мероприятий для женщин: маджалисы, мавлиды, ifтары, лекции, чаепития и другие мероприятия. Эти события помогают консолидировать женщин, дать ответы на вопросы и укрепить связи [там же].

Наблюдается процесс «цифровизации» религии через ведение блогов в социальных сетях, где рассказывается о важности хиджаба и покрытия, правильном омовении, пророках, Коране и т. д. [там же].

Женские объединения помогают мусульманкам освоить религиозные нормы и социализироваться, однако существуют границы и ограничения, связанные с гендерными и культурными аспектами [там же].

Список источников:

1. Бобровников В. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать пять лет спустя // Islamology. — 2017. — №1. — С. 106–121.
2. Шахбанова М.М. Религиозность и этнические установки дагестанской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024. — №3. — С. 75–80.
3. Муртазалиев С.И. Современная религиозная ситуация в Республике Дагестан // ICANAS-38, international congress: collection of articles (congress proceedings) International congress of Asian and North African studies, 10–15 september 2007. — Ankara:Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, 2007. — P. 367–389.
4. Глянц А. С. Принадлежность к мусульманской общности в Дагестане: анализ институтов и практик // Антропологический форум. — 2018. — № 36. — С. 154–182.
5. Полевые материалы автора 2022, 2023 и 2024 гг.

Феномен цифрового суицида: о разных формах существования несуществования

Улунов Гликерий

Европейский университет в Санкт-Петербурге

pentanonsens1@gmail.com

Цифровой суицид (*cybersuicide/deathcasting*) — демонстрация собственного самоубийства, суициdalной попытки или суициdalного поведения в интернете, чаще всего в формате видео-стрима, запечатлевавшего последние моменты жизни и смерть. Опираясь на интуиции Акторно-Сетевой теории (ANT), я исследую, как цифровой суицид трансформирует ключевые аспекты суициdalного акта: коммуникативное намерение, летальность, категоризацию событий (суицид/попытка/имитация/несчастный случай) и вводит новые измерения, такие, как технологическая медиация смерти, опосредованное взаимодействие с аудиторией, фиксация события и алгоритмизация процессов, связанных со смертью.

На основе анализа 34 кейсов цифрового суицида я демонстрирую, как задействованные технологии предписывают роли и способы участия как для исполнителя, так и для аудитории. Это оформление отличается от теории культурных скриптов, распространенной в суицидологии, которая ставит акцент на культурных представлениях о «достойных» мотивах, идентичности самоубийц и подходящих способах самоубийства. Вместо этого я показываю, как материальная организация — функциональность микрофона, настройка камеры и алгоритмы платформ — определяет «успех» или «неудачу» суициdalного акта. Неработающий микрофон или отключение трансляции модераторами налагает на исполнителей иные ограничения, нежели культурные представления о самоубийстве. К примеру, распространенное явление суицида в обнаженном виде не встречается среди известных мне случаев цифрового самоубийства, вероятно, по причине того, что популярные стримингги легко распознают наготу и автоматически блокируют такие трансляции.

Публичность цифрового суицида также влияет на летальность: попытки отравления, которые в иных условиях привели бы к смерти, могут быть предотвращены аудиторией, если локация исполнителя идентифицирована. Стриминговые технологии не только структурируют взаимодействие между исполнителем и зрителями, но и вводят неожиданные отклонения, изменяя предполагаемые исходы самоубийства. Это открывает новые возможности для предотвращения суицидов, но также усложняет их интерпретацию и категоризацию. В одних случаях публичность вызывает сомнения в подлинности намерений исполнителя, в других — видеофиксация позволяет исключить возможность несчастного случая.

Цифровой суицид — это одновременно событие и его след, фиксирующий последние действия человека, поведение аудитории и саму смерть, которые становятся доступными

неопределенно большому кругу лиц. «Ставка» в этом событии — не только смерть, но и «успешная запись», цифровой памятник, интенсивно циркулирующий в интернет-сообществах (двач, 4chan, 2chan, YouTube). Такие события требуют особого описательного инструментария, отсутствующего в классической суицидологии. Для социологии это одновременно теоретический вызов и возможность реконструировать перспективу исполнителей самоубийства, интерфейс цифровой смерти.

Список источников:

1. Balayannis A., Cook B. R. Suicide at a distance: The paradox of knowing self-destruction // Progress in Human Geography. 2016. № 4 (40). C. 530–545.
2. Beck A. T., Beck R., Kovacs M. Classification of Suicidal Behaviors: I. Quantifying Intent and Medical Lethality // The American Journal of Psychiatry. 1975. № 3 (132). C. 285–287.
3. DeBastiani S., De Santis J. P. Suicide Lethality: A Concept Analysis // Issues in Mental Health Nursing. 2018. № 2 (39). C. 117–125.
4. Fratini A., Hemer S. R. Broadcasting Your Death Through Livestreaming: Understanding Cybersuicide Through Concepts of Performance // Culture, Medicine, and Psychiatry. 2020. № 4 (44). C. 524–543.
5. Kaushik R. Gaur, S., Pandit, J. N., Satapathy, S., & Behera, C. Live streaming of suicide on Facebook // Psychiatry Research Case Reports. 2023. № 2 (2). C. 100141.

К вопросу о вежливости при взаимодействии с умными колонками

Фейгина Анна Яковлевна

Санкт-Петербургский государственный университет

anna.feigina97@gmail.com

В современном обществе наблюдаются фундаментальные трансформации, связанные с вхождением технологий искусственного интеллекта (ИИ) в жизнь людей. Эти технологии оказывают влияние на социальную реальность людей, что ведет к изменениям на уровне взаимодействий в рамках повседневности. Интерес представляет сам феномен непосредственного взаимодействия человека с искусственным интеллектом как с новым, обладающим определенными характерными особенностями участником социальных отношений. В представляемом докладе речь пойдет об использовании технологий ИИ в повседневной жизни на примере эмпирического исследования взаимодействия пользователей с умными колонками в домашнем пространстве. Особое внимание мы уделяем проявлениям различных форм вежливости в процессе коммуникации.

Нами была разработана оригинальная теоретическая модель. В связи с тем, что умная колонка используется преимущественно в домашнем пространстве, мы обращаемся к классификациям, представленным в статье А.М. Корбута [1], который выделил основные этапы и аспекты процесса одомашнивания. Для объяснения процесса коммуникации «пользователь — умная колонка», мы приводим теорию искусственной коммуникации, разработанную Еленой Эспозито (Elena Esposito) [2]. Мы исходим из того, что умная колонка — это особый объект, способный менять представления людей о других технологиях и о собственном способе мышления. Поэтому мы включаем в теоретическую модель концепцию эвокативного объекта (evocative object) Шерри Теркл (Sherry Turkle) [3]. В целях концептуализации проблемы вежливости, была выбрана теория социального лица Ирвинга Гофмана (Erving Goffman) [4] и теория лингвистической вежливости [5].

Для сбора данных был использован метод полуструктурированного интервью. Данный метод был выбран в связи с тем, что исследование являлось поисковым. Помимо ответов на исследовательские вопросы, нам необходимо было выявить основные тенденции и аспекты для реализации дальнейших исследований в данной области. Данные были собраны в трех городах — Санкт-Петербурге, Тель-Авиве и Берлине. Всего было проведено 18 интервью с пользователями умных колонок.

Исследования позволило ответить на следующие вопросы: в чем заключается специфика взаимодействия пользователей с одомашненной умной колонкой? Существуют ли какие-либо нормы вежливости при взаимодействии с умными колонками? Существуют ли универсальные или культурно специфичные нормы вежливости во взаимодействии с умной колонкой? Стремятся ли пользователи конструировать свое лицо в процессе взаимодействий с умной колонкой?

Несмотря на то, что представляемое исследование является первым в ряде исследований, посвященных взаимодействию человека с ИИ в современном обществе, оно позволило внести вклад в развитие социальных наук. Опираясь на результаты исследования, мы обозначили направления для дальнейшей работы, например, исследование формирования взаимозависимости «человек — алгоритм и сравнительный анализ вежливого взаимодействия с умной колонкой и чатом GPT».

Список источников:

1. Корбут А.М. Одомашнивание искусственного интеллекта: умные колонки и трансформация повседневной жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2021. — №. 1. — С. 193–216.
2. Esposito E. Artificial communication? The production of contingency by algorithms // Zeitschrift für Soziologie, 2017. — Vol. 46. — №4. — P. 249–265.
3. Turkle S. The Second Self: Computers and the Human Spirit. — Cambridge: MIT Press, 2005. — 372 p.
4. Goffman E. On Face Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // Psychiatry. — 1955. — Vol. 18. — №3 — P. 213–231.
5. Watts R.J. Politeness. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 320 p.

Linguistic ideologies of authenticity and anonymity: the case of language functioning among Tatars and Old Believers in Poland

Kolas Radzivon Aliaksandravič

kolasradzivon@gmail.com

Over the last decades, researchers from the humanities have been focusing more and more attention on (*re*)constructing new concepts and frameworks that reflect the public and political reality in a multicultural world. As a result, cultural anthropologists have paid special emphasis on the emergence of *Newspeak* and *Linguistic ideologies* that define the borders of public discourse.

In the 17th century, the Tatars and Old Believers settled in Poland, who in communication switched to the language of the local community, losing their native languages, but retaining the use of Arabic and Church Slavic in the sphere of the sacred. This makes the application of the concept of *Linguistic ideologies* relevant in retrospective analyses.

In the later 1970s, Cultural Anthropology first spoke of the emergence of *Linguistic ideologies* in the public and political sphere of Western society, which determined the accents and focuses of the increasing debates about ancestry, *purity*, values, tradition, heritage, etc. Highlighting these linguistic structures from the public discourse, the researchers studied the formation of Newspeak and developments within society [1, p. 195–201].

In the early 21st century, it became evident that the concept of *Linguistic ideologies* could be applied not only to social groups within society, but also to the ethnic groups. Thus, in the work of K. Woolard, the concepts of *ideology of anonymity* and *ideology of authenticity* were first introduced. Whereas *ideology of anonymity* concerns the concept of legitimate dominance beyond one group, *ideology of authenticity* concerns the role of the speaker and his or her *authenticity* in relation to the language employed [2, p. 21–37].

Based on existing methods in the area of cultural anthropology, the most relevant for this study is the *neutral approach*, according to which ideas and values are shaped by cultural systems in which language is embedded, allowing the *Linguistic ideology* to be representative of communities or cultures [3, p. 56–58].

The main results of the study include the construction of ethnolinguistic models using the *Linguistic ideologies of authenticity and anonymity* to Tatars and Old Believers in Poland.

Список источников:

1. Silverstein M. Language Structure and Linguistic Ideology // The elements: A parasession on linguistic units and levels. — Chicago: Chicago Linguistic Society, 1979. — P. 193–248.
2. Woolard K.A. Singular and plural: ideologies of linguistic authority in 21st century Catalonia. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2016. — 365 p.

3. Woolard K.A., Schieffelin B.B. Language Ideology // Annual Review of Anthropology.
— 1994. — Vol. 1. — №23 — P. 55–82.

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Мотивы как связь с фольклорными источниками: страшные истории в «Рассказчице» Л. М. Монтгомери

Азаревич Карина Ильинична

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

kiazarevich@edu.hse.ru

Исследования творчества канадской писательницы Л. М. Монтгомери (Montgomery) в основном фокусируются на анализе разных аспектов романов, входящих в цикл про Энн. Значительно меньшее внимание получают ее другие произведения, как, например, «Рассказчица» (*The Story Girl*) [1]. В тех работах, где объектом исследования становится этот роман, в основном рассматриваются сюжет и образы героев [2, р. 273–276; 3]. Истории же главной героини — Сары Стэнли, которую называют Рассказчицей, оказываются вне подробного изучения. Единственное интересное замечание, касающееся их, можно найти в статье Дж.-И. Х. Колдвелла (Coldwell), который сомневается, что можно воспринимать эти истории как придуманные непосредственно писательницей [4, р. 125]. Согласно его гипотезе, нарративы, входящие в структуру романа, являются художественной переработкой фольклорных текстов. Свою догадку он основывает на соотнесении некоторых из историй с тем, что описано или упомянуто в автобиографической книге Л. М. Монтгомери «Горная тропа: История моей карьеры» [4].

Настоящий доклад ставит целью найти связь страшных историй в романе «Рассказчица» с фольклорной традицией через анализ значимых мотивов, встречающихся в них. В основе анализа лежит работа с каталогом С. Томпсона [5], в котором перечислены инвариантные различных фольклорных сюжетов и мотивов и упоминаются культуры, в текстах которых они зафиксированы. Для рассмотрения взяты следующие страшные истории, которые в пространстве романа являются вставными: «Рассказ о Семейном Привидении», «Свадебная вуаль Гордой Принцессы», история о ненайденном малыше, «История о Женщине-Змее», «Человек, который встретил дьявола» [1, р. 27–29, 42–45, 138, 251–252, 348–351]. Для каждой из них были выделены ключевые мотивы, которые потом были соотнесены с инвариантами из каталога С. Томпсона.

В результате подобные параллели удалось найти только для трех из пяти нарративов: «Рассказ о Семейном Привидении» (смерть героини от вести о смерти возлюбленного — F1041.1.4, F1041.1.2.2.1, образ привидения — E421.5, E587), «Свадебная вуаль Гордой Принцессы» (борьба женихов за руку невесты — H331, H335.4.3, Смерть как жених — T111, H335.0.3) и «Человек, который встретил дьявола» (след, оставшийся после прикосновения дьявола — G303.4.8.10, наказание за поведение от потусторонней силы — Q552.11). В случае с первыми двумя историями мотивные параллели получилось обнаружить с шотландскими балладами (Шотландия — родина предков Л. М. Монтгомери), третья же

имеет параллели с упомянутой в ее автобиографии историей, которую она слышала в детстве [4, p. 31].

Список литературы:

1. Montgomery L. M. *The Story Girl*. — Boston: L. C. Page & Company, 1911.
2. Epperly E. R. *The fragrance of sweet-grass: L.M. Montgomery's heroines and the pursuit of romance*. — Toronto: University of Toronto Press, 1992.
3. Coldwell J.-I. H. *Folklore as Fiction: The Writings of L. M. Montgomery // Folklore Studies in Honour of Herbet Halpert: A Festschrift / Edited by K. S. Goldstein, N. V. Rosenberg*. — St. John's: Memorial University of Newfoundland, 1980. — P. 125–134.
4. Montgomery L. M. *The Alpine Path: The Story of My Career: In 6 instalments // Everywoman's world*. — 1917.
5. Thompson S. *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, mediaeval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends: In 6 V.* — Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958.

Визуальность в поэзии Всеволода Некрасова, Льва Рубинштейна и Василия Каменского

Артемьев Петр Валерьевич

Санкт-Петербургский государственный университет

art12piter@mail.ru

Мой доклад посвящен анализу визуальной поэзии двух периодов русского авангарда на примере визуальной поэзии Василия Каменского, Всеволода Некрасова и Льва Рубинштейна. Антиформативность авангарда, т. е. ускользание от «застывших», устойчивых систем, предполагает индивидуальное рассмотрение поэтического метода каждого автора, с попыткой зафиксировать семантическую систему, возникающую благодаря внедрению в поэтическое пространство визуальных приемов. В качестве основного материала для исследования были взяты стихотворения Всеволода Некрасова из сборника «95 стихотворений», составленного Джеральдом Янечеком, «Предромантические предположения» Льва Рубинштейна и сборник Василия Каменского «Танго с коровами. Железобетонные поэмы».

Всеволод Некрасов является участником «Лианозовской школы», одного из самых значимых сообществ неподцензурной культуры. Экспериментируя с композиционным размещением текста посредством визуальности, поэт добивается «одновременности текста» и его «множественности» [1, с. 39]. Говоря о визуальном, следует упомянуть круг Всеволода Некрасова — Лианозовскую школу, в которую входили помимо поэтов и художники, в частности Евгений Кропивницкий, Лев Кропивницкий, Владимир Немухин и Оскар Рабин. Всеволод Некрасов дал емкую характеристику работам Оскара Рабина, через которую дал ключ к пониманию своего поэтического метода — «увидел собственные стихи в изображении <...> хотелось бы так же».

Стихи Льва Рубинштейна, по выражению самого автора, представляют собой новый жанр — жанр картотеки, где каждый текст или фрагмент текста располагается на отдельной карточке. Таким образом, читатель сталкивается с новым вариантом книги и измененным процессом чтения, путем перебирания карточек. Карточка представляется универсальной единицей ритма, уравнивающей любой речевой жест, заключенный в ней. В рамках сравнения важно отметить, что «карточки» Рубинштейна пронумерованы, порядок чтения организован автором.

В качестве примера футуристической визуальной поэзии был взят сборник Василия Каменского «Танго с коровами. Железобетонные поэмы», выпущенный весной 1914 года. Сборник представляет собой пятиугольную книгу с двенадцатью стихотворениями, в которых автор активно использовал типографские приемы. Отказываясь от вертикального развертывания поэтического текста, Каменский предлагает читателю самостоятельно выбрать стратегию чтения, самостоятельно выстроить систему отношений между текстовыми

блоками. Следует отметить, что «железобетонные поэмы» Василия Каменского существуют не только в виде вышеупомянутых пятиугольных стихотворений. Анатолий Стригалев упоминает несколько объектов — «железобетонных поэм» (в частности, «Падение с аэроплана», представляющую собой кинетическую скульптуру), говоря о том, что в данном случае название являлось не знаком типологического сходства, но знаком авторства. «Танго с коровами. Железобетонные поэмы» — синтетическое произведение, в котором реализуется сложная система взаимодействия разных видов искусств [3, с. 511].

Анализ визуальной поэзии Всеволода Некрасова, Льва Рубинштейна и Василия Каменского позволяет увидеть, что проблемы организации поэтического текста и организации системы взаимоотношений с читателем являются общими для трех авторов.

Список источников:

1. Библер В. С. Замыслы: [В 2 кн.] / В. С. Библер ; отв. ред. И. Е. Берлянд ; сост., подгот. текста И. Е. Берлянд. — Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. — Т. 2. — С. 985–1001.
2. Гробман М. Второй русский авангард [Электронный ресурс]// Горький Медиа. URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2007/29/vtoroj-russkij-avangard.html>. (дата обращения: 15.04.2024).
3. Стригалев А. Картины, «стихокартины» и «железобетонные поэмы» Василия Каменского // Вопросы искусствознания. — 1995. — № 1/2. — с. 505–539.

Еврейско-персидская литература как форма связи с еврейским прошлым

Ашкенази Роза Сергеевна
roza.ashkenazi@yandex.ru

Еврейско-персидская литература — это литература, написанная евреями на еврейско-персидском языке, который по своей природе является этнолектом (национальным вариантом) персидского языка, на котором написана классическая персидская литература (IX–XV вв.). Этот язык записывался еврейским письмом и использовался исключительно для письменных целей, являясь своего рода «*lingua franca*» для евреев, живущих в Иране и говорящих на различных диалектах персидского языка [2, p.12].

До нас дошли еврейско-персидские тексты разного содержания. Среди рукописей мы находим исторические хроники, комментарии на священные еврейские тексты, переводы книг Танаха, трактаты по медицине и философии, сборники сказок, а также толковые словари. Среди этих разновидностей особое внимание заслуживает художественная литература, главным образом эпические поэмы [2, p. 1-2]. Эти поэмы преимущественно основаны на библейских источниках, то есть в них мы видим осмысление еврейского прошлого, зафиксированного в тот период, когда еврейский народ проживал в рамках одного региона.

Среди авторов еврейско-персидской литературы выделяются два поэта: Шахин Ширази (XIV век) и его поэтический последователь Имрани (XV век). Творчество этих авторов представляет собой интерпретации библейских сюжетов в поэтической форме. Среди произведений Шахина Ширази можно отметить поэму «Муса-наме», посвященную Моисею, «Ардашир-наме», посвященную Эсфири и Артаксерксу. Среди произведений Имрани выделяется поэма «Фатх-наме», основанная на книге Иисуса Навина [3]. Несмотря на то, что указанные произведения существенно различаются по стилистике, они все так или иначе основаны на священном для евреев Писании, что дает нам право рассматривать эту тематику как мостик, соединяющий евреев Ирана, живших уже в изгнании, с прошлым, когда евреи еще жили в своем государстве. В данном докладе автор предпримет попытку показать, как менялась литература, написанная евреями Ирана, и проанализировать, почему они выбрали такую форму сохранения исторической памяти и почему для них это было так важно.

Список источников:

1. Moreen V. B. Catalogue of Judeo-Persian Manuscripts in the Library of the Jewish Theological Seminary of America. — Leiden: Brill, 2015. — 488 p.
2. Moreen V. B. Queen Esther's Garden: An Anthology of Judeo-Persian Literature. — New Jersey: Gorgias Press, 2013. — 392 p.

3. Netzer A. Judeo-Persian Communities of Iran: ix. Judeo-Persian Literature // Encyclopaedia Iranica. — 2009. — URL: <https://iranicaonline.org/articles/judeo-persian-ix-judeo-persian-literature> (дата обращения: 14.01.2025)

Постромантическая рефлексивность «Выстрела»

Буковей Егор Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет

bukoveyegor@gmail.com

Долгое время интерес исследователей «Выстрела» был прикован к повествовательной организации текста [1, с. 160–166; 2, с. 468–470], проблемам философской и этической оценки героев [3, с. 123–140] и поиску литературных параллелей [1, с. 166–186]. Между тем, «Выстрел» представляет важное звено «деромантизирующей» традиции, которая ярче всего проявилась в «Евгении Онегине». В настоящей работе «Выстрел» рассматривается в культурно-семиотическом измерении: столкновение двух противоположных культурных кодов приводит к коммуникативному провалу, составляющему, на наш взгляд, главную сюжетную коллизию повести.

Установка на «императив неправдоподобия» [4] позволяет метанарратору [там же], моделирующему в первой части типично романтического героя, перебрать богатейший набор литературных клише. В ход идут уже не раз отмеченные исследователями аллюзии на «Вильгельма Телля» Шиллера, «Эрнани» Гюго, автобиографию Дениса Давыдова, а также синкретический и нарочито обобщенный образ байронического героя [1], который впервые возникает в эпиграфах к повести.

Эпиграфы в «Выстреле» играют двоякую роль. С одной стороны, взятые из типично романтических произведений, они воссоздают определенный литературный дискурс, подсвечивая мотивы, редуцированные в повести (эпиграф из «Бала» Баратынского проявляет ослабленную любовную коллизию; исторический фон «Вечера на Бивуаке» восполняет контекст наполеоновских войн, выведенный в «Выстреле» в подтекст). С другой стороны, эпиграфы и литературная традиция, к которой они принадлежат, оказываются предметом рефлексии автора — «Выстрел» выявляет схематизм двух типажей, двух протосюжетов, от которых отталкивается автор.

Во второй части повести напускной романтический облик Сильвио дезавуирован темой пьянства. Деромантизирующие мотивы в образе графа усилены: он счастлив в браке, живет в поместье и давно не берет в руки оружие.

Хотя проблема коммуникативного слома прослеживается через все произведение, а его отблески обнаруживаются и в предисловии издателя (проблема с датировкой письма ненарадовского помещика, бесодержательность словесного портрета Белкина), и в эпиграфе ко всему сборнику (использование слова «история» в разных смыслах в одном контексте), именно последняя встреча графа и Сильвио лучше всего демонстрирует провал коммуникации. Сильвио, расцвеченный романтическими реминисценциями, заявляет, что он «доволен» [5, с. 120], поскольку видел «... [графа] смятение, твою робость» [там же]. В сущности, он может сослаться только на страх, внушенный графу и прежде всего его жене.

Повесть оканчивается полной дезинтеграцией: вся многолетняя подготовка Сильвио оказывается напрасной, а сам протагонист погибает в сражении под Скулянами. Б*** вторгается в жизнь Сильвио и разрушает ее, но при проекции этих же событий в плоскость графа оказывается, что «великодушный мститель» разыгрывает в повести роль весьма второстепенную.

В «Выстреле» Пушкин предлагает еще одну модель развенчания романтических масок, покоящуюся на сломе ожиданий как главного действующего лица, так и читателей и коммуникативном сломе, выраженному на сюжетном (отказ от второго выстрела) и культурном уровнях.

Список источников.

1. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении — Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2013. — 356 с.
2. Виноградов В. В. Стиль Пушкина — Москва.: ОГИЗ, 1941. — 620 с.
3. Берковский Н. Я. О «Повестях Белкина» // О русском реализме XIX в. и вопросы народности литературы: Сб. ст. — М., Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. — С. 123–140
4. Лямина Е., Осповат А. Императив неправдоподобия: Как рассказан пушкинский «Выстрел» // Wiener Slavistisches Jahrbuch. — 2019. — Vol. 7. — № 61. — P. 61–75.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 5 т. — Т. 4. — Санкт-Петербург: Библиополис, 1994. — 499 с.

Визуальное в произведениях Ж. Перека: изобразительное искусство и фотография

Добренко Полина Константиновна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

dobrenko.polina@mail.ru

Доклад посвящен исследованию специфики визуального (живописи и фотографии) в романах Ж. Перека. Существует множество форм визуального и множество разных способов его включения в словесный текст. Изображения можно технически копировать, описывать словами, имитировать богатством визуальных деталей в тексте, давать на них прямые или скрытые ссылки [3, с. 13]. В работах Ж. Перека присутствует несколько форм визуального. Так, например, в романе «Кондотьер» живопись выполняет сюжетообразующую функцию: в центре произведения — художник-фальсификатор Гаспар Винклер, вынужденный зарабатывать себе на жизнь фальсификацией произведений искусства. В романе «Вещи» живопись и фотографии выполняют декоративную функцию. При этом их присутствие оправдано концептуальными задачами — «показать, с одной стороны, обесценивающее желание потребления, а с другой — утрату произведением искусства собственной “ауратической” значимости, если воспользоваться термином В. Беньямина» [4, с. 64]. В романе «Кунсткамера» играет важную роль экфрасис, который не только имеет культурно-исторический смысл, но и означает попытку создания энциклопедической базы влияний [4, с. 67]. Особое внимание в докладе будет уделено исследованию интермедиальности в романе «W, или Воспоминание детства», в котором рассказчик пытается восстановить воспоминания детства посредством рассматривания фотографий.

«Классическая» автобиография в форме припоминания и непрерывного, последовательного рассказа о своей жизни в случае Перека становится едва ли возможной [1, с. 161]. Пытаясь создать «классический» автобиографический нарратив, Перек с первых же строк сталкивается с трудностью: «У меня нет воспоминаний о детстве. Моя история лет до двенадцати умещается в несколько строк: в четыре года я потерял отца, в шесть — мать» [2, с. 15]. Отсутствие воспоминаний свидетельствует о лакуне, немоте, симптоматически отсылающей к пространству травматического. Автобиография в романе «W, или Воспоминание детства» является попыткой артикуляции травмы утраты и несет в себе терапевтическую функцию. Преодолевая онемение и реконструируя детские воспоминания, Перек выстраивает собственную идентичность, формирование которой было нарушено Шоа. Французский писатель не фиксирует устойчивые воспоминания, а пробует восстановить их последовательными методами — обращается к фотографиям, сомневается, задает вопросы, пытается отыскать ответы.

В докладе также анализируется феномен постпамяти — Перек, обращаясь к фотографиям родственников, выстраивает диалог с прошлым родных. Импульсом к

описанию старых фото и созданию автобиографии становится стремление установить связь с погибшими близкими, проговорить и признать потерю, совладать с прошлым и настоящим и таким образом отстроить и обрести собственную идентичность. Доклад нацелен на исследование произведений Ж. Перека сквозь призму интермедиальной оптики, а также trauma studies.

Список источников:

1. Перек Ж. W, или Воспоминание детства: Роман; Эллис-Айленд; Эссе; Из книги «Я родился»: Автобиографическая проза / пер. с фр., сост., послесл. и comment. В. Кислова. — Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.
2. Дубин Б. В отсутствие опор: Автобиография и письмо Жоржа Перека // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 68.
3. Зенкин С. *Imago in fabula*: Интрадиегетический образ в литературе и кино. — Москва: Новое литературное обозрение, 2023.
4. Кириченко В. В. Роль живописи в творчестве Ж. Перека // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2020. — № 2.

Русская танатография как жанр (на примере книги Н. Кантонистовой «Все так умирают?»)

Докучаева Елена Александровна

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
lenadokuchaewa2014@gmail.com

Проблема теории литературных жанров и жанровых трансформаций актуальна. Современная литературная практика оперирует жанрами и жанровыми формами «неустойчивыми», сочетающими разные жанровые признаки и маркеры, что позволило исследователям говорить о подвижности жанровых границ в современной русской литературе XXI века.

Танатография (произведения, описывающие смерть реально существующего человека) являются «закрытыми» литературными явлениями, смыслы которых до сих пор не поняты. Это тексты, которые могут быть увидены как отдельный жанр, но до сих пор для них не существует теоретической рамки и концептуализации. Танатография отличается особенностями авторской интенции, мотивами и смыслами, которые автор вкладывает в текст, образами и способами построения сюжета и имеет основания для выделения в отдельный жанр.

Цель работы — доказать справедливость выделения танатографии как отдельного литературного жанра, предложить теоретическую рамку жанра и показать эвристический потенциал такого выделения, а также выявить смыслы, оформляемые такой жанровой формой. Объект — жанровая природа художественного произведения. Предмет — жанровые маркеры, которые позволяют номинировать произведения как танатографию. Ведущие методы исследования — типологический и культурно-исторический.

Репрезентативный материал — исследуемая впервые книга Н. Кантонистовой «Все так умирают?» — воспоминания автора о дочери, погибшей от лейкемии. Выделение подобных текстов в качестве отдельного жанра позволит увидеть, как складывается танатологический нарратив, сформулировать теоретическую базу, классифицировать танатографические тексты, описать опыт переживания реальной смерти и дать танатологическому литературоведению новый виток развития.

По Тамарченко, жанр — двойственное понятие: разновидность произведения в национальной литературе и «идеальная», сконструированная модель произведения [1, с. 8]. М.М. Бахтин сформулировал жанр как «трехмерное конструктивное целое» [2, с. 144–151]. Изучение жанров, которое началось с Аристотеля и сопровождалось многократными попытками теоретического осмыслиения самого понятия, заняло около двух с половиной тысячелетий. И несмотря на это, интересующая категория во многом остается непроясненной [1, с. 7].

Во «Все так умирают?» значимо разграничение героя как героя функционального текста, изображаемого мира, который является вымышленным, и особого героя танатографии, а также особый тип сюжетной организации. Текст представляет собой сложную структуру с вплетенной в прозу лирикой (стихами, лирическими отступлениями, динамикой субъектно-субъектных отношений) и внеtekстовыми добавлениями. Интенция автора выражается в особом мироощущении («мы в коконе беды» [3, с. 121]), мотивах вины, одиночества, рефлексирующем сознании синкретического субъекта. Биографический автор и нарратор сливаются в одну фигуру, которая стремится сливаться и с объектом повествования.

Список источников:

1. Дарвин М. Н., Магомедова Д. М., Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И. Теория литературных жанров: Учеб. пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / Под ред. Н. Д. Тамарченко. — Москва: Издательский центр «Академия», 2011. — 256 с.
2. Бахтин М. М. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. — Нью-Йорк: Серебряный век, 1982. — 237 с.
3. Кантонаистова Н., Гринберг П. Все так умирают? — Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2001. — 256 с.

«Студенческая славная страна. / У той страны особые законы...»

Тематическое разнообразие студенческих гимнов: корпусный анализ

Кириченко Никита Валерьевич, Михальченко Арина Сергеевна, Кочеткова Анна Сергеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —
Санкт-Петербург

nvkirichenko@edu.hse.ru, asmikhalchenko@edu.hse.ru, askochetkova@edu.hse.ru

Университетские гимны занимают периферийное положение в литературном процессе, обладая собственной поэтикой и социальной значимостью. Исследовательский интерес представляет то, как специфика бытования этих текстов, находя отражение на тематическом уровне, влияет на жанровые доминанты и элементы, составляющие структуру студенческой идентичности.

До этого к гимнам обращался Р. Силаги-Думитреску (R. Silaghi-Dumitrescu) [1]. Бинарное определение наличия темы в поэтическом тексте и статистический анализ с последующим выявлением связи между параметрами послужили основой нашей методологии. Тематическую наполненность гимнов российских вузов рассматривала К. Романенко [2]. В настоящей работе будет предпринята попытка дополнить противопоставление официальных и неофициальных гимнов через призму корпусных методов.

Корпус составили 104 текста, полученные с официальных сайтов вузов, сайтов-сборников песен и из социальной сети «ВКонтакте». Объем корпуса — 11 421 словоупотребление.

Анализ корпуса позволил выделить ряд тем, часто присутствующих в университетских гимнах. Среди них маркеры единства (*братство, дружба и семья*), пространства (*город, страна, мир*), а также *труд, быт, преподаватели и история*.

Студенческое единство эксплицитно обозначено в 37 текстах (35,6%). Чаще остальных оно описывается как дружба (19,2% текстов). Лемма «друг» занимает по встречаемости 16 место среди знаменательных слов, а *имя* всех однокоренных слов составляет 5866,39. Реже возникает тема братства (14,4%) и семьи (5,7%). Границы союзов оказываются проницаемыми («Нельзя забыть дружбу братскую»). В упоминании разных форм единения проявляется одна из главных функций университетских гимнов — консолидирующая.

В большинстве гимнов студенты соотносят свою жизнь с жизнью города, страны и мира (74% текстов). Чаще возникает *страна* — 55,7%. В меньшем количестве текстов (36%) описывается *город*. Предпочтение общего частному можно объяснить официальностью жанра.

Тема истории встречается в 19,2% текстов. Она маркирует традиционалистский пафос: «То, что началось Церковной горкою, / Навсегда сумеем сохранить!».

Студенческий быт и экзамены (17,3%) противостоят официальному пафосу. *История* и *быт* в университетских гимнах взаимоисключаемы. Существенно, как эти темы соотносятся с описываемым пространством. В гимнах, где изображается исключительно город, *история* возникает 2 раза, а *быт* — 5 раз; в тех же, где фигурирует только *страна*, *история* — 9, *быт* — 3. Похожая тенденция касается темы *труд*.

Выделяются два семантических ядра: одно включает в себя *страну*, *историю* и *труд*, а другое — *город* и *быт*. Распределение тем в зависимости от статуса текста во всех случаях соответствует предложенному: официальные гимны чаще включают *страну* (32,89%), *историю* (23,7%) и *труд* (31,21%), а неофициальные — *город* (21,42%) и *быт* (32,14%).

Две крайних точки тяготеют к взаимоисключению, однако допускают промежуточные явления, содержащие элементы обоих полюсов. 21,2% текстов изображают как *город*, так и *страну*; 5% текстов содержат и *труд*, и *быт*. Именно в этой области находится компромисс между изображением идеальной и реальной студенческой жизни.

Список источников:

1. Silaghi-Dumitrescu R. Topics in National Anthems // Journal of Language and Literature. — 2020. — Vol. 20. — № 2. — P. 288–306.
2. Романенко К. «Богом хранимый наш университет»: Как расшифровать гимны российских вузов [Электронный ресурс] // Теории и практики [сайт]. — URL: <https://special.theoryandpractice.ru/uni-hymns> (дата обращения: 24.01.2025).

Реальность первого порядка и реальность второго порядка в художественном произведении (на материале романа В. Набокова «Защита Лужина»)

Красуцкая Полина Михайловна

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева
lerm1814.kras@yandex.ru

В «Защите Лужина» обнаруживается две реальности: героя (дефицитарная, субъективная) и нарратора (объективная). Подобная оптика рецептивна, она игнорирует текстуальные стратегии.

Мы модифицируем систему, используя различие реальности первого порядка и реальности второго порядка и парадигму плоской онтологии. Помогают выстроить теоретический аппарат самореференция и инореференция Н. Лумана [1], этажность Г. Хармана (G. Harman) [2] и медиация Б. Латура (B. Latour) [3]. В теории нарратива подход актуализирует конструктивную демаркацию реальностей.

Реальность первого порядка в «Защите Лужина» — первичное пространство, которое аккумулирует денотаты фикциональной действительности. Этим объясняется метонимический тип мышления. Частотна «метафора с метонимической основой» [4, с. 298]. Она раскрывает возможности системных соотношений реальности, которая в каждом сегменте предлагает часть содержащихся значений.

Самореференция интерсубъективна, что выражается использованием воспоминаний («...покрытого сукном, напоминавшим об экзаменах» [5, с. 93]), литературных и речевых формул («...черты скорее “музыкального”, нежели шахматного вундеркинда....» [там же, с. 126]) и скобочной записи. Они подчеркивают общность координат субъектов самореференции.

Реальность второго порядка заимствует интерсубъективные атрибуты, но наделяет их собственным референциальным содержанием. Инорефереция индивидуально сконструирована героем.

В ходе исследования мы выявили следующие параметры демаркации действительности:

1. Этажность. Реальность второго порядка моделируется на основании сегментов текста реальности первого порядка, однако сохраняет самостоятельность путем деконструкции интерсубъективных знаков и перенесения их в пространство иконического. Реальность второго порядка существует «наряду-с»; это аутентичность, претворенная на новом уровне бытийствования.
2. Герметичность. Реальность героя внеположна другим героям. Она ограничена границами действительности персонажа.

3. Селективность. Инереференция предполагает конструирование действительности путем выбора тех атрибутов реальности первого порядка, которые необходимы для реализации логики мира героя.
4. Окказиональность. Реальность второго порядка выходит за пределы интерсубъективной действительности. Из-за селективности она образует новое пространство, состоящее из иконических знаков.
5. Медиация. Этажность предполагает взаимодействие регистров реальностей. Текст реализует связность посредством использования триггеров инереферентной действительности в самореферентной. Мы выявили следующие формы медиации: внешнее подобие, игра с денотатом, абстрагирование и восстановление паралипсиса.

Медиация необходима для введения базового различия, без нее проект инереферентной действительности несостоителен.

В работе мы произвели попытку освобождение нарративной теории от субъект-объектного критерия. Уровни реальностей онтологизируются нами, что позволяет закрепить их самостоятельный статус.

Список источников:

1. Луман Н. Реальность массмедиа. — Москва: Практис, 2005. — 256 с.
2. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2024. — 256 с.
3. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. — Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. — 240 с.
4. Набоков В.В. Отчаяние: романы, повести, рассказы. — Самара: Кн. изд-во, 1991. — 608 с.
5. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. — Москва: Изд-во имени Сабашниковых, 1984. — Электрон. версия печ. изд. — URL: <http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru-1-2-1998-l.pdf> (дата обращения: 05.01.2025).

Природа метафоры в поэзии Сильвии Плат

Кутукова Олеся Евгеньевна

Кубанский государственный университет

kutukova.olesya@yandex.ru

Сильвия Плат (1932–1963) считается одной из самых ярких фигур американской поэзии XX века. Ее часто относят к поэтам конфессионализма, которые писали о ранее запретных темах: личных переживаниях, психических расстройствах, семейных конфликтах и т. д. Внимание критиков в первую очередь привлекали стихотворения из сборника *Ariel* (1965) [4], который считается вершиной творчества поэтессы. Большой интерес представляет стиль произведений Плат. Метафоры, к которым она прибегает, можно назвать своего рода головоломками, так как они могут оказаться трудными для понимания.

Несмотря на то, что Сильвия Плат широко известна в Америке, в России было опубликовано небольшое количество сборников ее произведений. Актуальность темы данной работы заключается в исследовании художественного стиля поэтессы и значения метафор в ее поэзии. Целью работы является рассмотрение структуры метафор в стихотворениях Сильвии Плат. В задачи исследования входит провести анализ произведений сборника *Ariel* и рассмотреть метафорические модели, представленные в стихотворениях. Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: поисковой, системный анализ литературы.

Теоретической базой исследования послужили работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1], В.П. Москвина [2] и А.П. Чудинова [3], в которых рассматриваются процесс метафоризации и классификации категорий, которые помогают в образовании метафор.

В ходе работы были проанализированы метафоры, использовавшиеся в стихотворениях из сборника *Ariel* на английском языке. В произведениях были использованы следующие виды метафор: антропоморфная метафора, природоморфная метафора, артефактная метафора, зооморфная метафора. Например, в стихотворении «Morning Song» новорожденный ребенок представлен как золотые часы («a fat gold watch») или новая статуя («new statue»). В «The Detective» радио сравнивается с пожилым родственником: «the wireless talks to itself like an elderly relative» [4, с. 41].

Можно сделать вывод, что наиболее распространенными сферами-источниками оказались «Природа», «Человек», «Предмет» («Артефакт»), «Животное». Кроме того, к «источникам» в представленных метафорических моделях можно отнести следующие: «Музыка», «Дыхание», «Звук».

Список источников:

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — Москва: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
2. Москвин В. П. Русская метафора. — Москва: Ленанд, 2006. — 184 с.
3. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. — Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. — 248 с.
4. Plath S. Ariel: The Restored Edition. — London: Faber&Faber, 2007. — 211 p.

Анализ комического в видеоподкасте Дмитрия Сыендука

«Литературные кликбейты»

Логунов Николай Александрович

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

logunovnikolaj5@gmail.com

Поколение Z, которое не может помнить жизнь без Интернета, все реже обращается к книге как к средству поиска информации или варианту досуга, но ведь именно книги являются той самой нитью, которая связывает поколения, потому что именно в них хранятся мысли о самом главном для Человечества.

Целью всероссийского проекта ЮФ (от англ. Youth — «молодость») является «популяризация чтения и формирование устойчивой привычки к чтению среди молодежной аудитории и подростков России» [1]. Одним из наиболее популярных медиапродуктов ЮФ является видеоподкаст «Литературные кликбейты», созданный популярным видеоблогером Дмитрием Сыендум (7,81 млн. подписчиков). В рамках настоящего исследования будут проанализированы формы репрезентации верbalного и визуального юмора в выпусках видеоподкаста.

В основе комического эффекта, который является ключевым в тексте инфотейнмента, лежит «неожиданное соединение несоединимого на всех уровнях языка и речи» [2, с. 137], причем важны «не отдельные лингвистические единицы, а взаимоналожение, столкновение контекстов, разных систем мышления» [3, с. 55]. Эффект достигается путем объединения лексики разных стилей: «секси тайм» и «моногамные проявления» в одном предложении, внезапных концовок однородных членов предложений: «Его любимое число, семь. Ну вы знаете: семь-я, семь цветов радуги, семь смертных грехов» [4], употребления культурных штампов и стереотипов: «Но потом, как истинный патриот, он полюбил число 34», намеренного использования несуществующих словоформ: «Делают и ему операцию по умнению», употребления в одном контексте многозначных слов: «Тут речь немного о другой зоне пойдет, ну то есть, примерно то самое время, когда мне с моим сбитым режимом наконец удается уснуть. Кстати, про режим...». Сыендук акцентирует внимание на изображении женской груди в «Путешествиях Гулливера», а выбор изображения для книги «Час быка» объясняет следующим доводом: «В общем, вот, на мой взгляд, отличный вариант обложки «сос мыслом». Яркая коробка прекрасного завтра с хрустящими звездочками, серпами и молоточками, со вкусом лжесоциализма». Большую роль играет смена интонаций блогера и аудиальный юмор, связанный, например, с различным произношением слов на английском и русском языках.

Юмор присутствует и в визуальном ряде. Так, на одном кадре к иллюстрации аннотации «Головы профессора Доуэля» изображаются комические ситуации отношения Керна к отделенной голове профессора: он играет ею в баскетбол, старательно наносит ей

клоунский грим, а в иллюстрациях к антиутопии «Час быка» о будущем коммунистического режима космические станции выполнены в форме серпа, одного из известных атрибутов флага СССР. Или другой пример, пагубное влияние I-330 на Д-503 в иллюстрациях к роману «Мы» изображается резкой сменой кадра: роза в зубах у героя сменяется сигаретой, которую зажигает I-330, рядом с героями оказываются бутылки с алкогольными напитками.

Использование юмора в контексте повествования анализируемых метатекстов об отдельных произведениях литературы выполняет не только развлекательную функцию, но и образовательную. Верbalный и визуальный ряды создают яркие и запоминающиеся образы, что может восстановить разорвавшуюся нить литературы, объединяющей разные поколения.

Список источников:

1. Фонд президентских грантов. Проекты [Электронный ресурс]. — URL: <https://xn--80afcdbl6af0oklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id> (дата обращения: 12.12.2024).
2. Желтухина М. Р. Корреляция оценки и комического в семантике знака // Горизонты коммуникативной лингвистики: Сб. науч. тр., посвящ. юбилею проф. О. А. Леонович. — Волгоград: ПринТерра Дизайн, 2024. — С. 132–147.
3. Тепляшина А. Н. Жанры и формы комического в современной российской периодике. — Санкт-Петербург: Изд. Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та., 2006. — 286 с.
4. Sndk (2019) ЛИТЕРАТУРНЫЕ КЛИКБЕЙТЫ | Сыендук [Видеоподкаст] // YouTube. 30 июля. — URL: <https://youtu.be/OjHZqJ0ErUI?si=MAseoQkj2Adgs7sF> (дата обращения: 12.12.2024).

(Стихи)йное пространство: особая коммуникативная система внутри двора Фонтанного дома

Лукьянчикова Алиса Сергеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

aslukyanchikova@edu.hse.ru

Граффити нередко исследуются лингвистами как речевой жанр, но обычно рассматриваются единичные «реплики» (любая единичная надпись или рисунок), включенные в большой «граффитийный дискурс» [1, с. 423]. В Петербурге есть несколько мест скопления таких рисунков и надписей, среди которых М. Л. Лурье выделяет, например, Ротонду или бетонную ограду железнодорожного моста рядом с метро «Ладожская» [1], однако до сих пор внимания исследователей не привлекали стены двора Фонтанного дома, на которых стихийно появляются надписи, формально похожие на граффити, но концептуально выходящие за его рамки. Цель настоящего исследования — рассмотреть, какой дискурс формируется внутри стен двора Фонтанного дома, чем он отличается от общего граффитийного дискурса и почему это пространство справедливо рассматривать как особую коммуникативную среду. Материалом послужила личная коллекция фотографий (около 100 файлов), сделанных с осени 2021 г. по сентябрь 2024 г.

Как и все граффити, надписи на стенах двора Фонтанного дома объединяет их функция — коммуникативная [2, с. 119]. Так, во фрагменте, предположительно, личного стихотворения «я» лирического героя обезличено и объединено в «мы»: «поскольку для всеобщей бездны мы все равны и бесполезны». Этот отрывок, во-первых, указывает на стремление стать услышанными — говорить не только от своего лица, но и как бы от лица читающего, — и, во-вторых, приводит к проблеме определения авторства для таких текстов.

Для граффити более привычна проблематизация вопроса адресата — кому посвящен тот или иной текст, рисунок или символ [3]. М. Л. Лурье, когда описывает «рисунки-знаки», не ставит под сомнение фигуру автора и предлагает читать графические знаки, относящиеся к группе «Nirvana», как «Я слушаю (люблю) “Нирвану”» [1]. Однако для двора Фонтанного дома аналогичная интерпретация для каждого текста может оказаться не совсем исчерпывающей. В этом месте оставляют послания-цитаты из стихотворений или песен, широко известных, малоизвестных или личных текстов — тех, что никогда не публиковались. С одной стороны, существует фигура автора, который оставил надпись, с другой — автор текста-первоисточника, пропозиционального высказывания, и они совсем необязательно должны совпадать.

Кроме того, рассматриваемые тексты сложно классифицировать в рамках граффитийного дискурса. Они не относятся ни к интраграффитийному виду коммуникации, ни к экстраграффитийному [4], так как авторы не обращаются ни друг к другу

(«МАЯКОВСКИЙ КРУЧЕ» — «МАЯКОВСКИЙ КРУЧЕ / я поэтичнее»), ни к «официальному миру» [5].

Так, тексты, стихийно и регулярно возникающие на стенах во дворе Фонтанного дома, скорее можно отнести кциальному дискурсу, а не к общему граффитийному. Они отличаются от граффити, во многом это связано со спецификой пространства, в котором они бытуют, — близостью к музею Анны Ахматовой. Проблематизация вопроса авторства, общая тематика, определенная аудитория и индивидуальные особенности, которые задаются местом возникновения надписей, скорее указывают на то, что они формируют отдельный мультиканальный дискурс, участники коммуникации которого преимущественно общаются с помощью подбора цитат из поэтических текстов и их редактирования, оставляя не только свой «голос», но и сохраняя «голос» автора песен и стихотворений.

Список источников:

1. Лурье М. Л. Слово и рисунок на городских стенах // Рисунки писателей: Сб. науч. ст. по материалам конф. «Рисунки петербургских писателей». — Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000. — С. 416–427.
2. Приемко О. В., Морозова Т. А., Лукьянова Т. В., Полукошко О. И. Современный городской фольклор: Метод. указания и иллюстр. материал по проведению фольклорной практики студентов I курса филол. фак-та. — Минск: БГУ, 2014. — С. 118–121.
3. Лекция. Михаил Лурье. Городские граффити [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N9NxbZB7y0Y> (дата обращения: 17.03.2024).
4. Лурье М. Л. Граффити // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. — М., 1998. — С. 518–529.
5. Van Leeuwen. Multimodality // Tannen D., Hamilton H. E., Schiffrin D. The Handbook of Discourse Analysis. — P. 447–465.

Как говорить о маньяках? Корпусный анализ видео про true crime (на примере тематических YouTube-блогов)

Маркин Кирилл Станиславович, Кулешова Полина Сергеевна, Зверева Анна Вячеславовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —
Санкт-Петербург

ksmarkin@edu.hse.ru, pskuleshova@edu.hse.ru, avzvereva@edu.hse.ru

В последние годы популярность набирает жанр true crime (далее — тру-крайм) — медиаконтент, основанный на рассказе о произошедших преступлениях, биографиях известных убийц и серийных маньяков и т. д. Работы в этом направлении могут вызывать общественный резонанс и формировать у зрителей конкретное отношение к преступлениям [1]. В случае нецелесообразного использования речевых средств, например — в стремлении к большей художественности повествования, возрастает риск романтизации образа маньяка и повышения толерантности общества к насилию [2; 3]. С возрастающей популярностью тру-крайма видеоблогерам важно осознавать социальное значение такого творчества, его возможные последствия.

Цель настоящей работы — создать и проанализировать корпус из расшифрованных сценариев видео двух популярных видеоблогов, посвященных тру-крайм культуре. Такой анализ позволит определить, какую лексику используют ведущие YouTube-каналов, какую окраску они придают событиям и как формируют отношение потребителя к преступнику. Предполагается, что основная профессия рассказчика влияет на выбор слов в повествовании. Для проверки гипотезы были выбраны блоги авторов двух разных специальностей: журналистки и психопатолога.

В качестве материала для исследования взяты по два видео популярных каналов про тру-крайм: Саши Сулим (Александра Сулим) и Faust21century (Василий Бейнарович). Расшифровки были получены с помощью программы *superwhisper* и отредактированы вручную. Объем корпуса — 7151 словоупотребление. Для наглядности сравниваются видео авторов об одних и тех же преступниках: Александре Пичушкине и Андрее Чикатило.

По результатам исследования самые частотные слова в видео обоих авторов разделены на 4 группы слов:

1. нейтральные для описания преступлений: когда и где совершено («год», «парк»), что сделал маньяк («убивать», «совершать», «становиться»);
2. описание личности преступника: «преступник», «убийца», «маньяк»;
3. описание жертв: субъект преступления («человек», «жертва»), что случилось («тело», «травма»);
4. нейтральные для создания новых грамматических форм, модификаторы для усиления эмоциональной валентности слова («очень», «ли», «самый»).

Выявлено несколько особенностей речевых портретов нарраторов: Бейнарович периодически употребляет разговорные слова по отношению к жертвам маньяков и слова, обозначающие эмоции, приближенные к физиологическим процессам. В текстах Сулим нет эмоционально-окрашенных слов, практически отсутствует повторяющаяся значимая лексика, все более детальные описания отдаются гостям интервью.

Авторы используют нейтральную лексику для описания биографий маньяков и уделяют внимание самим преступлениям, вызывая у зрителя сочувствие к жертвам. Однако Бейнарович, как практикующий психопатолог, стремится детальнее раскрыть психические расстройства маньяков, используя необходимую терминологию. В то время как в видео Сулим внимание уделяется описанию непосредственно преступлений и последующих событий, таких как поиск преступника, поимка, суд и заключение.

Список источников:

1. Bruzzi S. Making a genre: The case of the contemporary true crime documentary // Law and Humanities. — 2016. — № 10. — P. 249–280.
2. Durham A.M., Elrod H.P., Kinkade P.T. Images of crime and justice: Murder and the "true crime" genre // Journal of Criminal Justice. — 1995. — Vol. 23. — № 2. — P. 143–152.
3. Woolard K.A., Schieffelin B.B. Language Ideology // Annual Review of Anthropology. — 1994. — Vol. 1. — № 23 — P. 55–82.

Художественная концепция памяти и забвения в романе Огава Ёко «Полиция памяти»

Мотренко Арина Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Motrenkoarina@yandex.ru

Ёко Огава создает уникальное в своем роде дистопическое произведение, через которое можно посмотреть под новым углом на устоявшиеся работы о концепции памяти и забвения.

В романе «Полиция памяти» в центре повествования находится молодая писательница, которая живет на острове, где постепенно исчезают различные предметы, а вместе с ними — и воспоминания о них, при этом некоторые люди имеют «иммунитет» к забвению, за что подвергаются преследованию со стороны государства.

Имплицитное повествование автора гиперболизирует потерю идентичности персонажей внутри сюжета. Потеря памяти означает потерю идентичности, что в свою очередь смыкается со смертью [1, с. 591]. Следовательно, автором выводится концепция закрепления человеческого существования через память о нем, что граничит с теорией Марианны Хирш о постпамяти [2, с. 69], но перекладывается она уже на японский послевоенный нарратив.

Другой функцией памяти внутри сюжета является протест террору государства. Сюжет естественным образом выводит концепцию памяти, как естественной гарантии человеческих прав, так как фактическая история существует исключительно благодаря воспоминанию о ней [3, с. 68]. Персонажи, обладающие «иммунитетом» к забвению, подчеркивая дистопический ужас принудительной потери памяти, создают новую смысловую грань повествования. Они воплощают молчаливый дух японской революции и радикальность послевоенных взглядов о «чистоте» нации, потому что в конце романа выживают лишь подобные люди.

Художественная концепция памяти также во многом создается рамочной композицией произведения. Главная героиня, теряя собственную память и идентичность, начинает перевоплощаться в героиню своего романа. Переходя в пространство симуляции [4, с. 266], она начинает собственным опытом и ощущением воплощает идею о строении памяти, витиеватости рассудка, сосуществовании сознательного и бессознательного в одном разуме. Упоминаемое ранее имплицитное повествование в этот момент доходит до апогея и становится главным средством достижения иммерсивности действия внутри романа. Создается необычная концепция коллективной памяти, включающая в себя и читателя, и героя.

Таким образом, роман Ёко Огавы «Полиция памяти» представляет собой яркий пример литературного осмысления механизмов памяти, забвения, репрессивных структур власти и хрупкости человеческого воспоминания. Результаты данного исследования показывают не только сюжетную концепцию, но и то, как художественный образ памяти и

забвения мутирует при наложении на него философских теорий, создавая уникальное представление о строении человеческого сознания.

Список источников:

1. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. А. Ю. Юдина. — Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004. — 680 с.
2. Хирш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста. — Москва: Новое издательство, 2020.
3. Вертий Ю. М. Становление понятия «культурная память» в трудах Мориса Хальбвакса и Яна Ассмана: от коллективной к культурной памяти // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2024. — № 2 (118). — С. 63–70. — DOI: <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-63-70>
4. Бодрийяр Ж. Симуляция и симулякры // Современная литературная теория. Антология / Сост. И. В. Кабанова. — Москва: Флинта: Наука, 2004. — С. 258–270.
5. Нумано Мицуёси. От литературы «J» к литературе «W». Некоторые тенденции современной японской литературы // Теория катастроф. Современная японская проза / Пер. с яп. — Москва: Иностранка, 2003. — С. VII–XXIV.

Закат метанаарраций

Никитина Мария Сергеевна

Российский государственный гидрометеорологический университет

maryanikitina82@gmail.com

В докладе будет рассматриваться проблема заката метанаарраций, которая воплощается в мифе о высадке на Луну в повести В. О. Пелевина «Омон Ра».

Данное произведение имеет несколько «прочтений» — предлагаются также разбор связи «детство-взросłość», которая соотносится со связью «постмодернизм-модернизм».

Часто «Омона Ра» прочитывают как притчу о взрослении: реальность разрушает детскую мечту. Сам автор говорил о том, что космос можно трактовать как космос внутри человека: «Эта книга совсем не о космической программе, она о внутреннем космосе советского человека».

Советский человек не мыслится без связи с Советским Союзом, а следовательно, без связи с тоталитаризмом. Коммунизм, с попытками его воплощения в СССР, является одним из великих рассказов модернизма, с его despoticным насаждением идеологии. Иную метанааррацию использовали США как пропаганду своих ценностей, во времена «космической гонки».

Имитация высадки на Луну и самого космоса — симулякр: ни космоса, ни Луны нет — это лишь представление о реальности. Как только герой выходит из одного симулякра, он сразу же попадает в другой: в представление о том, что у него есть выбор, что конец будет зависеть от того, поедет ли он на поезде или же, возможно, нажмет стоп-кран.

Таким образом, деконструкция мифа о космосе приводит к подтверждению концепции Лиотара [1] о закате метанаарраций: Пелевин развенчивает тоталитарное насаждение мнений модернизмом, признавая, что возможности для иных дискурсов только открываются.

Именно детство отвечает представлению постмодернистов о наилучшем способе организации миропорядка. Воспоминания о детстве децентрализованы — это лабиринт, пространство для тайны: «...в раннем детстве (как, быть может, и после смерти) человек идет сразу во все стороны, поэтому можно считать, что его еще нет, личность возникает позже, когда появляется привязанность к какому-то одному направлению» [2].

Освобождением от метанааррации является уничтожение рассказа. Рассказы в постмодернизме: и философский, и политический — теряют легитимирующую силу: отсутствие всеобщего «метапроекта» ведет к поиску нового способа легитимации знаний.

По словам Е. А. Курочкиной [3], «разрушение сакральности советского мифа о космических успехах реализуется через развенчивание архетипа героя». Необходимо было выбрать человека нового поколения, на глазах которого может закончиться великий рассказ. Е. А. Курочкина отмечает, что «миф о новом человеке представлен через образы инвалидов»,

а результат «дается в симулятивном ключе: все эти персонажи являются инвалидами не только на уровне сознания, но и в буквальном смысле».

Во взрослой жизни героя есть центр: космос как орудие в гонке вооружений, как космос человека, как сам коммунизм.

Даже распознав симуляцию, герой все еще ищет себя на «красной ветке» в метро. Омон не только покинул «космос», но и, возможно, ищет путь из космоса коммунизма. Вопрос о возможности абсолютного преодоления метанарраций остается открытым: читатель не знает, что будет с героем в дальнейшем.

Список источников:

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко — Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. — 160 с.
2. Пелевин В. О. Полное собрание сочинений. Т. 3. Омон Ра: Повесть. — Москва: Эксмо, 2015. — 192 с.
3. Курочкина Е. А. Дискурс власти в творчестве Виктора Пелевина (на примере романов «Омон Ра», «Жизнь насекомых», рассказов «Подземное небо», «Вести из Непала», «Реконструктор») // Современная филология: Материалы III Междунар. науч. конф. — 2014. — С. 73–77. — URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5808/> (дата обращения: 10.12.2024).

Роль юмора в межкультурном взаимодействии (на примере рассказа Надежды Тэффи «Блины»)

Овчинникова Ольга Александровна

Московский городской педагогический университет

OvchinnikovaO@mgpu.ru

Под межкультурной коммуникацией и общением мы понимаем взаимодействие носителей разных культур. То есть это непосредственная взаимосвязь и обмен информацией между носителями различных культур, реализуемый через принцип межкультурного диалога. Эффективное взаимодействие представителей разных культур — достаточно сложный процесс, при котором может возникнуть ряд сложностей: несовпадение ценностей, традиций, поведенческих и речевых моделей. Наиболее сложным аспектом межкультурного диалога можно считать юмор и его различные формы [1].

Понятие юмора имеет множество разнообразных трактовок и классификаций. Как подчеркивает Е. С. Абаева, юмор является зонтичным термином и объединяет все то, что мы понимаем под смежными терминами, включая комическое и смешное [2, с. 353]. В данной работе мы опираемся на общую теорию вербального юмора (General Theory of Verbal Humour), сформулированную Сальваторе Аттардо (Salvatore Attardo), которая, в свою очередь, основывается на семантической теории Виктора Раскина [2, с. 352].

Раскин предлагает термин «скрипт», который, по его мнению, относительно тождествен термину «фрейм» [2, с. 353]. То есть скрипт является неким структурным описанием объекта, из чего мы понимаем, что создание юмористического эффекта в тексте (по теории В. Раскина) достигается посредством столкновения этих самых скриптов, соседствующих в тексте произведения.

Исследования юмора являются актуальными, особенно через призму межкультурного взаимодействия. Стоит отметить, что работ, посвященных анализу юмористического дискурса в литературе, достаточно мало. Также невелик объем проанализированных произведений Надежды Тэффи.

Целью работы является анализ столкновения скриптов в тексте литературного произведения, посредством которых автором достигается юмористический эффект. А также рассмотрение юмора как средства межкультурного общения, помогающего выстраивать диалог культур. К задачам исследования относятся:

1. изучение юмора и его функций;
2. анализ рассказа Надежды Тэффи «Блины»;
3. выявление ключевых особенностей юмористического текста.

Материалом для исследования выступил рассказ Надежды Тэффи (Надежды Александровны Лохвицкой) «Блины». В работе мы пользовались следующими методами: сплошная выборка, контекстуальный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ.

Теоретическая значимость исследования выражается в том, что оно может дополнить знания о юморе в контексте межкультурного взаимодействия и увеличить количество проанализированных литературных произведений Н. Тэффи. Практическая ценность работы выражается в том, что проведенный анализ может быть полезен при составлении и чтении юмористических текстов.

Список источников:

1. Гузикова М. О. Основы теории межкультурной коммуникации: Учеб. пособие / М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 124 с.
2. Абаева Е. С. Перевод отрывков текста с юмористическим эффектом: сопоставительный аспект // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9, № 2. — С. 351–364.

Пародирование нацистского культа идеального тела в романах «Дар» В. Набокова и «Прощай, Берлин» К. Ишервуда

Проокофьев Максим Владимирович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

max.prokofyev@yandex.ru

В докладе проводится компаративный анализ «Дара» В. Набокова и «Прощай, Берлин» К. Ишервуда — двух романов, написанных в 1930-х гг. и показывающих Германию глазами иностранцев (на сходство романов мимоходом указывали британские рецензенты «Дара» [1; 2]). Гипотеза исследования состоит в том, что в пляжных сценах оба автора пародируют нацистский культ идеального (молодого, здорового, атлетичного) тела.

Несмотря на то, что действие «Дара» происходит в 1926–29 гг., текст имплицитно отсылает к реалиям 1930-х гг. Об этом говорит резкая реакция пронацистской газеты «Новое слово» на публикацию фрагмента романа под названием «Прогулка в Груневальде» в «Последних новостях» (февраль 1938 г.). Сотрудник «Нового слова» А. Гарф (вероятно, псевдоним) увидел в набоковском описании вялых, грузных, старых, больных тел немецких купальщиков карикатуру на «современную Германию, где спорт стал национальным культом» [3, с. 7]. Наблюдение читателя-современника может быть развито. Показав тела «крупным планом», со всеми непривлекательными деталями (наростами, жилами, мозолями, тяжелыми гузнами, рыхлыми ляжками), Набоков подчеркивает: «все это сливалось в апофеоз того славного немецкого добродушия, которое с такой естественной легкостью может в любую минуту обернуться бешеным улюлюканием» [4, с. 511]. Вводя образ слияния тел, писатель пародирует концепт «тела нации» (*Volkskörper*): нацисты считали, что здоровье «тела нации» обеспечивается борьбой с «паразитами» (прежде всего, евреями) [5, р. 93], в то время как Набоков демонстрирует болезненность самого немецкого общества.

В рассказе «На острове Рюген (Лето 1931)», входящем в роман «Прощай, Берлин», Ишервуд описывает два пространства: официальный пляж, полный сторонников Гитлера, и уединенную часть бухты, где отдыхает главный герой Кристофер с двумя друзьями. Посредником между двумя пространствами становится навязчивый незнакомец, представившийся хирургом из Берлина. Доктор полностью отвечает образу арийца, распространяемому нацистской пропагандой: он атлетичный блондин с голубыми глазами. Мотив телесности раскрывается в поведении персонажа, который постоянно ищет физический контакт: прибнимает собеседника, касается его руки. Это раздражает Кристофера не меньше, чем взгляды доктора — последователя расовой теории. Таким образом, в тексте Ишервуда идеальное тело арийца парадоксально становится источником физического отвращения.

Делается вывод о том, что Набоков и Ишервуд деконструируют образы нацистской пропаганды, связанные с телесностью: концепт «тела нации» и ослабляющих его «паразитов» в одном случае и арийский тип внешности в другом. При этом авторы выбирают разные способы пародирования культа идеального тела: если Набоков использует натуралистичное описание купальщиков (акцент на зрении), то Ишервуд вводит мотив нежелательных прикосновений (акцент на тактильности).

Список источников:

1. Spender S. A Poet's Invented and Demolished Truth // New York Times Book Review. — 1963. — May 26. — P. 4–5.
2. Benedictus D. Before Lolita // London Sunday Telegraph. — 1963. — Nov. 10. — P. 17.
3. Гарф А. Литературные пеленки // Новое слово. — 1938. — 20 марта. — С. 6–7.
4. Набоков В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. — Т. 4. — Санкт-Петербург.: Симпозиум, 2002.
5. Cocks G. Sick heil: self and illness in Nazi Germany // Osiris. — 2007. — Vol. 22. — № 1. — P. 93–115.

Взаимодействие нарратора с фиктивным читателем в романах «Выкрикивается лот 49» Т. Пинчона, «Белоснежка» Д. Бартелми и «Бойня №5» К. Воннегута

Ракович Алина Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет

arakovicha@gmail.com

Гибридные романы, в которых визуальная составляющая (верстка, иллюстрации, фотографии) является не менее важной частью повествования, чем вербальная (текст), впервые стали массовым явлением в 1960-е гг. [1, р. 20]. Тогда авторское стремление к подобным экспериментам, обусловленное социальными и политическими потрясениями, совпало с развитием офсетной печати, которая позволила их реализовать [2, р. 55]. Частным случаем гибридного романа является мультимодальный, где визуальные элементы полностью интегрированы в нарратив и оказываются «вспомогательными средствами», которые нарратор предоставляет фиктивному читателю для конструирования фикционального пространства [3, р. 133].

В докладе рассматриваются три мультимодальных романа, в которых взаимодействие нарратора с фиктивным читателем по-разному строится с помощью вербального и визуального медиа: «Выкрикивается лот 49» Т. Пинчона (*The Crying of Lot 49*, 1966), «Белоснежка» Д. Бартелми (*Snow White*, 1967) и «Бойня №5» К. Воннегута (*Slaughterhouse-Five*, 1969). В качестве основной теории используется трансмедиальная нарратология, которая позволяет анализировать совокупность различных медиа в едином пространстве гибридного текста.

Тексты писателей-постмодернистов часто характеризуют как саморефлексивные, нарушающие привычное повествование [4, р. 22]. Эта особенность может означать, что нарратор проявляет инициативу, выстраивая с фиктивным читателем подобие диалога вербально и визуально.

В «Белоснежке» и «Бойне № 5» нарратор сам инициирует взаимодействие с фиктивным читателем. У Бартелми представлен опросник для оценки прочитанного, а у Воннегута — автобиографическое вступление, объясняющее, почему была написана книга. В работе Пинчона прямое обращение к читателю отсутствует, но всеведающий нарратор дает фиктивному читателю детали о фикциональном пространстве романа, приводя, например, полные тексты песен или статей, которые перед героями предстают частично. В докладе рассматривается, как нарраторы используют обозначенные и другие методы для того, чтобы сблизиться с читателями и сделать нарратив убедительным для них.

Другим важным компонентом в выстраивании отношений между нарратором и читателем становятся визуальные элементы, помогающие нарратору задать определенный сценарий, в соответствии с которым читатель должен их «декодировать» и вписать в общий

трансмедиальный нарратив [5, р. 163]. Приведем неоднократно встречающиеся в романах примеры: в «Выкрикивается лот 49» это изображение почтового рожка (два раза нарисован, далее упоминается), в «Белоснежке» — фразы на отдельных страницах, состоящие только из заглавных букв, в «Бойне № 5» — авторские иллюстрации-дудлы. В докладе систематизируются визуальные элементы, а также определяются их функции для визуального и трансмедиального нарратива.

Список источников:

1. Luke J. Writing the Visible Page: A Multimodal Approach to Graphic Devices in Literary Fiction: PhD thesis. — Queensland University of Technology, 2013. — URL: <http://eprints.qut.edu.au/63020> (дата обращения: 12.01.2025).
2. Van Peer W. Typographic Foregrounding // Language and Literature. — 1993. — Vol. 2, № 1. — London: Longman. — P. 49–61.
3. Hallet W. The Multimodal Novel. The Integration of Modes and Media in Novelistic Narration // Narratology in the Age of Cross-Disciplinary Narrative Research. — Berlin; New York: De Gruyter, 2009. — P. 129–153.
4. Maltby P. Dissident Postmodernists: Barthelme, Coover, Pynchon. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016.
5. Wolf W. Narratology and Media(lity): The Transmedial Expansion of a Literary Discipline and Possible Consequences // Current Trends in Narratology. — Berlin; New York: De Gruyter, 2011. — P. 145–180.

Жанровая трансформация травелога в русской литературе: от средневековых хождений к современным нарративам

Смолянинова Дарья Александровна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

9266608030@mail.ru

Травелог как жанр художественной и документальной литературы претерпел значительные изменения в течение своего развития [4, с. 45]. Изучение его трансформации позволяет не только проследить эволюцию литературной формы, но и выявить культурные, исторические и социальные контексты, влияющие на формирование жанровых констант. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации знаний о жанре травелога и применением современных цифровых методов для анализа большого корпуса текстов, что открывает новые перспективы для изучения литературных процессов.

Целью работы является комплексное исследование жанровой трансформации травелога на основе анализа корпуса из 80 текстов русских авторов, охватывающих период с середины XV века до современной литературы. В рамках исследования ставится задача выявить ключевые этапы эволюции жанра, определить изменения в тематической структуре текстов, проследить динамику жанровых констант, а также выявить особенности нарративных стратегий, композиционных особенностей и стилистических маркеров.

Для анализа текстов использовались нейросетевые методы, включая модели машинного обучения на основе архитектуры BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers) для обработки естественного языка. Оцифровка текстов проводилась с применением OCR (оптического распознавания символов) с последующей постобработкой для устранения ошибок. Тематическое моделирование осуществлялось с помощью алгоритма LDA (Latent Dirichlet Allocation), что позволило выделить ключевые темы и их изменения в зависимости от исторического периода. Для анализа жанровых констант применялись методы корпусной лингвистики, включая частотный анализ лексики, выявление коллокаций, а также анализ ключевых слов (Keyness Analysis) для определения значимых лексических единиц в разные периоды.

Проведенное исследование позволило выявить ключевые тенденции в эволюции жанра травелога. Установлено, что тематическая структура текстов претерпела значительные изменения: если в ранних травелогах преобладали описания географических объектов, маршрутов и исторических событий, то в современных текстах усиливается внимание к субъективному восприятию автора, его эмоциональным переживаниям и рефлексии [2, с. 136]. Это отражается в увеличении доли оценочной лексики и усложнении нарративных стратегий. Кроме того, были выявлены закономерности, которые подтверждают гипотезу о постепенном смещении акцента с документальности на художественность.

Применение современных цифровых методов анализа открывает новые возможности для изучения литературных жанров, позволяя глубже понять их трансформацию в историческом и культурном контексте.

Список источников:

1. Шачков В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 3. — С. 277–281.
2. Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков / Под ред. И. В. Щемелевой. — Санкт-Петербург.: Астерион, 2013. — Вып. 5. — С. 132–138.
3. Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сб. ст. / Сост. В.-С. Киссель, Г. А. Тиме; пер. с нем. Г. А. Тиме. — Москва: Новое литературное обозрение, 2010. — 400 с.
4. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Травелог: Теоретико-методологический анализ. — Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2021. — 266 с.
5. Русский травелог XVIII–XX веков: Маршруты, топосы, жанры и нарративы: Сб. ст. / Под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. — Новосибирск: НГПУ, 2016. — 461 с.

«Память “поколения катастрофы” в творчестве Маргерит Дюрас: репрезентация на пересечении литературы и кинематографа»

Трифонова Валерия Константиновна

Санкт-Петербургский государственный университет

st096629@student.spbu.ru

Настоящий доклад основан на задаче выявления особенностей репрезентации памяти «поколения катастрофы» в творчестве Маргерит Дюрас: в литературе и кинематографе. Исследование включает в себя равнозначный анализ как текстов Дюрас, так и снятых ею фильмов, в основу которых легли ее романы и сценарии. Примерами, на которых строится анализ, выступают романы *Abahn Sabana David* 1970 г., *Détruire, dit-elle* 1969 г., а также сценарии: *Aurélia Steiner (Melbourne)*, *Aurélia Steiner (Vancouver)*, *Aurélia Steiner (Paris)*, *Hiroshima, mon amour* 1960 г. Кинематографическими примерами выступают фильмы: *Jaune le soleil* 1972 г., *Détruire, dit-elle* 1969, а также два фильма короткого метра: *Aurélia Steiner (Melbourne)* 1979 г., *Aurélia Steiner (Vancouver)* 1979 г.

Термин «поколения катастрофы» используется в междисциплинарной академической области memory studies, для определения поколения выживших во время катастрофических событий XX века: Второй мировой войны, Холокоста, концентрационных лагерей, геноцида. Так, Дюрас как представительница этого поколения, репрезентирует во многих своих текстах и фильмах «коллективную память» о Второй Мировой войне. Стратегии письма Маргерит Дюрас раскрываются в контексте «нового романа», литературного течения, возникшего в 1960-х годах, а также работы с текстом и визуальным кинематографическим образом в рамках ее политики не-различения литературы и кино. Особенности репрезентации темы памяти в творчестве Дюрас через анализ стилистических, нарративных и жанровых особенностей текста, а также в рамках кино-практик: через переосмысление документальной конвенции в ее неигровых фильмах, и смывание границы вымысла и реальности в игровых. В общих для литературы и кино стратегиях мы различаем деперсонализацию героев и создание вырванного из контекста, вымыщенного пространства: акустическое пространство в кино, и метафорическое пространство в литературе. Часто, такие пространства оказываются вне времени и играют роль воссоздания мира после катастрофы. В контексте разговора о творчестве Дюрас важно упомянуть создание гибридного текста и ее политику не-различения кино и литературы, на пересечении которых писательница и выстраивает свое особое пространство повествующего голоса и диалога. Так, мы наблюдаем взаимозаменяемость кино и литературы у Дюрас: «кинематографический стиль» в литературе и первичность текста в кино, в связи с которым важно также отметить модус слушания, как акцентную черту ее кино-стиля. Помимо стилистических особенностей, важно упомянуть смысловые элементы разворачивания механизма воспоминания и образные структуры репрезентации, среди которых можно выделить оторванные голоса, наиболее характерный прием Дюрас как

кинематографиста, который создает парадоксальное, наследующее эстетике Малларме «присутствующее поле отсутствия», а также конфликт формы и содержания, создающий необходимый для означивания темы памяти.

Таким образом, мы выявляем стратегии письма Дюрас о памяти в контексте репрезентации памяти «поколения выживших» и выделяем особенности ее работы с текстом на пересечении литературных и кино-практик.

Список источников:

1. Роб-Грийе А. За новый роман // Роб-Грийе А. Романески / Пер. с фр. — М.: Ладомир, 2005. — С. 529–593.
2. Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме / Пер. с фр. С. Лосева, К. Саркисов. — Москва: Носорог, 2018. — 224 с.
3. Everett W. An Art of Fugue? The Polyphonic Cinema of Marguerite Duras // Revisioning Duras. — Liverpool: Liverpool University Press, 2000.
4. Caruth C. Unclaimed Experience. Trauma, Narrative and History. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.
5. Alexander Jeffrey C. Cultural Trauma and Collective Identity. Toward a Theory of Cultural Trauma. — Berkeley: University of California Press, 2004.

Готические элементы в криминальном романе Таны Френч «В лесу»

Фомич Василиса Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

fomvasal@gmail.com

Атмосфера тайны, эмоциональное напряжение, ужасающие происшествия — лишь несколько самых общих черт, которые разделяют готическая литература и криминальный роман. Наследие готики в криминальной литературе прослеживается на самых разных уровнях: от заимствования мотивов и образов до конкретных приемов и особенностей хронотопа [1, р. 17]. Конкретное воплощение этих заимствований мы рассмотрим на примере дебютного романа Таны Френч (Tana French) «В лесу» (In the Woods, 2007), входящему в цикл «Дублинский отдел убийств» (Dublin Murder Squad). Стоит отметить, что криминальную литературу в данной работе мы, вслед за Н. Н. Кириленко, трактуем как обобщающий термин, позволяющий включить в поле рассмотрения разные виды текстов, ключевой темой которых выступает «преступление и связанные с ним аспекты» [2, с. 32–34].

В романах Таны Френч наблюдается характерное для ирландской криминальной литературы размывание жанровых границ [3, р. 12–13]: «В лесу» сочетает в себе характеристики детектива, полицейского процедурала и — готики. Название романа отсылает нас к его основному локусу — лесу, мрачному и темному, типично готическому. Именно здесь находят тело убитой девочки, и детектив Роб Райан, расследующий это дело, не может не вспоминать события собственного детства: двадцать лет назад он и двое его друзей пропали в этом же лесу, и только Райана удалось найти спасателям. На протяжении всей истории он находится в нестабильном психическом состоянии, свойственном для готической истории, испытывает тревогу и страх, мучается оточных кошмаров. Повествование, ведущееся от лица Роба, насыщается готическими образами: например, он часто сравнивает себя и других с призраками или персонажами старых сказаний и т. д. Воспоминания же героя о произошедшем с ним в детстве пропитаны мифом: так, его рассказ о том, как рядом с ним и его друзьями бежали олени, вызывает ассоциации с легендой о короле Суйбне [4, р. 90]. Обращение к ирландской мифологии обнаруживается и в других местах текста, в частности, намекается, что пропавших детей могло забрать мистическое существо Пука. Присутствие — и не подтвержденное, и не опровергнутое — сверхъестественного снова обращает нас к готике. Создаваемая за счет подобного использования готических тропов повествовательная неопределенность [3, р. 91], вместе с готической одержимостью прошлым, призраки которого не отпускают героя, ложатся в основу конструируемого Френч мира. Тем временем в линии расследования убийства девочки мы обнаруживаем традиционное для ирландской литературной готики обращение к семейным проблемам и мотиву небезопасности дома [3, р. 97; 5, р. 228–229] — и на этом готические элементы в тексте не заканчиваются.

В результате исследования планируется составить подробный список готических черт романа и проанализировать их функции в тексте, а также осмыслить готическое наполнение «В лесу» в контексте традиции ирландской готики. Многие работы зарубежных литературоведов посвящены рассмотрению отдельных готических черт разных романов писательницы, однако комплексной работы, посвященной «В лесу», как и работ на русском языке на эту тему, на данный момент не существует. Этую нехватку мы и попытаемся восполнить в нашем исследовании.

Список источников:

1. Ascari M., Baiesi S., Palatinus D. Introduction: Why yet another book on the gothic // Gothic metamorphoses across the centuries: Contexts, legacies, media / M. Ascari, S. Baiesi, D. Palatinus, eds. — Bern: Peter Lang, 2020. — P. 9–35.
2. Кириленко Н. Н. Жанровый инвариант и генезис классического детектива: специальность 10.01.08 «Теория литературы, текстология» дис. ... канд. филол. наук; РГГУ. — Москва, 2016. — 252 с.
3. Cliff B. Irish crime fiction. — London: Palgrave Macmillan, 2018. — 214 p.
4. Downum D. Learning to live: Memory and the Celtic Tiger in novels by Roddy Doyle, Anne Enright, and Tana French // New Hibernia Review. — 2015. — №3(19). — P. 76–92.
5. Johnsen R. E. The house and the hallucination in Tana French's new Irish gothic // Domestic noir: The new face of 21st century crime fiction: edited volume / L. Joyce, H. Sutton, eds. — London: Palgrave Macmillan, 2018. — P. 221–239.

Церковный календарь в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы»

Шелыгина Анна Викторовна

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

a_shells_a@mail.ru

Во многих произведениях русской литературы время представлено «не датами (веками, годами, месяцами), а христианскими праздниками» [1, с. 160]. В романе И.С. Шмелева «Няня из Москвы» в качестве хронотопической характеристики используется церковный календарь, который не просто датирует события, но и выполняет смысловую функцию. Цель работы — выявить роль церковного календаря в художественной структуре романа Шмелева «Няня из Москвы».

Написанный в сказовой форме роман «Няня из Москвы» представляет собой рассказ русской няни Дары Степановны Синицыной о событиях Гражданской войны и эмиграции. Героиня часто упоминает христианские праздники, ориентируясь с их помощью в последовательности событий. Церковный календарь является неотъемлемой частью жизни няни, что определяется воплощенным в ней типом национального характера. В ее речи часто встречаются названия православных праздников — Пасхи, Сретенья, Масленицы и др. Их именования, будучи маркерами времени в романе, оказываются связанными с переломными моментами в жизни героев, выполняя смысловую функцию, организуя ценностно-смысловое пространство романа. Особое место в художественном пространстве романа занимает праздник Пасхи, на который приходятся ключевые сюжетные эпизоды, что подтверждает причастность творчества Шмелева к отечественной литературной традиции изображения православного образа мира [2, с. 548]. Так, праздник Пасхи в XXIV главе вспоминает барин перед смертью, и это определяет его внутреннее преображение: атеист по убеждениям, перед смертью он возвращается к Богу, что становится возможным благодаря его способности смириться. Идея преображения является одной из главных в романе, и связана она со смирением, главной чертой идеальных героев Шмелева. Кульминация в сюжетной истории любви героев Катички и Васеньки также приходится на Пасху. В эпизоде посещения няней русской графини, теперь католической монахини, открываются сплетения судеб, душевные переживания героев и связанные с ними мотивы правды и лжи, греха и покаяния. Главное, благодаря жертвенной любви няни, добывшей у монахини важное письмо, разрешаются все конфликтные узлы и открывается дорога к счастливому браку ее Катички.

Няня представляет собой смиренный тип героини, а доминанта смирения восходит к Евангельскому образцу — образу Христа, показавшему образец смирения в Распятии на кресте и путь спасения людей в Воскресении. Так события романа в календарном пространстве Пасхи обретают сакральный, духовный смысл и раскрывают образы героев.

Итак, художественное время в романе «Няня из Москвы» строится на основе православного календаря, который маркирует важнейшие сюжетные эпизоды, организует

ценностное пространство героев, выполняя характерологическую роль; определяет характер символики в романе, ее иконичность, соединяя в себе сакральное и земное.

Список источников:

1. Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики: Этнологические аспекты. — Москва: Индрик, 2012. — С. 160.
2. Есаулов И.Е. Национальное своеобразие литературы // Введение в литературоведение: учебное пособие / под ред. Л. В. Чернец. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Высшая школа, 2004. — С. 540–624.
3. Шмелев И. С. Няня из Москвы. // Шмелев И. С. История любовная: Романы. — Москва: Изд-во журн. «Москва», 1995.

ФИЛОСОФИЯ

Моральная дилемма атеиста в этикотеологии И. Канта

Варфоломеева Марьяна Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Varfolomeevmaryana@yandex.ru

Этическое общество является главной целью человечества по Канту. При этом этика Канта невозможна без идеи Бога. Каким образом в таком случае быть с проблемой атеизма, которая поднимает все еще актуальный в современной политической философии вопрос о свободе совести и попытке построения правовых систем на основе индивидов с очень разными преференциями?

В корпусе сочинений Канта фигура атеиста возникает периодически. Она всегда является фигурой, содержащей в себе некоторое неразрешимое внутреннее противоречие. Единственным разрешением которого является принятие *res fidei*, то есть постулатов Бога как высшего морального существа, второго и третьего постулатов практического разума и бессмертия души.

Кант делит атеизм на скептический и догматический. Первый объявляется совместимым с правом и, возможно, «подлинной религией разума», тогда как второй становится врагом как этики, так и права. Так как скептический атеист не убежден спекулятивными доказательствами бытия Бога, в своем неверии он продолжает допускать возможность как существования, так и non-existence высшего морального существа. Получается, его позиция совместима с «чистой религией разума», в которой Бог является не основанием (в отличие от «долга» и «свободы»), а, скорее, необходимым «практическим следствием» подлинной этики.

Догматический атеист, абсолютно убежденный в невозможности бытия Бога, в последовательном применении максими, согласно которой «высшее благо» не может существовать, устраниет саму возможность действовать этически, то есть во благо большинству, не только себе. Он не может быть частью подлинного этического общества, так как у него нет доступа к «свободе совести» в качестве позитивного практического идеала. Также, оказывается вне правового поля, юридически наказуемым.

Фигура атеиста, таким образом, позволяет эксплицировать два «идеала свободы» в философии права Канта. «Негативный», связанный исключительно с формальной сообразностью права, и «позитивный», связанный с утверждением человека как свободного существа, способного действовать разумно.

В докладе будут подробно рассмотрены следствия как скептического, так и догматического атеизма для двух идеалов свободы совести в «Метафизике нравов» Канта, а именно, каким образом скептический и догматический атеизм противоречат «этикотеологическому децизионизму» Канта, создавая ситуации моральной неразрешимости, «препятствий» к моральному решению. Также, в докладе будет

рассмотрено каким образом этическое общество Канта решает современную проблему построения правовых систем.

Список источников:

1. Immanuel Kant Lectures on ethics. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — 537 с.
2. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Собр. Соч.: В 8 т. — Москва : Чоро, 1994. — Т. 5. — 414 с.
3. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Собр. Соч.: В 8 т. — Москва: Чоро, 1994. — Т. 6. — С. 224–543.
4. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Собр. Соч.: В 8 т. — Москва: Чоро, 1994. — Т. 6. — С. 5–222.
5. Нагль-Доцекаль Х. Почему «этическое государство» Канта может оказаться полезным в борьбе с современными социальными патологиями // Кантовский сборник. — 2021. — № 3. — С. 156–186.

«Отчуждение» в современном образовании

Васильева Элина Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет

st133528@student.spbu.ru

В работе рассматривается концепция отчуждения [2], предложенная немецким философом Карлом Марксом, в контексте современного образования.

Школа, в привычном для нас виде, является мифом, в котором человек не может получить знание без образовательной структуры. «Только обучение порождает учение» [1, с. 41]: сам процесс понимания превратился в продукт, за который нужно бороться и платить. В этом случае человек в системе образования ничем не отличается от человека на производстве, низведенного до состояния машины. Бразильский педагог Паулу Фрейре называл это «банковской системой» [3, с. 20–23]: показатели эффективности преподавания заключаются в объеме знаний, приобретенных школьником.

Капитал есть накопленный труд, и в случае с образованием капиталом является объем знаний, полученный школьником в процессе обучения. Получение хороших результатов во время проверки знаний сравнимо с повышением заработной платы у рабочих: чем больше человеку платят, тем больше он начинает «надрываться за работой» [2] для получения лучшего продукта, что приводит к «рабской службе у алчности» [там же]. Результат за тест отчуждает человека от самого знания, которое проверяется. Более того, работа ученика становится значимой только в случае ее проверки учителем: этим действием человек, стоящий выше в системе учитель-ученик, присваивает себе труд другого, дополняет его, «совершенствует». Получается, что в образовательном процессе учащийся не только отчуждается от своего труда как от процесса получения знаний, будучи настроенным лишь на итоговую оценку, но и отчуждается от самих результатов работы.

Общество эксплуатирует миф об образовании еще до того, как человек поступил в школу: для включения в образовательную систему он заранее должен быть обучен некоторым знаниям. То есть обязательная для всех граждан общественная структура выбирает детей, заслуживающих учиться в школе. Будучи определенным в школу, ребенок обязывается каждый год проходить норму знаний по предметам и переходить из класса в класс. Однако, если ученик недостаточно, по меркам учителя, овладел выданной ему информацией, он остается на второй год. Ребенок оказывается недостойным идти дальше с одноклассниками, его навыки усваивать и воспроизводить полученные знания стоят превыше физического и социального развития. Попадая в тот же по уровню класс, но с другими людьми, ученик отчуждается от своего опыта, обнуляет его: эта ситуация «сочетания бессилия перед обстоятельствами с утратой личностного потенциала» [1, с. 9].

Эффективность современного обучения и познания «практически приравнены к деятельности соответствующих государственных институтов» [там же, с. 7]. Школа, как одна

из первых ступеней образовательной системы, выполняет заказ на количество детей в классах, их средний уровень оценки, на воспитание в них определенных качеств, что приводит к смешению педагогических и административных амбиций.

Список источников:

1. Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.eusi.ru/lib/illic_osvobogdenie/pred.php (дата обращения: 30.12.24).
2. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/index.htm> (дата обращения: 30.12.24).
3. Фрейре П. Педагогика угнетенных. — Москва: КоЛибри, 2018. — 288 с.

Канат и канатный плясун в символическом пространстве «Так говорил Заратустра»

Ежов Иван Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет

i.ejoff@yandex.ru

Среди многочисленных образов и метафор, наполняющих текст «Так говорил Заратустра», особое место занимают канат и канатный плясун. Они служат иллюстрациями учения о Сверхчеловеке и, располагаясь в начале «Предисловия Заратустры», как бы настраивают читательскую оптику на весь последующий текст. Ницшевские образы каната и канатоходца нашли отражение в искусстве XX века и не были обойдены вниманием в философии и психологии (достаточно назвать К. Юнга [1]), но предметные исследования на эту тему проводились редко [2].

Цель доклада — выявив смысловые оттенки концептов каната и канатного плясунов в «ТГЗ», показать, что в данных образах сосредоточены несколько глубинных интуиций Ф. Ницше, впоследствии ставших центральными для многих направлений мысли XX века. Обосновывается тезис, что эти образы могут послужить ключом к наиболее полному и адекватному пониманию философского замысла Ницше, при условии, что находимые в них смыслы будутдержаны во взаимном напряжении.

Восприятие образов каната и канатоходца в «ТГЗ», многозначных и насыщенных самих по себе, дополнительно усложняется двумя факторами. Во-первых, они фигурируют в двух различных планах: монологическом (проповедь Заратустры) и сюжетном (сцена на площади). Во-вторых, в речи Заратустры человек уподобляется как самому канату, так и идущему, и даже переходу («Человек — это канат... он — переход... идет он...» [3, с. 10]). Это наслаждение кажется неслучайным, но соответствующим онтологической установке Ницше. Для философа важно преодолеть метафизическое разграничение между действием и «присоединенным» к нему актором, феноменом и вещью в себе, становлением и бытием, объективностью и субъективностью. В этом смысле канат служит удачным символом ницшеанской точки зрения: в отличие от линии, нить за счет упругости обладает собственной внутренней динамикой. Натяжение нити неотделимо от нее самой как материального субстрата. Равным образом и в искусстве канатоходца механическое перемещение из точки А в точку В и внутреннее сознательно-волевое преображение не представимы друг без друга. Если усматривать в данном сюжете аллегорию учения о Сверхчеловеке, то отсюда следуют некоторые выводы. Однаково недостаточным кажется истолковывать Сверхчеловека только статически или только динамически, как некое высшее будущее состояние общества или индивида или же как путь, ведущий к нему. Ницше требует синтеза двух слагаемых: каната и его натяжения, пути и идущего. Сверхчеловек — это собственно человек, реализующий себя в модусе -сверх. Он может существовать лишь в качестве цели, ценности, всегда-отложенного

обещания, но этим его реальность не умаляется. Конкретно-телесный образ Сверхчеловека выкристаллизовывается актом воли, решимостью человека пройти по себе самому, как по канату.

В концепте канатного плясuna и в сцене с участием «паяца» обнаруживается множество смысловых оттенков: маргинальность, транзитивность, риск, эстетизм и пр. Для их интерпретации задействуется широкий культурно-исторический контекст.

Список источников:

1. Юнг К. Г. «Заратустра» Ницше. Записи семинаров, проведенных в 1934–1939 гг. // Юнг К. Г. Собр. соч.: В 4 т. — Москва: Касталия, 2024. — Т. 1. — 432 с.
2. Cauchi F. Figures of funambule: Nietzsche's parable of the ropedancer // Nietzsche-studien — 1994. — Vol. 1. — № 23. — P. 42–64. — DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110244427.42> (дата обращения: 11.01.2024).
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. — Москва: АСТ, 2022. — 416 с.

Спекулятивный реализм и историческая теория: новый взгляд на связь текста, субъекта и исторической реальности

Еремин Иван Петрович

Российский государственный гуманитарный университет

ivaneremin000@yandex.ru

Одной из главных проблем современной исторической теории является соотношение исторической реальности и текста. Какая нить связывает текст, историка и прошлое? Многие современные исследователи сходятся в одном: текст является главным связующим звеном между исторической реальностью и историком. Часто исследователи оценивают эту ситуацию как негативную и требующую решения. Так, один из самых влиятельных теоретиков истории Ф. Анкерсмит пишет о «лингвистическом трансцендентализме», который присущ всей современной теории исторического знания. В такой ситуации историческое познание сводится к анализу категориального аппарата историка и его возможностей познать реальность, что ограничивается анализом текста и языка без внимания к самой исторической реальности [1, с. 147].

В нашем исследовании мы обращаемся к современному направлению в континентальной философии, известному как «спекулятивный реализм». Подобно Ф. Анкерсмиту, спекулятивные реалисты критируют «корреляционизм» в современной философии, формой которого является лингвистический трансцендентализм. Один из представителей спекулятивного реализма, К. Мейясу пишет: «Под “корреляцией” мы понимаем идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [2, с. 11].

Наша гипотеза заключается в том, что посредством сравнительного анализа, реконструкции и синтеза концепций философов спекулятивного реализма и Ф. Анкерсмита можно найти оригинальный ответ на вопрос о характере современной связи субъекта, исторической реальности и текста. Ф. Анкерсмит видит основную проблему современной философии в чрезмерном внимании к корреляции между языком/текстом и историком. В ответ на проблему лингвистического трансцендентализма он предлагает концепт репрезентации, которая является результатом взаимодействия текста и исторического опыта субъекта. Репрезентация у Ф. Анкерсмита имеет метафорическую природу: метафора замещает объект без потери смысла, подобно тому, как репрезентация прошлого замещает само прошлое [1, с. 148]. Этот подход сближает его с Г. Харманом, другим представителем спекулятивного реализма, который пишет о метафоре и метафорическом познании как способе взаимодействия с объектами, недоступными для полного познания из-за лингвистического трансцендентализма (по Ф. Анкерсмиту) или корреляции (по К. Мейясу) [3, с. 211]. В свою очередь К. Мейясу предлагает аргумент, благодаря которому концептуализируется историческое время и исторический факт, таким образом критикуя

позицию, в которой текст и язык являются эпистемологическими препятствиями для исторического познания [2, с. 70–119].

Таким образом, мы предполагаем, что синтез концепций спекулятивных реалистов и Ф. Анкерсмита предлагает новые решения проблемы соотношения текста, субъекта и исторической реальности и намечает контуры новой теории, в которой текст и язык не были бы главным связующим звеном между ними. Эта новая теория требует дальнейших связей между современными философскими и историческими теориями.

Список источников:

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. — Москва: «Европа», 2007. — 608 с.
2. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / пер. с франц. Л. Медведевой. — Москва: Кабинетный учений, 2015. — 196 с.
3. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А.А. Писарева. — Москва: РИПОЛ классик, 2020. — 512 с.

Metaxi: мосты между мирским и божественным в работах Симоны

Вейль и Уильяма Дэсмонда

Ефименко Виолетта Сергеевна

Европейский университет в Санкт-Петербурге

efimenko.violetta1789@gmail.com

Симона Вейль видела христианство как ту истину, что существовала до рождения Христа; это специфическое представление о распятии как о всегда происходящем, как о свершающемся еще до рождения Иисуса отразилось на ее восприятии всей истории философии, но прежде всего — на той интерпретации, которую С. Вейль дает Платону. Греческая философия, как утверждала С. Вейль, занимала в ее работах место Ветхого Завета, а Платон оказывался «подлинным мистиком, и даже отцом западного мистицизма» [4, р. 76]. Фигура Христа воплощает связь между Богом и миром, и структура, которую С. Вейль использует, описывая эту связь, заимствована ей у греков [3, р. 137]. «Вся греческая цивилизация — это поиск мостов, которые соединят человеческое несчастье и божественное совершенство» [4, р. 74].

Центральным для доклада понятием станет греческое слово *metaxi* (μεταξύ), которое обозначает «между», «посреди», «в промежутке». Через это слово Вейль проговаривает свою интуицию: то, что отделяет нас от Бога, может и должно служить инструментом, с помощью которого мы можем вернуться к Нему. *Metaxi* — это некая сфера, способная удерживать в себе противоречия, «привязанность, заключающая в себе невозможность» [1, с. 119], которая не должна утрачивать свое положение в качестве промежуточной ступени; фокус в конечном счете должен быть перенесен с нее на Бога.

Симона Вейль — одна из немногих, но не единственная, кто пытался концептуализировать *metaxi* как то «между», которое оказывается одновременно разделяющим и связывающим. Поэтому в докладе будет также проведена параллель с Уильямом Дэсмондом, который вводит слово *metaxi* в части главы «God and the Between», посвященной Платону. В частности, он берет его из фрагмента речи Диотимы: «И, признав, что Эрот не прекрасен и также не добр, не думай, что он должен быть безобразен и зол, а считай, что он находится где-то посредине между этими крайностями» [2, с. 112]. Для У. Дэсмонда *metaxi* — это способ мыслить между унивокальностью и эквивокальностью (*equivocal transience, univocal beyond*), не останавливаясь на том или ином варианте и не абсолютизируя его.

Есть по крайней мере одно очевидное расхождение С. Вейль с У. Дэсмондом в том, что касается понимания *metaxi*. У. Дэсмонд пишет: «Мы можем думать скорее об участии, метексисе, как посредничестве, в этом «между» (*metaxi*), нежели чем думать о нем в терминах определенного третьего, которое служит мостом между двумя фиксированными мирами, рассмотренными как дуалистические оппозиции» [там же, 179]. У С. Вейль *metaxi*

мылится как нечто субстантивированное — она буквально употребляет слово «мост», от которого У. Дэсмонд откращивается. В докладе будет акцентировано это напряжение между metaxi как связью, которую невозможно конкретизировать, и metaxi как объединяющим вполне конкретные, но неоднородные явления из человеческого мира, которые можно представить скорее как конstellацию, — например, математику, любовь, сострадание.

Список источников:

1. Вейль С. Тетради 1933–1942. — Санкт-Петербург.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. — Т. 2. — 611 с.
2. Платон. Пир // Платон Собр. соч.: В 4 т. — Москва: «Мысль», 1993. — С. 81–135.
3. Desmond W. The Intimate Strangeness of Being. Metaphysics after Dialectic. — Washington: The Catholic University of America Press, 2012. — 312 p.
4. Springsted E. Christus mediator: platonic mediation in the thought of Simone Weil. — Chicago. American Academy of Religion, 1983. — 328 p.
5. Weil S. God in Plato // Intimations of Christianity among Ancient Greeks. — London, NY: Routledge, 2024. — P. 73–89.

Абсолют любимый и любящий: переосмысление восточными перипатетиками аристотелевского перводвигателя

Камалетдинов Амирхан, Гаврилов Данил Михайлович

Казанский федеральный университет

razentikplus2333@gmail.com, Bugazinga@yandex.ru

Фальсафа или восточный перипатетизм — пример плодотворного, внутренне непротиворечивого синтеза древнегреческой философии с авраамической религией. Положения ислама осмысляются с привлечением понятийного аппарата древнегреческой философии. Для раскрытия своеобразия их мысли актуальным представляется сравнить представление о недвижимом двигателе Аристотеля с представлениями фальсафы, так как они должны были произвести отвечающую нуждам их мировоззренческого базиса рецепцию абсолюта из наследия Аристотеля.

Речь о перводвигателе Аристотеля нужно начать с энтелехии, то есть с того, что позволяет нам говорить о телеологии, так как отношение между материальной и формальной причиной и между мастеровой и целевой причиной подчинены одной и той же логике самораскрытия. По мере движения от материи к форме вещь все больше реализует заложенный в ней потенциал. Этот процесс раскрытия и реализаций потенций вещи, актуализация возможного по мере оформления материи по мере превалирования формального над материальным и называется энтелехия. Возникает вопрос: если энтелехия есть стремление вещи к совершенству, где совершенство — максимальная реализация формы в пределе утверждение одной формы, то где конечная точка, к которой движется вещь? Это форма форм, недвижимый перводвигатель. Недвижимый двигатель есть чистая форма и совершенство, по мере влечения к которому вещи реализуют свое собственное совершенство, начинают походить друг на друга. По мере этого движения выстраивается иерархия вещей. Аристотель, как и его античные комментаторы, сравнивает данные устремления и порожденные движения вещей с тем, как объект любви приводит в движение любящего, сам при этом сохраняя неподвижность. Неподвижность перводвигателя сохраняется благодаря совершенству, обуславливает его самозамкнутость. Если бы двигатель был ориентирован вне себя, он не был бы совершенным, распылял бы совершенство вне себя. Но перводвигатель замкнут сам на себя он и любит сам себя. Он может являться объектом любви, но не может быть субъектом. Поэтому он недвижимый — не движется (не любит), но движет (побуждает к любви).

В наследии фальсафы также утверждается бытие Бога как объекта любви. Они в отличии от мутакаллимов вводят атрибуты аль-ишк или аль-махабба [1, р. 415]. Как и Аристотель, они утверждают выстраивание иерархии между вещами приближающимися к перводвигателю. Однако они, ссылаясь на коран и хадисы [2, р. 183–194] утверждают взаимность любви творца и творения. Бог понимается и как субъект, и как объект любви. Для

создания плодотворного синтеза древнегреческой философии с авраамической религией перипатетики переосмысляют концепт совершенства. Представители фальсафы увязывают совершенство Бога с его распространением во вне. Аллах настолько совершенен и благ, что непременно дарует свою милость. Он настолько совершенен, что его благость выходит за пределы его сущности, давая возможность существовать иерархии созданий, задавая им цель в виде источника бытия.

Список источников:

1. Ефремова Н. В. Атрибуты Бога согласно фальсафе // Ишрак: ежегодник исламской философии. — 2011. — №2. — 484 с.
2. Сагадеев А. В. Ибн-Син». — Москва: Мысль, 1980. — 194 с.

Сшивание мира: еврейская мистическая мысль в контексте визуальных метафор в европейской поэзии XX века

Король Елена Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

keikeikeikuroo@gmail.com

Большая часть мистического опыта в каббALE достигается через практики, направленные на стимулирование возникновения визионерских опытов, для которых характерна специфическая концептуальная сетка, которая постоянно (ре)транслируется и (ре)интерпретируется. Эти практики можно описать как то, что схватывает мгновение в замершем виде, как один из сотен «кадров», которые фигурируют постоянно у связанных узлом традиции между собой людей. Они исключительно направлены на визуальное [2] — плач, вызывающий экстатическое состояние такого уровня, что перед глазами может явиться и Иерусалимский храм, и ангел, и сама божественная сущность; многочасовые медитации с визуализацией букв божественного имени, сфиrot, символов (от образа Шхины до розы, мандорлы, пустоты, престола, стягивания, излияния и проч.) и связанные с ними числа и цвета [4].

Упомянутые каббалистами наборы символов хорошо вписываются в поэтический язык тех, кто либо находится в мистической традиции, как У.-Ц. Гринберг [1], отец которого был хасидским цадиком, либо и занятые укреплением своей идентичности через тексты исследователей, как П. Целан [3]. Использование каббалистических символов, интуитивно, случайно считанное всплывшими на поверхность меткими мистическими концептами, необходимыми для принципиальной пересборки мира, или намеренно использованные в надежде осмыслить и возродить эмоциональное взаимодействие с богом, который перестал быть виден в зазорах реальности в общем-то недалеко отходит от каббалистической канвы, — в любом случае красная нить вшивается в действительность дальше.

Визуальность становится универсальным инструментом трансцендирования, посредником между человеком и миром, даже мирами — миром материи, и миром не поддающейся рациональному описанию авраамической трансцендентности. Отсюда и необходимость не только развития теории визуальных практик, но и создание визуального инструментария — от сефирот, до стихов, даже до камеры-глаза, если идти дальше, в оптические технологии.

Хорошо вписываются они также и в качестве визуальных метафор в теоретические работы З. Фрейда, М. Бубера, В. Беньямина, С. Вейль, Ж. Деррида и др., поэтому концептуальная сетка мистики, поэзии, оптических технологий на философию нам кажется вполне уместной и интересной в исследовании.

Методы, используемые для исследования, включают в себя герменевтический и интертекстуальный анализ, а также гипотетико-дедуктивный метод, позволяющий в полной

мере раскрыть гипотезу связи мистических практик, поэзии и оптических технологий как способов завоевания пространства визуального.

Список источников:

1. Гринберг У.-Ц. Не угласнет душа: Стихотворения и поэмы. — Москва: Водолей, 2016. — 192 с.
2. Идель М. Каббала: новые перспективы / Отв. ред. У. Гершовича. — Москва: Гешарим. 2010. — 466 с.
3. Целан П. Стихотворения, проза, письма / Отв. ред. М. Белорусца. — Москва: ООО «Ад маргинем пресс», 2013. — 736 с.
4. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике / Отв. ред. Г. Зелениной. — Иерусалим: Гешарим, Москва: Мосты культуры, 2004. — 511 с.

История безумия в неклассическую эпоху

Листопадов Матвей Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет

matsveilistapadau@gmail.com

Фигура безумного преследует философию практически с ее начала. Платон впервые классифицирует ментальные расстройства в «Федре»: «А неистовство бывает двух видов: одно следствие человеческих заболеваний, другое же божественного отклонения от того, что обычно принято» [1, с. 175]. Греческое слово *μανία* может быть переведено как одержимость. В этом смысле одержимый божественным — благой, а одержимый человеческим замкнут сам на себя, и поэтому оказывается недоступен для всякого внешнего описания.

Декарт, изобретая рациональное *cogito*, выносит сумасшедшего за скобки по мнению Фуко. Принцип «Я мыслю, следовательно, я есмь» несовместим с безумством субъекта — его субъектность попросту отменяется: «Безумие — это совсем другое, оно деформирует и переносит в другое место; оно порождает иную сцену ... Сон не переносит сцену; он удваивает указательные местоимения которые указывают на сцену, на которой я нахожусь» [2, с. 155]. Отметим, что спор об отношении безумия и *cogito* не разрешен. Другой позиции, например, придерживается Жак Деррида: безумие встроено в структуру когито как абсолютного сомнение в собственном бытии.

Исходя из эпистемологической исключенности сумасшедшего, Фуко делает следующий шаг, а именно политизирует умалишенного. Дома для душевнобольных появляются лишь в XVII веке, тогда же Декарт пишет Медиации. Власть в терминологии Фуко есть «не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен, — это имя, которое дано сложной стратегической ситуации в данном обществе» [3, с. 193]. Власть осуществляется не государственными образованиями, она пронизывает общество на уровне повседневности. Языком тотальности власти служит рациональность. Именно поэтому сумасшедший исключается из общества не на основаниях «объективной ущербности», а из-за не переводимости идеологии на иной язык умалишенного.

«Истории безумия» вышла в 1961 году, с тех пор мы шагнули в поздний капитализм, который теперь есть метадискурс всего: «Легче вообразить конец света, чем конец капитализма» [4, с. 4]. Марк Фишер предлагает нам следующее понимание болезни: «Эпидемия психических расстройств» в капиталистических обществах может указать на то, что капитализм ...на самом деле дисфункционален по самой своей природе» [там же, с. 43]. Отсылая к психоаналитическому различию между реальностью и Реальным, философ утверждает, что расстройство есть ключ к не символизированному Реальному. Во многом схожа позиция Хана Бён-Чхоля, автора «психополитики» [5]. Капиталистическая эксплуатация больше не есть контроль над, теперь сами люди желают угнетать себя ради успеха, современный человек — раб и мастер в одном лице. Эпидемия западного общество —

выгорание. В отличие от Фуко, который видит в маргиналах революционный потенциал, последние два автора пессимистичны. Тем не менее, мы можем выделить стратегию сопротивления — отказ от индивидуализации психического расстройства. Психиатрия борется с симптомами, а не с причиной — дисфункциональностью капитализма.

Список источников:

1. Платон. Федр // Платон. Собр. Соч.: В 4 т. — Москва: Мысль, 1993. — Т. 2.
2. Голобородько Д. Б. Концепции разума в современной французской философии. М. Фуко и Ж. Деррида. — Москва: ИФ РАН, 2011. — 177 с.
3. Фуко М. Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. — Москва: Магистериум Касталь, 1996. — С. 97–111.
4. Фишер М. Капиталистический реализм. — Москва: Ультракультура 2.0, 2010. — 167 с.
5. Han B.-C. Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power. — London; New York: Verso, 2017. — 87 p.

Филия — либидо — танатос: об узлах влечений у Фрейда с Эмпедоклом

Маркова Яна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —

Санкт-Петербург

iana.caerulea@gmail.com

Дуализм влечений жизни и влечений смерти у Фрейда — это проблематичный эпизод в истории психоанализа, особенно в свете, с одной стороны, более ранних дуализмов (например, «влечений Я» и «влечений либидо» в период метapsихологических сочинений 1915 года) и, с другой стороны, размышлений Фрейда на закате жизни о противопоставлении созидающего Эроса и разрушительного агрессивного влечения в человеческой природе, — например, в «Недовольстве культурой». Что соотносится с чем, если вообще соотносится? На первый взгляд и в соответствии с обычным толкованием, к которому прибегал и сам Фрейд, либидо соотносится с Эросом и с влечениями жизни. Однако такая аналогия немедленно натыкается на трудности: не является ли любовное влечение к слиянию стремлением к разрядке психического напряжения? А стремление к разрядке, в свою очередь, — стремлением к энергетическому нулю, безразличию, то есть влечением к смерти? Тогда влечения Я, обергающие целостность границ психики и полагающие объект в качестве внешнего, будут скорее соотноситься с Эросом как с силой воспроизведения и самосохранения.

На каждом этапе фрейдовской метапсихологии человеческая душа ткется из двух нитей, однако то, как они меняются местами и перекрещиваются, создает, по выражению Жана Лапланша, «странный хиазму, загадку которой мы, последователи Фрейда, только начинаем расшифровывать». Часто для прояснения подобных шифров принято обращаться к Жаку Лакану — тем более, если речь идет об узлах. Однако я в докладе обращусь не к топологии позднего лакановского психоанализа, но к античной философии. Дело в том, что в позднем тексте «Конечный и бесконечный анализ» Фрейд приписывает авторство своей дуалистической теории философу-досократику Эмпедоклу из Араганта. Эмпедокл учил, что элементы материального мира приводятся в движение двумя противоположными силами — Любовью (*φιλία*) и Ненавистью (*γεῖξος*). И роль их может оказаться не так очевидна, как может показаться из названия: возможно, именно Ненависть оказывается тем, что на первом шаге ответственно за космогонию, а в мертвенно неподвижности и неразличимости Любви космос завершает свое существование. Используя (не вполне ортодоксальную) трактовку Эмпедокла как ключ, я покажу, как открытое Фрейдом либидо со временем скрывается под маской Танатоса, а затем — деструктивного влечения, — и буду утверждать, что эта перемена масок является защитой психоаналитической теории от собственного бессознательного, — или, по выражению Лапланша, ее «птолемеизацией».

Список источников:

1. Inwood B. et al. The poem of Empedocles: A text and translation with an introduction. — University of Toronto Press, 2001.
2. King B. Freud's Empedocles: The Future of a Dualism // Classical Myth and Psychoanalysis: Ancient and Modern Stories of the Self / Zajko V., O'Gorman E. — OUP Oxford, 2013. — P. 21–37.
3. Kingsley P. Ancient Philosophy, Mystery and Magic: Empedocles and Pythagorean Tradition. — Clarendon Paperbacks. Oxford: Clarendon Press, 1996. — 432 p.
4. Laplanche J. New Foundations for Psychoanalysis. — Oxford, UK; New York, USA: Basil Blackwell, 1989. — 176 p.
5. O'Hara D. On Freud's Femininity // Boundary. — 1999. — Vol. 2. — № 26. — P. 193–198.
6. Rada M. Indifference, the Vital Force // Parapraxis. — 2024. — № 3.
7. Лапланш Ж. Жизнь и смерть в психоанализе. — СПб.: Владимир Даев, 2011. — 376 с.
8. Фрейд З. Психология бессознательного. — Москва: Просвещение, 1990. — 448 с.
9. Фрейд З. Вопросы общества и происхождение религии. — Москва: Когито-Центр, 2016. — 446 с.
10. Фрейд З. Сочинения по технике лечения. — Москва: Когито-Центр, 2016. — 420 с.

М.М. Сперанский и митр. Филарет (Дроздов): понимание монархии

Плотникова Анастасия Андреевна, Колясников Даниил Сергеевич

Уральский гуманитарный институт

asyaplotnikova03@mail.ru, Kolyasnikov96den@yandex.ru

Феномен монархии имеет продолжительную историю, изучение его эволюции позволяет понять изменения в обществе. Интересно проследить различия и сходства взглядов на него политических деятелей и духовных лиц. В статье нами рассмотрено отношение к монархии деятелей XVIII–XIX веков — М.М. Сперанского и митрополита Филарета (Дроздова).

М. М. Сперанский (1772–1839) понимал, что система, основанная на абсолютной власти монарха, может привести к произволу [1] — необходимо создать механизм, при котором решения принимаются с учетом интересов всех слоев населения. Соборная монархия в отличие от абсолютной, основывается на принципе действия монарха в сотрудничестве с представителями общества. Борьба соборной и абсолютной монархии является сущностной составляющей российской государственности.

Так как колебания между соборностью и абсолютизмом могли вносить дестабилизирующий характер в политическое устройство, Сперанский выступал за развитие законодательства и разделение властей. Его реформы были направлены на укрепление власти монарха путем модернизации. Они не были радикальными и не предполагали перехода к конституционной монархии или республике. Парадоксальность мысли Сперанского — либеральные взгляды не конфликтовали с монархическими воззрениями.

Митр. Филарет (Дроздов) (1782–1867), считал, что государство возникает в ходе естественного разрастания популяции людей [4]. В отличие от М.М. Сперанского, который был либеральных взглядов, митрополит находился в парадигме отцовско-сыновнего восприятия [3], которой свойственны доверительные отношения между царем и народом.

Но он также формулирует определение государства как союза свободных нравственных существ. «Союз» подразумевает под собой осознанное подчинение государству на основе свободы, не только внутренней, нравственной, но и внешней.

В вопросе определения церковно-государственных отношений митр. Филарет (Дроздов) уделяет особое внимание связи земного государства и Царства Божьего [5]. Он не противопоставляет их. Государство он признает частью единого целого замысла Бога, и считает необходимым воплощать в жизнь христианские добродетели, тогда «земной град» будет пребывать под Божественным покровительством.

Таким образом, концепции монархии, разработанные М.М. Сперанским и митр. Филаретом (Дроздовым), представляют два подхода к организации государства и общественной жизни, отражающих противоречивые тенденции эпохи. Их объединяет признание необходимости сильной централизованной власти, общественного порядка и

монарха — гаранта благополучия. Сперанский, как сторонник просветительских идей и рационализма, стремился к созданию государства на основе европейских принципов, митрополит, опираясь на традиционные религиозно-нравственные ценности, отстаивал идею богоугодной монархии на патриархальных принципах. Важно отметить, что ни одна из этих концепций не была реализована в полной мере. Но они оказали значительное влияние на развитие политической мысли в России и способствовали формированию идеологических течений.

Список источников:

1. Сперанский М. М. Проекты и записки. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, Ленингр. отд-ние, 1961. — 244 с.
2. Филарет (Дроздов), митр. Московский. Творения. Слова и речи : в 5 т. — Репр. изд. — М. : Новоспасский монастырь, 2003–2007. — Т. 1: 1803–1821 гг. — 2003. — IV, 299, III с.; Т. 2: 1821–1826 гг. — 2005. — I, 426, IV с.; Т. 3: 1826–1836 гг. — 2006. — I, 480, V с.; Т. 4: 1836–1848 гг. — 2007. — 8, 635, VII с.; Т. 5: 1849–1867 гг. — 2007. — I, 581, XII с.
3. Филарет (Дроздов), митр. Московский. О государстве. — Тверь: Благовест, 1992. — 69 с.
4. Лушин А. Н. Митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов): формирование и особенности государственно-правовых воззрений. XIX век [Электронный ресурс] // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2020. — № 4 (52). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mitropolit-moskovskiy-i-kolomenskiy-filaret-drozdov-formirovaniye-i-osobennosti-gosudarstvenno-pravovyh-vozzreniy-xix-vek> (дата обращения: 25.10.2024).
5. Баган В. В. Учение о церковно-государственных отношениях в трудах святителя Филарета (Дроздова) [Электронный ресурс] // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. — 2019. — № 1 (5). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-o-tserkovno-gosudarstvennyh-otnosheniyah-v-trudah-svyatitelya-filareta-drozdova> (дата обращения: 25.10.2024).

Техническая связность и неразборная техника: пути тотализации порядка

Сапогов Иван Андреевич

Российский государственный гуманитарный университет

sapogovivan@gmail.com

Настоящий доклад представляет собой попытку обозначить актуальное положение техники и ее роль в тотализации того, что М. Фуко и его последователи называли термином *порядок* (фр. *dispositif* или англ. *apparatus*) [1; 2].

Несмотря на то, что естественно-правовая доктрина настаивает на автономии субъекта, новоевропейский порядок по мере своего становления стремится его сильнее контролировать. Воздействие на тело сменяет воздействие на душу и на саму жизнь как таковую [1]. Общественный прогресс у Фуко — бесконечно сужающаяся труба вроде механизма для упаковки новогодних елок, причем в конце трубы не обещается никакого марксистского взрыва или обвала.

К нынешнему моменту юридическое воздействие достигло известной степени внезапности, которая не была возможной ранее: права и обязанности порождаются виртуально, взыскание недоимок и долгов с цифровых счетов происходит практически моментально и не требует физического присутствия тела должника. Это серьезно меняет облик того, как право осуществляется на деле по крайней мере со времен *Habeas corpus* Карла II, когда возможность протестовать и лично являться перед судом стала важной юридической гарантией. Иллюзия всеподнадзорности (*raportisme*) [там же] становится реальностью.

Следом за Ж. Делёзом и Х. Алеманом мы склонны предположить, что определяющим фактором тотализации порядка стала техническая связность — беспрерывность общества контроля [3] или невозможность образования разрыва в дискурсе капитализма, борясь с которым столь же бессмысленно, как с Техникой или с ризомой [4]. К созданию технической связности ведут множество путей, главным из которых является препятствие, отсечение от капиталистической беспрерывности, вынесение за ее скобки тех, кто подключаться к ней не желает.

Рассуждения о технике — тем более, о правовой технике — могут показаться излишне метафоричными, однако, тенденции в проектировании технических устройств последнего времени, не позволяющих пользователю никаким образом модифицировать их работу, показывают, что техника как совокупность объектов и техника как образ действия оказываются снабжены схожими чертами. Неразборные устройства подключают субъекта к миру технической связности, которая не подчиняется его физическому телу, но подчиняет его.

Субъект поздней модерности оказывается нанизан на нить техники, натягиваясь, уничтожает субъекта, и он «исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [5].

Список источников:

1. Foucault M. Surveiller et punir. — Paris: Gallimard, 1975. — 360 p.
2. Фуко М. Рождение биополитики. — Санкт-Петербург.: Наука, 2010. — 447 c.
3. Agamben G. What is an Apparatus? // What is an Apparatus? And Other Essays. — Stanford: Stanford University Press, 2009. — P. 14.
4. Alemán J. Para una izquierda lacaniana. // Para una izquierda lacaniana... Intervenciones y textos. — Buenos Aires: Grama, 2010. — P. 17.
5. Deleuze G. Postscript on Societies of Control. — DOI: <https://deleuze.cla.purdue.edu/resource/gilles-deleuze-postscript-on-societies-of-control/> (дата обращения: 05.04.25).
6. Фуко М. Слова и вещи. — Москва: Прогресс, 1977. — 404 c.

GAME STUDIES

Эволюция пассивного геймплея: от текстовых симуляторов к автономным системам

Калимуллин Айдар ильнарович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

skydarindependent@gmail.com

Эволюция пассивного геймплея в компьютерных играх представляет собой уникальное явление, меняющее традиционные подходы к интерактивности. Исследование направлено на анализ этого явления через его эволюцию: от экспериментальных абстрактных симуляций до современных гибридных игровых форматов.

Ключевая проблема заключается в недостатке систематизации знаний о пассивном геймплее как концепте. Эта игровая механика, передающая активность от игрока к системе, размывает классическое понимание взаимодействия человека с виртуальной средой. Первые примеры этого явления включают такие проекты, как клеточные автоматы Конвея [3], которые показали, что автономные процессы могут быть увлекательны сами по себе. Сегодня idle-геймплей (например, «Cookie Clicker») показывает иную привлекательность игр: наблюдение за симуляциями и автоматизация становятся главными источниками удовольствия.

Анализ основан на изучении ключевых игровых проектов, таких как «Conway's Game of Life», «The Sims», «Cookie Clicker», а также автобаттлеров 2020-х годов. Использован междисциплинарный подход, который комбинирует теоретическую философию геймдизайна [1] и концепцию интерпассивности [2]. Опора на исторический контекст и работы в области искусственной жизни создает основу для идентификации ключевых этапов развития пассивного геймплея.

Выявлено, что пассивный геймплей подталкивает игрока к исследованию возможностей автономных систем, где контроль и наблюдение сменяются. Симуляции, такие как «The Sims», впервые представили геймплей с делегированием задач персонажам, что воспринимается как новая форма «взаимодействия». Idle-игры, такие как «Cookie Clicker», развивают эту идею, минимизируя взаимодействие игрока, но усиливая удовлетворение от результата автоматизированных процессов. Работы Джона Конвея о клеточных автоматах [3] и исследования игровой интерпассивности [2] демонстрируют, что фундамент пассивного геймплея заложен в концепции симуляций, существующих автономно, но под наблюдением.

Современные гибридные форматы, такие как автобаттлеры, интегрируют элементы ролевых игр и стратегий, предоставляя игроку минимальный контроль, но максимальную отдачу от наблюдения. Исследование показывает, что дальнейшая интеграция искусственного интеллекта и алгоритмов процедурной генерации станет следующим шагом в развитии пассивного геймплея.

Итоги демонстрируют, что современный пассивный геймплей меняет подходы к созданию игр, отдавая приоритет сложности систем и эстетике наблюдения. Следующие поколения игр будут строиться на тесной интеграции процедурных систем, симуляций жизни [3] и искусственного интеллекта. В долгосрочной перспективе игры с пассивным геймплеем могут продолжить размывание границ между играми-симуляциями, ролевыми стратегиями и искусственной жизнью.

Список источников:

1. Björk S., Juul J. “Zero-Player Games. Or: What We Talk about When We Talk about Players”, (materials) The Philosophy of Computer Games Conference, Madrid, 2012.
2. Fizek S. Interpassivity and the Joy of Delegated Play in Idle Games // Transactions of the Digital Games Research Association. — 2018. — Vol. 3. — № 3. — P. 137–163.
3. Gardner M. Mathematical Games: The fantastic combinations of John Conway’s new solitaire game “Life” // Scientific American. — 1970. — Vol. 223. — № 120–123. — P. 11.

Политические нарративы Disco Elysium

Кравченко Артур Алексеевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург

aakravchenko_5@edu.hse.ru

В настоящее время видеоигры являются мощным медиумом, способным создавать многомерные виртуальные реальности. Особого внимания заслуживает Disco Elysium, ролевая игра от студии ZA/UM, созданная в формате постмодернистского интерактивного романа.

Несмотря на многообразие смыслов и мест для различных дискуссий на базе игры [1], академические исследователи обходят политический аспект игры. Ключевая проблема заключается в ограниченности медиума — сюжет игры не предполагает участия в политической деятельности, а персонаж игрока не знаком с политикой. Существующие в игре политические идеологии лишь внешне схожи с идеологиями реального мира (инфраматериализм — коммунизм, ультралиберализм — либертирианство, морализм — социальный либерализм, роялизм — фашизм), однако говорить о полном сходстве невозможно. Соответственно, разбор политического пространства игры с позитивистской точки зрения невозможен.

Однако вышеуказанные особенности дают возможность рассмотреть политический дискурс Элизиума. Политика, не представленная в привычной форме, существует в нарративах — цепочках образов и символов. В политике нарративы формируют смыслы идеологий, возникающие в речевых ситуациях [2, с. 119], и представляют собой цепочки означающих — комплексы образов, которые возникают при разговорах об идеологии.

Речевые ситуации в Disco Elysium — это диалоги между главным героем игры Гарри Дюбуа и другими персонажами: реальными людьми и внутренними голосами. Политические смыслы появляются благодаря выбору игроком политизированной опции в диалоге из ответов носителей идеологии. Некоторые смыслы эволюционируют в нарративы внутри самой игры, превращаются в навязчивые мысли: спустя некоторое время игрок получает целостный политический нарратив о небольшом аспекте политики внутри игры. Названия таких мыслей говорят сами за себя: например, «Необъяснимая феминистская повестка» или «Гомосексуальное подполье».

Задачей исследования стало изучение политического внутриигрового дискурса через существующие в игре политические нарративы — цепочки смыслов и символов. Смыслы были проанализированы с помощью дискурс-анализа и контент-анализа в формате автоэтнографического исследования (в форме многослойных учетных записей) [3, с. 230–231]. Игра была последовательно пройдена четыре раза, в каждом случае в взаимодействиях с игровым пространством персонаж игрока намеренно выбирал

политизированные опции, закрепленные за одной из идеологий игры (инфраматериализм, ультралиберализм, морализм и роялизм). Смысл этих взаимодействий категорировался по идеологии, а также велся дневник, фиксирующий личные наблюдения и переживания.

Результатом исследования стала классификация смыслов по идеологиям, к которым они относятся, в формате базы данных.

Таким образом, политический аспект Disco Elysium исследуется не напрямую, а через контекст — диалоги между персонажем игрока и неигровыми персонажами — и опыт игрока-исследователя, что может оказаться полезным для будущих политологических исследований видеоигр.

Список источников:

1. Шибаев М.А. Disco Elysium: морфология полифонического нарратива // Артикульт. — 2022. — №47. — Т. 3 — С. 25–41.
2. Мусихин Г.И. Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации // Вопросы теоретической экономики. — 2024. — Т. 23. — № 2. — С. 116–133.
3. Рогозин Д. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. — 2015. — Т. 14. — №. 1. — С. 224–273.

Сплетение воспоминаний: методы реконструкции прошлого с помощью видеоигр

Жатин Фёдор Сергеевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —
Санкт-Петербург
fzhatin@edu.hse.ru

Видеоигры в последние десятилетия превратились в мощный инструмент для исследования и реконструкции прошлого. Они позволяют игрокам взаимодействовать с историческими событиями, личными нарративами и культурным наследием в уникальной интерактивной форме. Тема памяти как нарратива становится актуальной на сегодняшний день, поскольку со временем любой человеческий опыт становится «стандартизированным», что влечет к постепенной эрозии памяти [1, с. 298]. Мы же считаем, что видеоигры предлагают особую перспективу и методы для реконструкции прошлого. Настоящий доклад направлен на анализ механизмов, через которые память и история трансформируются в игровом пространстве.

Одной из ключевых особенностей видеоигр является их способность объединять визуальные, звуковые и нарративные элементы для создания эффекта вовлеченности. Например, в игре *What Remains of Edith Finch* (2017) семейная память реконструируется через исследование дома, где объекты и пространство выступают носителями нарратива. Игрок погружается в личные истории персонажей, постепенно раскрывая семейные тайны [2, с. 140].

Другой пример — *Valiant Hearts: The Great War* (2014), где память о Первой мировой войне оживает через эмоциональные истории персонажей. Эта игра создает мост между исторической документалистикой и личными переживаниями, подчеркивая важность человеческого аспекта войны. Используемая визуальная стилистика и игровые механики усиливают эффект погружения, превращая игрока в активного участника процесса осмысливания прошлого [4, с. 97].

Методология исследования основывается на анализе нарративных структур и игровых механик. Особое внимание уделяется объектам, которые выступают медиаторами памяти, и их роли в создании интерактивного опыта. Например, использование артефактов, которые игрок может исследовать, позволяет визуализировать и интерпретировать исторические события [3, с. 172].

Ожидается, что результаты исследования могут раскрыть новые горизонты для исследования цифровой истории и исторической реконструкции через игровые технологии. Это создаст основу для дальнейших академических работ, направленных на использование видеоигр как исследовательского инструмента в исторической науке.

Таким образом, видеоигры формируют диалог между игроком и историей, создавая новые способы интерпретации памяти. В дальнейшем можно исследовать, как цифровые технологии могут быть интегрированы в процессы сохранения памяти и формирования исторического сознания [5, с. 330].

Список источников:

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. — М.: Новое Литературное Обозрение, 2014. — 328 с.
2. Chapman A. Digital games as history: How videogames represent the past and offer access to historical practice. — New York: Routledge, 2016. — 278 p.
3. Eppink J. A brief history of Serious games // The American Journal of Play. — 2014. — Vol. 6. — № 2. — P. 163–179.
4. McCall J. Gaming the past: Using video games to teach secondary history. — New York: Routledge, 2011. — 234 p.
5. Uricchio W. Simulation, history, and computer games // Handbook of computer game studies / Eds. J. Raessens, J. Goldstein. — Cambridge: MIT Press, 2005. — P. 327–338.

Репрезентация травмирующих событий на примере компьютерных игр 1979 Revolution: Black Friday и Light in the Darkness

Хасанова Ангелина Раифовна, Хасанов Салават Камилевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

anrakhasanova@edu.hse.ru, vatsaal@yandex.ru

Обращаясь к восприятию истории через призму таких глобальных явлений, как видеоигры, нам кажется целесообразным применение концепции П. Нора (Pierre Nora), в которой существует дихотомия между «историей», как интеллектуальной операцией, реконструируемой по следам, и «памятью» как эмоциональным переживанием, связанным с реальным или воображаемым воспоминанием и допускающим всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения. Согласно этой концепции, компьютерные игры можно рассматривать в соответствии с упомянутой концепцией в качестве «мест памяти» — «крайней формы, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем» [1, с. 17–50].

В 1951 году в Германии было опубликовано эссе немецкого философа и теоретика культуры Теодора Адорно (Theodor Adorno) «Критика культуры и общество» [2], где Адорно выдвинул свой знаменитый тезис «писать стихи после Освенцима — варварство». Зигмунт Бауман (Zygmunt Bauman) обращает внимание на то, как «неправильная» память может привести к катастрофическим последствиям для будущего [3, с. 261–293]. В этом исследовании мы делаем попытку по-своему ответить на вопрос о существовании «правильных» форм памяти, в силу специфики рассматриваемых нами игр.

Одним из примеров игр, отражающих трагические исторические события, является «Light in the Darkness» (2022) Люка Бернарда (Luc Bernard) [4]. Это видеоигра, которая позволяет игроку пережить Холокост через историю еврейской семьи в оккупированной Франции. Сюжет охватывает период с 1939 по 1942 годы и демонстрирует процесс дегуманизации через бытовые сцены и неизбежность трагедии. Разработчики стремились создать эмоциональный эффект без прямой демонстрации насилия, комбинируя анимацию с архивными материалами.

Видеоигра «1979 Revolution: Black Friday» (2016), созданная Навидом Хонсари (Navid Khonsari), посвящена Исламской революции в Иране и предлагает игроку стать свидетелем ключевых событий через призму фотожурналиста Резы Ширази. Большое внимание удалено документальной точности: в игре представлены подлинные фотографии, аудиозаписи и архивные материалы того времени, а каждый снимок игрока сопровождается исторической справкой [5].

Подводя итоги, хотим определить «правильность» форм памяти о травмирующих событиях. Для нас правильной является та форма памяти, которая позволяет сформировать в обществе негативное отношение к явлениям, способным привести к трагическим событиям,

что позволяет снизить шансы на их повторение. Исходя из анализа двух игр, можно сделать вывод о том, что исторические процессы, репрезентируемые в них, способны оказать колossalное воздействие на индивидов, даже спустя значительные хронологические промежутки. Упомянутые игры являются крайне эффективным местом памяти событий и в конкретных случаях «правильными» вместилищами коллективной памяти.

Список источников:

1. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / Отв. ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок – Санкт-Петербург.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. — 1999. — С. 17–50.
2. Адорно Т. Критика культуры и общество [Электронный ресурс] // Артгид [сайт]. — 2018. — URL: <https://artguide.com/posts/1519> (дата обращения: 04.04.2025)
3. Бауман З. Актуальность холокоста. — Москва: Издательство «Европа», 2010. — 316 с.